

**Лариса Михайлова Колин Уилсон Фредерик Пол
Дэвид Редд К. Д. Вентвортс Джон Браннер Керри
Ричерсон Дин Уэсли Смит Майк Резник Зинаида
Бобырь Дж. Р. Р. Толкин Н. Эстель Татьяна Кухта
Татьяна Добрусина Алексис де Токвиль**

Сверхновая американская фантастика, 1994 № 06

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 6

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/493155>

Аннотация

«Рождественский» номер журнала — основная часть вошедших в него произведений связана с темой Рождества.

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ / декабрь 94 НОВАЯ

американская фантастика

Колонка редактора

Лариса Михайлова
Рождество смерть возрождение

Вступительную статью для рождественского номера я пишу в ночь накануне Ивана Купалы. Купальская ночь, по существу, очень созвучна христианскому Рождеству славится мощь животворящих сил на фоне сожаления о предстоящей гибели Девы-Солнца во мраке Зимы-Марены, празднуется целебная сила воды и света. Солнцеворот — 24 июня, солнце играет и топится в живительных потоках грозowych дождей, омывается в светлой росе, вольной воде рек. Может, неслучайно и созвучие: Купала — искупление... А Иисус Христос был рожден Девой Марией, как известно, во искупление. «Куп» — свет белый, ярый, символизирующий буйно растущий живой мир.

На пороге долгой ночи нужно всколыхнуть все душевные силы, припомнить все проступки и поискать в себе ростки добра. Литературная традиция рождественского рассказа ведет начало от древних поверий о космических силах, властвующих над жизнью человека. В современной научной фантастике и фэнтези рождественский рассказ продолжает жить: Христос под Рождество приходит на Луну, как в одноименном рассказе англичанина Дэвида Редда, волшебная рождественская ночь дает шансы изменить свою жизнь героям рассказа Дина Уэсли Смита «Подарки музыкального ящика».

Авторы номера исследуют тревожную грань между жизнью и смертью, на которой в XX веке стало привычным держать целые народы, ту грань, которую, собственно, и преступают убийцы, сталкивая за нее свои жертвы, но жертвы могут и воскреснуть... «Мертвец», написанный Джоном Браннером в «заочном» сотрудничестве с Борхесом, и целое «Племя мертвецов» Кэрри Ричерсон вряд ли кого оставят равнодушными, а главное — напомним, что гибнуть могут совершенно безвинные, зато губители несут в себе свою кару. Или черную карму, кто как привык считать, кто во что верит. А пока людям свойственно искать решений, освобождающих их самих от необходимости такие решения принимать. Оттого-то так притягательна становится «Чужая святыня» из рассказа одной из сверхновых «звездочек» «F&SF» К. Д. Вентвортс.

Великая власть магов над судьбами людей и вещами видима непосвященным, но покупается часто неоценимыми страданиями, как у

Мерлина из рассказа Майка Резника «Зимнее солнцестояние». Мерлин вызывает о помощи...

Последний наш номер в этом году мы завершаем подборкой «Средиземье — Земноморье — Лукоморье», где помещаем новый перевод малоизвестного произведения Толкиена (Толкина, в некоторых написаниях), вариацию по мотивам толкиеновских сказаний «Возвращение» Н. Эстель и две статьи о творчестве Профессора. Зинаида Бобырь была первой в нашей стране переводчицей Толкиена (как, впрочем, и первооткрывательницей Станислава Лема, Рэя Брэдбери, Роберта Хайнлайна для русского читателя, среди многих других фантастов Европы и Америки). Ее перевод, однако, увидел свет только в последний год жизни Зинаиды Анатольевны, да и то в сильно урезанном варианте. Верстку ей читали, сама переводчица тогда почти ослепла, хотя внутренним взором всегда видела золотые леса Лориена, могла истолковать любой эпизод саги Толкиена, с особой симпатией относилась к Голлуму. Статья Зинаиды Бобырь в нашей «Сверхновой» — дань памяти этому замечательному человеку в российской фантастике. В тексте сохранена авторская орфография и специфичная лексика К примеру, хоббитов З. Бобырь называла только Коротышами, а Гандальф был для нее всегда Кудесником, чему у нее существовало свое объяснение.

На сегодняшний день общий тираж произведений Толкиена в России (библиография книг Профессора на русском языке завершает номер) превысил шесть миллионов экземпляров. Появилось несколько разных переводов «Властелина...», имеющих своих почитателей и критиков. В статье Конст. Заводских сопоставляются переводы и предлагается авторский взгляд на сложившиеся тенденции, который может показаться любопытным современным «толкиенистам».

Но какие бы силы ни толклись на том историческом пятачке, где мы с вами находимся, Зима все равно поворачивает на Лето. А потому — с Рождеством Вас, дорогие читатели!

И надеемся на встречу в Новом, 1995, году!

Проза

Колин Уилсон Паразиты сознания¹

Я позвонил ему на раскопки по нашему личному коду. Как только на экране появилось лицо Райха, мне сразу полегчало. Не хочет ли он поужинать со мной, поинтересовался я. А что, есть какая-то срочная причина, спросил он в ответ. Нет, просто мне стало лучше и захотелось поужинать в компании, говорю ему. На удачу несколько директоров Урановой Компании собирались возвращаться с раскопок в Диярбакыр на шестичасовой ракете. Райх обещал прибыть с ней.

Выключив телескрин, я впервые задумался, почему Вайсман ни с кем не делился открытием. Мысль о том, что тебя «подслушивают» — словно кто-то контролирует твой канал телескрина, — вынуждает вести себя

¹ Продолжение. Начало в № 5. © Colin Wilson. Mind Parasites. 1968.
Перевел Сергей Фролов.

спокойно, сдерживать свои мысли, направляя их исключительно на пустяки.

Внизу, в директорском ресторане, которым и мы могли пользоваться, я заказал ужин. Здесь, мне казалось, будет безопасней. За час до прибытия Райха я прилег на кровать, закрыл глаза и постарался расслабиться до полного прояснения сознания.

Удивительно, но в тот момент это было совсем нетрудно. Даже наоборот, это упражнение подняло настроение. Я стал понимать кое-что о себе. Как неисправимого «романтика» меня частенько охватывала скука, причина которой была в недоверии к миру. От него не отвернешься, не отведешь глаза, не выбросишь из головы, поэтому надо сидеть, уставившись в потолок вместо того, чтобы слушать музыку или размышлять об истории сидеть и быть начеку. Да, теперь я знал, мой долг — научиться начисто отключаться от внешнего мира. Я понял, что имел в виду Карел: для паразитов самое главное — отвлечь наше внимание от них. Стоит узнать об их существовании, как тут же человек обретает новые силы и новые цели.

Ровно в половину седьмого пришел Райх. «А ты выглядишь молодцом,» — заметил он. Выпили мартини, и Райх рассказал о ситуации на раскопках — там вышла большая перебранка из-за того, под каким углом рыть первый туннель. В семь мы спустились поужинать. Столик достался в спокойном месте, у окна; несколько человек в зале кивнули нам — за последнее время мы стали международной знаменитостью. Заказали засахаренную дыню, и Райх потянулся за картой вин.

— Давай сегодня больше не пить, — предложил я, забирая у него карту, — потом поймешь, почему. Нам обоим нужна сегодня трезвая голова.

Райх недоуменно взглянул на меня:

— Что с тобой? Помнится, сегодня никаких дел не намечалось?

— Мне пришлось так сказать. То, о чем я собираюсь поведать, надо держать в секрете.

Он улыбнулся:

— Тогда, может поищем микрофоны под столом?

Я сказал, что не стоит, поскольку ни один из соглядатаев не поверит тому, что я сейчас скажу. Райх вопросительно уставился на меня. И я начал:

— Скажи, я произвожу впечатление нормального человека?

— Разумеется!

— А если я тебе заявлю, что через полчаса ты в этом усомнишься?

— Слушай, ради Бога, брось нести чушь. Я же знаю, что ты не псих. К чему ты все это говоришь? Ты хотел рассказать что-то о подземном городе?

Я покачал головой. А так как Райх окончательно был сбит с толку, начал объяснять, что весь день читал бумаги Карела Вайсмана:

— Кажется, я понимаю, почему он покончил с собой.

— Почему же?

— Лучше ты сам это прочти. Его объяснения будут лучше моих. Но главное, я не верю ни в его сумасшествие, ни в самоубийство: не знаю каким образом, но он был убит.

При этом меня не отпускала мысль, не начал ли он уже считать меня сумасшедшим? Я старался выглядеть как можно спокойнее, рассудительнее. Нет, за психа он меня по-прежнему не считал. Он лишь

предложил:

— Слушай, если ты не против, давай все-таки потом выпьем. Мне действительно хочется.

Пришлось заказать полбутылки «Ньюи Сен-Жорж» и помочь ему с ней справиться. Без лишних слов я изложил теорию Вайсмана о паразитах мозга. Для начала я напомнил о своих переживаниях на стенах Каратепа и о нашей беседе после этого. По ходу рассказа я еще больше проникся симпатией и уважением к Райху. По идее, он должен был поднять меня на смех и послать к черту после первой же фразы, ведь то, что я пытался объяснить, казалось откровенным бредом. Однако он понял — если я нашел в бумагах Вайсмана нечто такое, что убедило меня, то ему тоже стоит ознакомиться с ними.

Я помню, как мы возвращались в номер после ужина, и я вдруг ощутил нереальность происходящего. Если я прав, то между нами только что состоялся самый важный в истории человечества разговор.

Интересно, подумал я, глядя на гигантскую фигуру Райха, поднимавшегося по лестнице впереди меня, неужели он по-настоящему поверил в эту научную фантастику? Теперь все зависело от того, насколько он поверил мне.

В комнате мы выпили апельсинового сока. Теперь Райх понял, почему я хотел сохранить трезвую голову. Он не стал курить. Я протянул папку с «Историческими размышлениями» и показал на впечатанное сверху предложение. Сидя рядом, я еще раз перечитал записки вместе с ним. Закончив читать, Райх встал и долго расхаживал по комнате, не проронив ни слова. Наконец я произнес:

— Надеюсь, ты понимаешь, какой опасности я подвергаю твою жизнь, если все это — не бред сумасшедшего?

— Это меня не волнует. Опасность и раньше была. Но я хотел бы узнать, насколько она реальна. Я же еще не сталкивался с вампирами мозга, поэтому мне трудно судить, — ответил он.

— Я тоже не сталкивался и знаю не больше твоего. В бумагах Вайсмана полно рассуждений о них, но нет ничего определенного. Придется начать почти с нуля.

Он смотрел на меня несколько секунд и затем спросил:

— Ты действительно в это веришь?

— Лучше бы не верить.

Просто абсурд какой-то: мы разговаривали языком героев из романа Райдера Хаггарда², однако все происходило наяву. Мы еще с полчаса поболтали о всякой ерунде, и затем Райх заявил:

— Мы должны немедленно сделать вот что: надо наговорить все это на магнитофонную кассету и оставить ее на ночь в сейфе. Если с нами что-то случится ночью — эта запись послужит предупреждением. Двоих принять за сумасшедших будет труднее, чем одного.

Он был прав. Я достал свой магнитофон и надиктовал выдержки из записок Вайсмана. Затем слово взял Райх. Он сказал, что до конца не уверен — сумасшествие это или нет, но что все сказанное звучит довольно убедительно и оправдывает меры предосторожности. Мы по-прежнему не знаем, как умер Вайсман, но у нас на руках его дневник с записями,

2 Генри Райдер Хаггард (1856-1925) — английский писатель, автор экзотических приключенческих романов.

сделанными за день до гибели, и они кажутся вполне здоровыми.

Когда кассета закончилась, мы запечатали ее в пластиковую коробку и отнесли на ночь в сейф банка Урановой Компании. Затем я позвонил управляющему и объяснил, что мы положили в сейф кассету с важной информацией и просим поддержать ее там до тех пор, пока не понадобится. Наш расчет был прост — он решил, что информация касается раскопок и участия в них, поэтому обещал взять хранение кассеты под свой контроль.

Теперь пора и поспать: я объяснил Райху, что над бодрым мозгом у паразитов меньше власти. На всякий случай мы решили держать телескрины включенными всю ночь и после этого разошлись по комнатам. Недолго думая, я принял сильное снотворное — хотя было всего лишь десять вечера — и лег в постель. Я старался ни о чем не думать и не отвлекаться, поэтому моментально заснул.

Райх разбудил меня в девять утра. В голосе его слышалось облегчение после того, как я сказал, что у меня все в порядке. Через десять минут мы встретились за завтраком.

Только теперь, сидя в залитой солнцем комнате и попивая апельсиновый сок, мы наконец всерьез задумались о паразитах. Свой разговор мы полностью записали на магнитофон. Для начала обсудили проблему «конспирации» — сколь долго мы сможем держать в секрете от паразитов наши знания о них — и пришли к выводу, что ответа на это получить неоткуда. Поскольку, Вайсман прожил полгода после того, как обнаружил их присутствие, непосредственная опасность, видимо, нам не угрожала. К тому же они знали, что Вайсман сам на них выходит, и всячески пытались помешать его сознанию заниматься этой проблемой. С самого начала Карел был для них «меченым». С другой стороны, за день до того, как я прочитал «Исторические размышления», я не чувствовал никакого чуждого присутствия, а потом, когда появлялось ощущение тревоги и чувство паники, я быстро справлялся с ними и чувствовал себя здоровым и душевно и физически. Это уже обнадеживало. (Моя бабка как-то рассказывала, как в начале последней мировой войны все выглядели как никогда счастливыми и жизнерадостными. И теперь я понял, почему.)

Видимо, «они» до сих пор не обнаружили, что секрет Вайсмана разгадан. Впрочем, это неудивительно — мы же не знаем, сколько их, но если они контролируют 5 миллиардов жителей планеты, то за всеми им не уследить. Предположим, сказал Райх, что теория Юнга верна, и человечество действительно обладает единым огромным разумом, безбрежным океаном «подсознательного». Допустим также, что паразиты обитают на дне этого океана и стараются не приближаться к поверхности, чтобы не быть замеченными. Тогда, откуда им знать, что мы давно знаем об их существовании? Видимо, Вайсман слишком бурно отреагировал на свое открытие и спугнул паразитов.

Накануне мы решили, что лучший способ изучения паразитов — погружаться при помощи наркотиков в глубины собственного сознания. Теперь это казалось опасным. Что же нам оставалось помимо наркотиков?

К счастью, у Вайсмана и об этом было написано. Внимательно просмотрев «Размышления», мы нашли ответ. Да, только феноменология Гуссерля подходила нам как метод. Гуссерль собирался составить карту «структурного сознания» — своего рода «географию» разума, используя лишь, что относится к анализу сознательных процессов. В этом была здравая мысль: если вы продвигаетесь с картой по незнакомому

континенту — скажем, по джунглям Венеры, — то вам не придется понапрасну плутать в трех соснах. Вы будете полагаться на свои приборы и на свой вертолет. Самое главное — уметь различать, что за местность под вами. Так и с географией человеческого разума — главное, не зарываться в сферы подсознательного, а уяснить в доступных образах, что нам действительно известно о нашем сознании. Обладая такой картой, можно пройти пешком от Парижа до Калькутты без географического атласа. Хоть до Одессы шагай. Если бы у нас был атлас человеческого сознания, мы смогли бы исследовать всю территорию от смерти до мистических видений, от кататонии³ до гениальности.

С другой стороны — человеческий интеллект подобен гигантскому электронному мозгу, рассчитанному на самые необычные задачи. Но, к сожалению, человек до сих пор не знает, как им управлять. Каждое утро он просыпается, подходит к пульту управления и начинает крутить ручки, давить на кнопки. Абсурдность его поведения заключается в том, что, владея такой мощной машиной, он умеет выполнять на ней лишь самые примитивные операции на потребу повседневным нуждам. Есть, конечно, те немногие, которых называют гениями, которым удается создавать симфонии или стихи, открывать математические законы.

И уж считанные единицы используют свой мозг для того, чтобы изучить его возможности. Они включают этот мощный механизм, чтобы разобраться, в чем его назначение. Они знают, что мозг может создать и симфонию «Юпитер»⁴, и «Фауста», и «Критику чистого разума», и многомерную геометрию. Хотя все эти произведения вполне могли быть созданы случайно или, по крайней мере, бессознательно. Многие великие открытия были сделаны благодаря случаю, и всякий раз исследователи пытаются разобраться в тех скрытых законах, которые этим случаем управляют. Если бы человек нашел разгадку величайшей из тайн — загадки собственного мозга, он стал бы Богом. Следовательно, может ли быть цель более важная для сознания, чем исследование законов мышления? Это-то и называется «феноменологией» — возможно, самое важное слово в словаре человеческой расы.

У нас просто дух захватило от масштаба поставленной задачи — редкого ученого обрадует перспектива бесконечных поисков. Позднее мы не раз думали о том, почему вампиры стремятся сохранить свое присутствие в тайне от нас. Для среднего человека душевное заболевание всего лишь физический недуг, но если бы он попробовал сам бороться с болезнью, его бы уже ничто не остановило.

Помню, после этого мы отправились в столовую на утренний чай (кофе мы решили не пить принципиально, расценив его как наркотик). Когда мы переходили главную площадь Компании, я обратил внимание, что на окружающих мы взираем снисходительно, словно представители более высокоразвитой цивилизации. Как же они все погрязли в мелочных заботах, запутались в своих ничтожных желаниях в то время, когда мы наконец-то столкнулись с единственно настоящей реальностью — эволюцией мозга!

Первые результаты не замедлили сказаться: я начал сбрасывать

3 Нервно-психическое расстройство.

4 Последняя симфония Моцарта.

лишний вес, здоровье приходило в норму. Я спал глубоким спокойным сном, а просыпался отдохнувшим и бодрым. Работа мозга поражала своей точностью — я мыслил спокойно, без спешки, почти педантично. Это было очень важно для нас обоих. Вайсман сравнивал паразитов с акулами, а чем обычно привлекают акул неопытные пловцы? Своими криками и шлепаньем по воде. Мы же не собирались допускать подобных ошибок.

Мы снова вернулись к раскопкам, но вскоре нашли отговорку, чтобы бывать там как можно меньше. Это было совсем нетрудно, поскольку оставшаяся часть работ больше касалась инженеров, чем археологов. Райх на всякий случай уже подумывал, как бы перебросить оборудование в Австралию — там находилось одно местечко, описанное Лавкрафтом в «Тени времен», а поскольку с некоторых пор у нас исчезли сомнения в ясновидении Лавкрафта, игра стоила свеч. В августе мы просто решили взять отпуск, сославшись на жару. Целыми днями пристально и незаметно следили за малейшими сигналами паразитов. Умственное и физическое самочувствие было великолепным, мы постоянно были начеку в ожидании любых проявлений ментального «вторжения», которые описывал Карел. Но все было спокойно, и это настораживало. Случайно я обнаружил причину этого спокойствия, когда в начале октября приехал в Лондон. Срок аренды моей квартиры на Перси-стрит подходил к концу, поэтому пришлось вылететь утренней ракетой в Лондон, и в одиннадцать я был дома. Едва я зашел в комнату, как тут же понял — они здесь. За месяцы ожидания этой встречи мои чувства весьма обострились. Раньше я бы ни за что не понял, откуда свалилась на меня внезапная подавленность, какой-то затаенный страх, вспыхнувший, словно расстройство желудка. Теперь-то я был дока. Я знал, к примеру, что внезапная дрожь по телу — так называемые «мурашки» — всего лишь обычный сигнал тревоги: кто-то из паразитов поднялся слишком близко к поверхности сознания.

Да, меня рассматривали паразиты в моей комнате. Странно, конечно, звучит: «в моей комнате» — они же были внутри меня. До чего же несовершенен наш обыденный язык. В каком-то смысле единое сознание совпадает с единым пространством и временем, как считал Уайтхед⁵. На самом деле, сознание вовсе не «внутри» нас, как например кишечник. Личность человека подобна водовороту в океане сознания, она своего рода — отражение мировой души. Итак, когда я вошел в комнату, паразиты были уже внутри меня и ждали меня там. И я знал, почему: они стерегли бумаги.

Недели тренировок прошли не зря. Мой мозг увернулся от их слежки, как дерево пригибается от ветра или как больной прячется за свою болезнь. Снова мне показалось, что за мной следят не акулы, а спруты — зловещие обитатели дна. Не обращая внимания на слежку, я занялся делами: подошел к ящикам, заглянул в них и без особого интереса полистал папки с психологическими исследованиями. Теперь я знал, что обладаю новой силой мозга. Я просто взял и отрешился от человека, которого пару месяцев назад звали Гилбертом Остином, отделился, словно кукловод от марионетки. И куда они наблюдали за мной, я

5 Альфред Норт Уайтхед (1861–1947) — англо-американский математик, логик и философ.

смешался со своим бывшим «Я», став при нем, если можно так выразиться, просто пассажиром, при моем прежнем «Я». Больше незачем бояться обнаружения, для этого у меня был слишком хороший самоконтроль. Я отключился от старого «Гилберта Остина» — тот словно кукла прошелся по комнате, позвонил в Хэмстадт и справился о здоровье миссис Вайсман, затем позвонил в фирму по хранению имущества и попросил перевезти мебель (мою мебель) и ящики с бумагами к ним на склад. Затем сходил поговорить с домохозяином, а остаток дня провел в Британском Музее у Германа Белла, заведующего археологическим отделом. И все это время я знал о слежке паразитов, хотя она была уже не такой пристальной. Видимо, после того как я распорядился насчет ящиков, интерес ко мне стал спадать.

Двое суток подряд я старался не думать ни о чем, кроме ежедневной рутины, связанной с раскопками в Каратепе. Это было не так уж сложно (позже читатель поймет, почему). Надо было лишь, по системе Станиславского, отождествить себя с той частью Гилберта Остина, которая с возбуждением рассказывала Беллу о раскопках и прочих вещах. Прогуливаясь по Лондону, я встретил старых друзей и принял приглашения на «скромную вечеринку», где со мной носились, как со знаменитостью (вечеринка тут же превратилась в огромное сборище, куда сбежались толпы приглашенных «на меня»). Я умышленно старался шевелить мозгами кое-как, в моей прежней манере. Возвращаясь домой, я хорошенько обдумал свое идиотское времяпрепровождение и дал себе слово не повторять больше подобных вылазок. Когда вертолет Компании приземлился в Диярбакыре, я почувствовал, как все вокруг очистилось, но я по-прежнему старался скрывать свои мысли за надежным щитом целых двое суток. К тому же Райх был на раскопках, так что искушение расслабиться у меня не возникало. Когда он вернулся, я все рассказал и предположил, что после отправки ящиков на хранение «они», возможно, отстанут от меня. Впрочем, уповать на это не стоило — надо по-прежнему соблюдать бдительность.

Итак, мы узнали кое-что новое о паразитах. Выходит, они не держат под постоянным контролем всех жителей планеты. Но тогда, почему же люди не «выздоровливают», когда паразиты оставляют их в покое?

Целые сутки мы ломали над этим голову. И Райх нашел ответ. Однажды он разговаривал с женой Эверта Рубке, президента Англо-Индийской Урановой Компании — тот только что отбыл на пару недель отдохнуть на Луне. Она пожаловалась, что у мужа совсем сдали нервы.

— Почему? — удивился Райх. — Ведь дела в Компании идут превосходно.

— О, да, — признала она. — Но когда человек возглавляет такой огромный концерн, как АИУК, он привыкает к постоянным тревогам и порой не в силах от них отвлечься.

Вот оно, что — привычка! Это же самоочевидно, если только дать себе труд немного поразмыслить! Не зря психологи толкуют нам, что человек, по сути своей, машина. Лорд Лестер⁶ сравнил как-то человека с огромными напольными часами, которые идут при помощи пружинок от маленьких наручных часиков. Малейшая травма в детстве вызывает иногда пожизненный невроз. А парочка удачных моментов на заре жизни

6 Намек Уилсона на самого себя: он родился в Лестере.

делают человека вечным оптимистом. Тело справляется с болезнетворными бактериями за неделю, а мозг сохраняет микробы болезненности и страха до конца дней. Почему? Потому что мозг склонен к застою. Он работает по привычке, от которой сложно избавиться, особенно, если эта привычка вредная.

Иными словами, уж если паразиты мозга «застолбили» кого-то, то человек этот становится словно подпорченные часы, к нему достаточно лишь раз в год наведываться для контроля. С другой стороны, Вайсман установил, что люди отравляют друг другу жизнь и этим здорово экономят силы паразитов. Детям передается мировоззрение их родителей. Один писатель-пессимист влияет на целое поколение литераторов, а те, в свою очередь, — почти на всех образованных людей в их стране.

Чем больше мы узнавали о паразитах, тем яснее понимали, до чего же они примитивны, и все более невероятной удачей казался нам случай, приведший к порогу тайны. И лишь гораздо позже слово «удача» перестало быть для нас неопределенным, подобно большинству абстрактных существительных — в нем появился совсем иной смысл.

Долго мы обсуждали главный вопрос: кого еще стоит посвятить в это? Найти ответ было непросто. Начали мы неплохо, но любой неверный шаг мог погубить все. Прежде всего, надо подобрать людей, способных правильно воспринять наше знание. Не то, чтобы мы очень боялись, что нас сочтут за сумасшедших, нет, просто нужна была уверенность в том, что избранные нами союзники действительно принесут пользу, а не разрушат уже сделанное.

Мы пересмотрели кучу книг по психологии и философии в поисках автора, близкого нам по духу. Несколько отыскали, но покуда сохраняли осторожность. К счастью, я и Райх быстро овладели навыками феноменологии; поскольку мы оба не были философами и никакими предубеждениями против Гуссерля не обладали, семена его теории нашли благодатную почву, и теперь надо было разработать способ *тренировки* в этом виде ментального спорта. Способ, которым могли бы пользоваться другие люди. Мы не могли рассчитывать на одну лишь их сообразительность. В кратчайшие сроки их надо обучить тому, как защищаться от паразитов мозга.

Видите ли в чем дело: стоит научиться однажды пользоваться своим мозгом по-настоящему, как дальше все пойдет само собой. Главное — порвать с привычкой, нажитой человечеством за миллионы лет: отдавать все внимание внешнему миру и считать воображение лишь формой бегства от реальности, когда на самом деле, воображение — это короткая экскурсия в огромные неведомые страны нашего сознания. Мы должны знать, как работает мозг. Но не в физическом смысле, а, именно, как он чувствует и познает. Как оказалось, самое трудное для человека — понять, что «чувство» есть лишь другая форма познания. Я смотрю на человека, и я «вижу» его — это объективно. А ребенок смотрит на того же человека и говорит: «У-у, какой противный дядька». Ребенок в данном случае чувствует, а для взрослых это «субъективное». Мы даже не подозреваем, насколько глупа такая классификация, и какой хаос она вносит в мышление. На самом же деле, чувство ребенка также является «пониманием», но в более глубоком смысле, точно как наше «видение» является чувством.

Представьте себе это на примере того, как мы смотрим в бинокль. Вы

крутанули колесико — и все расплылось. Затем еще один поворот проясняет картинку, делает ее резкой. Теперь представьте, что происходит, когда вам говорят: «Старик такой-то прошлой ночью умер». Голова ваша обычно полна самых разных мыслей, и вы в этот момент ничего не чувствуете, вернее, чувствуете что-то *неопределенное*, расплывчатое. Возможно, неделю спустя, вы будете сидеть в комнате и читать, как вдруг что-то напечалит об умершем старике, и вы почувствуете неподдельное горе. Чувства сфокусировались, словно в бинокле. Как еще убедить человека в том, что чувство и познание, в основе своей, — одно и то же?

Мой труд в большей степени является историческим, нежели философским, поэтому я не собираюсь вдаваться в подробности феноменологии. (Я уже сделал это в других книгах, а также посоветовал бы в качестве прекрасного объяснения предмета труда лорда Лестера.) Однако все эти философские выкладки необходимы для понимания истории борьбы против паразитов сознания. Ибо главным оружием против них был своеобразный «глушитель мысли», который можно сравнить с устройством, создающим помехи для радара. Мозг мыслящего человека постоянно изучает вселенную. «Жизнь пробужденного индивидуума есть постижение». К примеру, астроном следит за небом в поисках новых планет. А новые планеты открываются при сравнении старых и новых снимков звездного неба: если звезда сдвинулась со своей точки, то это уже не звезда, а планета. Вот так же наши чувства и рассудок постоянно обшаривают вселенную в поисках «смысла», который возникает лишь тогда, когда мы сравниваем две разновидности опыта и выводим общую закономерность.

Взять, к примеру, первое знакомство ребенка с огнем: ему кажется, что огонь — это здорово, это тепло и свет. Если же он попробует коснуться огня, то узнает нечто новое — огонь способен обжигать. Но ребенок вовсе не считает огонь неприятной штукой, если, конечно, этот ребенок не пуглив и истеричен. Он просто совместит два опыта, словно две звездные карты и отметит для себя, что любое качество огня должно быть четко отделено от остальных. В этом и заключается процесс познания.

Скорее всего, паразиты сознания умышленно «замутили» наши чувства, когда мы пытались сравнить оба опыта. Они словно взяли и подменили окуляры астронома на такие же, но с мутными линзами. Мы не успели засечь этот момент. Случись нам быть слабее духом, мы пришли бы к ложному выводу: огонь — это «плохо», потому что больно.

Я прошу прощения у нефилософов за эти объяснения, но они действительно необходимы. Цель паразитов — удержать человечество от открытия собственных сверхсил, а для этого все средства хороши — они «глушат» наши эмоции, притупляют чувства, а мы из-за этого погружаемся в своеобразный ментальный туман. «Исторические размышления» Вайсмана были попыткой изучить историю двух последних столетий и обнаружить, каким образом паразиты проводили наступление на род человеческий.

Возьмем для примера поэтов-романтиков начала XIX века — Вордсворта, Байрона, Шелли, Гете. Разве можно их сравнивать с поэтами предыдущей эпохи — Драйденом, Поупом и другими. Романтики обладали мощными биноклями, которые были сфокусированы на самой сути существования человека. Однажды Вордсворт стоял ранним утром на

Вестминстерском мосту над Темзой и внезапно почувствовал, как забурлил его мозг, как стремительно его ощущения стали наслаиваться одно на другое. В один миг он окинул взором всю человеческую историю, взглянув на нее подобно орлу сверху, хотя до тех пор привычным был взгляд червя. И если перед человеком сверкнет эта истина — будь он поэт, ученый или государственный муж, — он обретает могучее чувство силы и отваги, для него становится ясным смысл жизни и человеческой эволюции.

И в этот-то момент истории, когда человеческий мозг совершил невероятный скачок вперед, — эволюция всегда движется скачками, словно электрон, прыгающий с одной орбиты на другую, — паразиты сознания забили тревогу. Они действовали хитро, с дальним прицелом. Они продолжали манипулировать лучшими умами планеты. У Толстого в «Войне и мире» эта истина сверкнула на миг, *действительно*, когда он заявил, что личность играет в истории не самую главную роль — исторический процесс движется механически. Участники наполеоновских войн *действительно* двигались не по собственной — волемеханически, — они были не более чем пешками для паразитов сознания. Что подвигло ученых стать догматиками и приверженцами материализма? Очень просто — им внушили глубокое чувство психологической неуверенности и незащищенности, и они с готовностью ухватились за идею науки как абсолютно объективного «знания». Тот же механизм использовался, когда паразиты пытались обратить мозг Вайсмана к математическим и шахматным задачам. И так же хитро были сбиты с толку писатели и художники. Титаны, подобные Бетховену, Гете, Шелли, пожалуй, привели паразитов в ужас — ведь несколько десятков художников такого масштаба могли бы поднять человечество на следующую ступень эволюции. Поэтому, Шумана и Гельдерлина довели до сумасшествия, Шелли спился, а Кольридж и Де Куинси стали наркоманами. Гениев уничтожали безжалостно и без особых усилий, словно мух. Стоит ли после этого удивляться, что крупные художники девятнадцатого века так остро ощущали враждебность мира. Стоит ли удивляться, что Ницше, отважно попытавшийся воспеть славу оптимизму, молниеносно был сброшен в безумие. Не стану углубляться дальше в эту проблему — книги лорда Лестера освещают ее в полной мере.

Паразиты пользуются историей как ловушкой для человечества. Именно история всегда была их главным оружием. Они ее немного «исправили», и история превратилась в притчу о слабости человеческого существа, о безразличии природы и беспомощности человека в борьбе с Необходимостью. И как только мы сможем осознать эту «исправленность» истории, мы тут же станем недостижимы, избавимся от игры, в которую нас втягивают. Выходит, если даже Моцарт, Бетховен, Гете и Шелли не справились с паразитами, то грош им цена. На деле же сами паразиты не стоят ломанного гроша. Говорить о человеческой слабости — просто глупо. У человека бездна сил, если бы их каждую ночь не подтачивали вампиры души.

Это открытие вдохнуло в нас небывалый оптимизм. На данном этапе он был вызван нашим полным неведением относительно истинной сути паразитов. Зная, как они стремятся ничем не обнаружить своего существования, мы пришли к выводу — и дорого за него впоследствии поплатились, — что у паразитов не было реальных возможностей навредить нам. Оставалась, правда, неразгаданной история самоубийства

Карела, однако его вдова предложила вполне правдоподобное объяснение. Карел любил чай с сахарином, а бутылочка с цианистым калием была точь в точь похожа на склянку с сахарином. Скорее всего, он заработался и по рассеянности бросил в чай яд. По идее, его должен был остановить запах. Но если паразиты в состоянии притуплять обоняние, так сказать, «глушить» его, то почему бы им не сделать это? Карел, по-видимому, сидел ни о чем не подозревая за столом, думал о работе, наверняка устал. Он автоматически тянется за сахарином, и один из паразитов услужливо ведет его руку несколькими дюймами левее...

Райх и я были готовы принять эту версию, которую подтверждали остатки цианидов в чае. Она также соответствовала нашей концепции, что принципиально паразиты сознания не опасней любых других паразитов, таких, как древооточек или сумах ядоносный. Поэтому, достаточно знать о них, принять меры, и все будет в порядке. Уж мы-то не будем такими растяпами, как Карел Вайсман. Нас им никогда не обвести. Что они могут сделать? Например, сыграть с нами печальную шутку во время поездки в автомобиле. Когда гонишь под 90 миль в час, это совсем не трудно. И тогда мы решили полностью отказаться от машины, даже в роли пассажиров. (Любой водитель может оказаться более уязвимым, чем мы.) Другое дело — летать на вертолете: там стоял автоматический радар, с которым невозможно попасть в аварию. А когда мы слышали об убийстве солдата местным пьянчужой, то поняли — это еще одна возможность, о которой не стоит забывать. По этой причине мы не расставались с оружием и старались избегать шумных компаний.

И все же в первые месяцы дела шли настолько гладко, что было трудно не расслабиться. Когда мне было чуть больше двадцати и я учился археологии у сэра Чарльза Майерса, я частенько испытывал такое возбуждение, словно жизнь только началась. И все же, даже то чувство трудно сравнить с моим нынешним оптимизмом. Я понял, в чем состоит ущербность обыденного человеческого существования, его нелепость, напоминающая попытку наполнить ванну без пробки или вождение машины при включенных тормозах. Творческие силы человека постоянно совершенствуются, но созданное им теряется с каждой минутой. Как только мы осознаем это, все станет на свои места. Ощущение жизненной силы и самообладания наполнит наше сознание. Исчезнет зависимость от эмоций и настроения, мы сможем контролировать их столь же легко как движения рук. Для тех, кто не испытывал такого ощущения, объяснить его едва ли возможно. Люди слишком привыкли к тому, что с ними всегда что-то «случается». Они простужаются, впадают в депрессию, они что-то приобретают, от чего-то избавляются, их одолевает скука... Но однажды я обратил свое внимание в глубь собственного сознания, и подобные вещи перестали со мной случаться — теперь я мог их контролировать.

До сих пор вспоминаю самое сильное переживание той начальной поры. Я сидел тогда в библиотеке Урановой Компании около часа дня, читал свежую статью по лингвистической психологии и размышлял над тем, стоит ли доверять наш секрет автору статьи или нет. Меня заинтересовали некоторые ссылки на основателя этой школы — Хайдеггера. Я неожиданно со всей ясностью увидел ошибку, которая вкралась в основание его философии, а заодно узрел те заманчивые перспективы, что сулили открыться в случае исправления ошибки. И тут над моим ухом с противным зудением пролетел комар, потом вернулся и

еще раз пролетел, и так несколько раз. Погруженный в раздумья о Хайдеггере, я лишь мельком взглянул на насекомое и пожелал ему поскорее убраться в окно. В тот же миг я почувствовал, как мои мысли были *восприняты* комаром. Он неожиданно отклонился от своего курса и полетел в сторону закрытого окна. Я мысленно держал его и не отпускал до тех пор, пока не направил через всю комнату к открытому окну, где крутился вентилятор и где воздушный поток помог ему вылететь на улицу.

Пораженный, я откинулся на спинку стула и в крайнем изумлении уставился вслед насекомому. Вряд ли я бы больше поразился, если бы я сам внезапно отрастил крылья и полетел. Но неужели это я вывел комара из комнаты? Я вспомнил, что в туалете обитает целый рой ос и пчел — их привлекали растущие под окном пионы. Направился туда. В туалете было пусто, лишь одна оса жужжала и билась о холодное оконное стекло. Я прислонился к двери, сосредоточился на осе. Ничего не произошло. Обидно — я чувствовал, что допускаю какую-то ошибку, словно толкаю дверь, запертую на ключ. Снова мысленно вернулся к Хайдеггеру, почувствовал растущее возбуждение и неожиданно ощутил, как в моем мозгу произошло некое *сцепление*. Я вошел в контакт с осой, словно зажал ее в кулаке. Я велел ей подлететь ко мне. Впрочем, нет, «велел подлететь» — это не то выражение. Вы же не приказываете своей ладони сжиматься и разжиматься — вы просто делаете это. Так же и я поднес осу через всю комнату к себе, затем развернул ее, отнес к окну и вышвырнул на улицу. Это было настолько невероятно, что я был готов одновременно рыдать и смеяться. Больше всего рассмешило гневное возмущение осы, которой пришлось улететь против собственной воли. И я чувствовал этот гнев.

Влетела еще одна оса — а может, та же самая, — и снова я выставил ее на улицу. Правда, после этого накатила усталость — мой мозг пока не привык к таким трюкам, и хватка на этот раз ослабла. Внизу, среди пионов огромная пчела охотилась за нектаром. Я мысленно схватил ее и приказал улетать. Насекомое начало сопротивляться — в точности словно пес, выведенный на прогулку и рвущийся с поводка. Я напряг силы — разгневанная пчела выпорхнула из бутона. Внезапно я почувствовал усталость, и пчелу пришлось отпустить.

Мне больше не хотелось доводить себя до истощения, как случалось в годы глупой юности, я просто расслабился, стараясь успокоить свой мозг и подумать о чем-то другом. Через десять минут чувство мозгового спазма улетучилось.

Интересно, а получится то же самое с неживыми объектами? Я сконцентрировал внимание на выпачканном губной помадой сигаретном окурке, который лежал в пепельнице на соседнем столе, и попробовал передвинуть его. Это удалось — окурочек переместился до края пепельницы, но чего это мне стоило — гораздо тяжелее, чем с пчелой. Зато здесь меня ждал новый сюрприз: едва я вошел в мысленный контакт с сигаретой, как по телу пробежала волна острого сексуального желания. Я отвлек внимание от окурка, потом снова «подключился» к нему — снова то же чувство. Позднее я узнал, что эту сигарету курила секретарша одного из директоров — пухлогубая блондинка в толстых роговых очках. Ей что-то около тридцати пяти, не замужем, довольно неврастеничная особа, сразу и не скажешь — привлекательна она или нет. Вначале я решил, что это было мое собственное вожделение — вполне нормальная

реакция на такой сексуальный стимул как окуроч со следами помады, — однако в следующий раз, когда секретарша сидела неподалеку, я попробовал мысленно «прикоснуться» к ней, и меня словно ошарашило электрическим разрядом терпкой, почти животной похоти, исходившей от нее. Может быть, перелистывая страницы статистического отчета, она задумалась в этот момент о сексе вообще или о каком-то конкретном партнере. Скорее всего, возбужденность была ее привычным состоянием.

Узнал я от нее и еще кое-что. Стоило мне ослабить свое внимание, как она бросила на меня задумчивый взгляд. Я продолжал читать и делал вид, что не замечаю ее. Она, похоже, потеряла интерес ко мне и снова погрузилась в свои цифры. Но я успел сделать важный вывод: она ощутила мой «мысленный зондаж». Когда я пробовал «подключаться» к мужчинам, те никак не реагировали. Выходит, женщины, особенно с проблемами на почве секса, обладают сверхчувствительностью к подобным вещам.

Но это выяснилось позже. В тот день я лишь пробовал манипулировать окурком и добился своего, хотя и с большим трудом. Видимо, причина в том, что окуроч был неживым. Куда легче воздействовать на живые объекты, поскольку можно использовать их жизненную энергию и не надо преодолевать инерцию.

К вечеру, все еще захваченный своим новым открытием, я разорвал на мелкие клочки лист папиросной бумаги и забавлялся тем, что устроил на столе маленькую снежную бурю из бумажек. Занятие это тоже изрядно измотало меня, поэтому через пятнадцать секунд я сдался.

Вечером Райх вернулся с Каратепа, и я рассказал ему об открытии. Он загорелся еще больше моего, хотя, что было довольно странно, сам не торопился повторить эксперимент, а вместо этого принялся анализировать на все лады возможности открытия. Что касается возможностей «психокинеза» — они известны человечеству уже полвека и достаточно изучены Райном, который дал следующее определение психокинезу (ПК): «феномен воздействия индивидуума на объект без применения своей двигательной системы». «Иными словами, — писал он, психокинез является прямым воздействием сознания на материю». Райн подтверждал, что некоторые игроки могут воздействовать на игральную кость. Он провел тысячи экспериментов с неживой материей и пришел к тому же выводу, что и я: после серии опытов с «психокинезом» мозг чертовски устает. В начале опытов «попаданий» куда больше, потом же их количество уменьшается — по мере того, как накапливается усталость.

В принципе, все нормальные люди владеют энергией ПК, пусть даже в малых дозах. Я же развил свои силы благодаря практическим занятиям феноменологией и мог направлять более мощный поток ментальной энергии в русло психокинеза.

Райх воспарил в своих мечтах, словно ястреб, освободившийся от пут. Он пророчил, что наступит день, когда мы сможем поднять на поверхность руины Кадата безо всяких приспособлений и, вообще, человек сможет путешествовать на Марс в любое время, просто актом напряжения воли заботясь о космическом корабле. Он заразил меня своим возбуждением, ясно было, что он верно оценил наше великое начинание и в философском, и в практическом смысле. Увы, в определенном смысле научное направление не было правильным в прогрессе человечества. Взять хотя бы наши каратепиские раскопки: мы с самого начала кинулись решать чисто механическую задачу — как

извлечь город из-под миллиардов тонн грунта — и полностью доверились машинам вместо того, чтобы использовать человеческий *разум* как основной элемент в решении проблемы. И чем больше наш разум будет создавать машин для защиты нас от труда, тем больше он сам будет превращаться в пассивную «мыслящую машину». Все наши научные достижения последних столетий неуклонно подталкивают нас к мысли о том, что люди — существа пассивные.

Слишком бурные эмоции могут привлечь внимание паразитов, напомнил я Райху. Он тут же заставил себя успокоиться. Оторвав несколько клочков бумаги, я «передвинул» их к Райху через стол и заметил, что это пока все, на что я способен, — двигать пару грамм бумаги, поэтому для раскопок Кадата мне пока больше пользы от кирки с лопатой, чем от моего мозга. Попробовал двинуть бумажки и Райх, но ничего у него не получилось. Я попытался объяснить суть «трюка» — как включить «сцепление» мозга, но — тщетно. Полтора часа он пыжился изо всех сил, но не сдвинул и пылинки. К вечеру он выглядел измочаленным — давненько я не видал его таким. Я старался приободрить его, напомнил, что дело лишь в сноровке, которая придет со временем. Мой братец, например, научился плавать в три года, а я до одиннадцати лет никак не мог наловчиться.

Действительно, через неделю у Райха получилось. Чтобы сообщить эту новость, он позвонил среди ночи. Вот как все произошло: Райх сидел в кровати, читая книгу по детской психологии и размышляя о тех детях, с которыми «вечно всякие истории» из-за — как ему вдруг открылось — их же собственной скованности. Размышляя о скрытых силах мозга, которые нам так плохо удастся контролировать, он вдруг понял, почему, подобно этим детям, он сковывает собственные психокинетические силы. Райх сконцентрировался на книжной странице (хорошая индийская бумага) и заставил ее перевернуться.

На следующий день я пришел к нему. Оказывается, он целую ночь тренировался с ПК и совсем не хотел спать. Идеальным материалом для таких занятий, выяснил он, служил пепел от сгоревшей бумаги, настолько легкий, что сдвигался без труда. Кроме того, легким дуновением пепел можно поднимать в воздух, а затем перехватывать его на лету силой мозга, используя таким образом первоначальный импульс.

Райховский мозг оказался более приспособленным к работе с ПК-энергией, и он быстро стал опережать меня. Через неделю ему удавались невероятные трюки: он останавливал птиц в полете и заставлял их кувыркаться в воздухе. Это вызвало забавные последствия — одна секретарша заметила его из окна и разболтала журналистам о странных забавах шефа. Когда репортер спросил, что значит это «предзнаменование», в виде черного орла, зависающего над головой профессора (в таком виде дошла до него информация), Райху пришлось рассказать, что он вырос в семье больших поклонников птиц и может особым свистом привлекать пернатых. Его секретарша целый месяц после этого вынуждена была отвечать на письма от орнитологических обществ с просьбой прочесть для них лекцию. В дальнейшем Райх стал осторожнее с ПК-энергией, выбирая для тренировок более укромные места.

Что касается меня, я в то время не слишком интересовался развитием своих психокинетических возможностей. В самом деле — чем напрягаться и транспортировать клочок бумаги по всей комнате, не проще ли встать и перенести с места на место без затей. Руками.

Поэтому, когда я прочитал в последнем акте пьесы Шоу «Назад к Мафусаилу» о том, что древние могли по собственной воле отращивать лишние ноги и руки, мне показалось, что Шоу малость переборщил.

Куда интересней было исследовать географию сознания. Люди настолько привыкли к ограниченности мышления, что даже малую толику своих возможностей воспринимают как подарок. Они, словно больные, которые забывают, каково это — быть здоровым. Передо мной же открывались все более величественные перспективы работы мозга, о которых раньше я даже не смел мечтать. К примеру, я всегда был не в ладах с математикой. Теперь же, без особых усилий я постиг теорию функций, многомерную геометрию, квантовую механику, теорию игры и теорию групп. Я даже усвоил пятьдесят томов трактата Бурбаки⁷, читая их на сон грядущий, — вернее, проглатывая страницу за страницей, потому что обоснование выводов было до смешного очевидно.

Я открыл для себя массу плюсов в занятии математикой. Стоило вспомнить о моей старой любви — истории, как тут же любой ее период представлял передо мною в виде огромной картины с мельчайшими подробностями, настолько реальными, что это было почти невыносимо. Мой разум воспарял к небывалым высотам созерцания — не ровен час, нагрянут паразиты, помня об этом, я старался уйти с головой в математику, более безопасное занятие. В ней мой разум совершал интеллектуальные кульбиты, пулей переносился с одного края математической вселенной на другой, а мои эмоции при этом оставались в полном покое.

Райха заинтересовали мои опыты с секретаршей, и он провел несколько сходных экспериментов. Он открыл, что около пятидесяти процентов женщин и тридцати пяти процентов мужчин в Урановой Компании «сексуально озабочены». Разумеется, виной были жара и неважные жилищные условия. Кстати, высокая сексуальная активность среди работников Компании не снижала уровень производственного суицида. Обсудив эту проблему, мы нашли ее причину: сексуальная активность и уровень самоубийств связаны напрямую и зависят от активности паразитов.

Секс является одним из самых мощных источников удовлетворения; тяга к сексу сродни со стремлением к эволюции. Попробуйте как-нибудь подавить этот глубинный источник, и он выплеснет на поверхность желание искать удовлетворения в самых немыслимых формах. Например, неразборчивость в связях — настоящий бич Урановой Компании. Мы снова возвращаемся к проблеме «фокусировки» эмоций. Мужчина считает, что определенная женщина могла бы принести ему удовлетворение, и он склоняет ее к сожителству, но тут вмешиваются паразиты — в результате, мужчина не в состоянии «сфокусировать» свою энергию в половом акте. Он сбит с толку: как же так, женщина «отдалась» ему полностью, но это не принесло удовлетворения. Выходит какая-то нелепость, словно вы жуете огромный кусок мяса, но не в силах утолить голода.

Здесь возможны лишь два выхода. Мужчина либо винит во всем свою партнершу и попросту начинает искать другую, либо он считает неудовлетворительным половой акт в обычном виде и пускается в поиски

⁷ Никола Бурбаки — собирательный псевдоним группы французских математиков.

какой-то новизны — так он переходит к сексуальным извращениям. Осторожно опросив холостых работников Компании, Райх установил, что многим из них свойственны «специфические» сексуальные пристрастия.

Спустя неделю после разговора о половых проблемах Райх как-то вечером заявился ко мне и бросил на стол книгу:

— Вот кому мы можем доверять.

— Кто это? — Я раскрыл книгу и взглянул на титульный лист: «Теория сексуальных побуждений», Зигмунд Флейшман, Берлинский Университет. Райх прочел наугад несколько выдержек, и я понял, о чем он хотел сказать. Несомненно, этот Флейшман — человек оригинально мыслящий, которого занимают в основном аномалии сексуальных побуждений. Однако в его тексте проскакивали такие фразы, словно он тоже догадывался о существовании паразитов сознания. Он писал, что сексуальное извращение возникает в результате засорения источников сексуальной энергии и видел в этом нечто абсурдное, похожее на попытку удовлетворить жажду стаканом виски. Но почему, спрашивает Флейшман, современный человек стал стремиться к удовлетворению в сексе, словно спасаясь от чего-то? Современный человек перевозбужден книгами, журналами и фильмами, вдобавок, инстинкт к размножению сидит в нем настолько прочно, что для человека нет особой разницы — где и с кем. Даже женщины, у которых стремление выйти замуж и вырастить детей всегда было главным, — и они не устояли перед растущей волной сексуальных отклонений: на наших глазах увеличивается число бракоразводных процессов, на которых мужья обвиняют своих жен в неверности... Как объяснить затухание эволюционных импульсов у обоих полов? А может, мы упустили какой-то неизвестный физический или психологический фактор?

Райх отметил пару мест в книге Флейшмана, где тот упрекал Бога за промахи, допущенные при создании человека, — от каких мельчайших колебаний настроения зависит наша сексуальная жизнь!

Да, этот Флейшман был точно нашим парнем; специалисты в такой сфере нам обязательно пригодятся. Однако, как же нам выходить на контакт с потенциальными союзниками — не носиться же нам, в самом деле, по свету в поисках единомышленников? Впрочем, в случае с Флейшманом нам явно повезло. Я написал ему письмо и изложил свои соображения по поводу его книги, заодно намекнул, что вскоре буду в Берлине и с удовольствием позвонил бы ему. Через неделю пришло длинное послание, где он писал: «Вместе со всем человечеством я, затаив дыхание, следил за Вашими раскопками. Не сочтете ли Вы за дерзость, если я попробую навестить Вас?» Я ответил, что рад увидаться в любое время, а если он не против, то жду его в ближайший уикэнд. Он телеграфировал о согласии.

Через три дня я и Райх встретили Флейшмана в аэропорту Анкары и вместе отправились на ракете Компании в Диярбакыр. Он сразу нам понравился — энергичный, эрудированный, в свои пятьдесят с небольшим Флейшман обладал великолепным чувством юмора и характерными для немца широкими познаниями в культуре. Он запросто разбирался в музыке, в первобытном искусстве, философии и археологии. Я сразу понял — Флейшман из тех, кто способен сопротивляться паразитам сознания.

В Диярбакире мы устроили роскошный обед, во время которого болтали лишь о раскопках и всякой всячине, связанной с руинами. После

обеда отправились на ракете в Каратеп.

(Компания не на шутку расщедрилась — еще бы, присутствие таких фигур в их владениях уже само по себе прекрасная реклама. Мог ли Райх мечтать о подобной благосклонности начальства, когда служил обычным консультантом по геологии?) Завершались работы на первом туннеле. Мы продемонстрировали Флейшману все самое интересное, а в конце показали отбитый угол плиты Абхота, электронные снимки клинописей с других камней и многое другое. Его потрясла сама мысль о том, что найдена цивилизация древнее, чем останки пекинского питекантропа. Вот какую любопытную и довольно правдоподобную теорию он изложил: наша планета стала пробным поселением пришельцев с других планет, возможно, с Юпитера или Сатурна. Он согласился с теорией Шродера⁸ о неизбежности возникновения жизни на всех планетах, и даже, как в случае с Марсом, жизни разумной. Марс он выделил особо, поскольку своей массой эта планета уступает Земле в десять раз, и из-за повышенной силы тяжести там исключается появление «гигантов», зато на Юпитере и Сатурне гравитация позволяет обитать «гигантам».

В ответ Райх предложил свою гипотезу: уже не раз население Земли попадало в гигантские катастрофы, вызванные поведением Луны, и всякий раз человечество вынужденно мучительно возрождаться, начиная с первых ступеней эволюции. А если допустить, что эти катастрофы вызывали мощные наводнения — что почти доказано, — то понятно, почему древние цивилизации, возникшие за миллионы лет до эпохи Голоцена, оказались погребенными на такой глубине.

Так мы весь день проболтали о том о сем, а вечером отправились на отличный мюзикл «Пираты из Пензанса»⁹, поставленный оперным обществом Урановой Компании, затем в директорском ресторане состоялся ужин. Райх устроил Флейшмана в своем номере — туда мы и отправились после ужина. В разговоре мы пока старались избегать тем, связанных с паразитами — этим не стоит заниматься на ночь глядя. Но мы подбили Флейшмана поговорить об его теории сексуальных побуждений.

К полуночи он разговорился и выложил нам все свои соображения. Мы слушали, иногда делали вид, что не совсем понимаем его, вынуждая на большую откровенность. Результат даже перекрыл наши ожидания: Флейшман с его блестящим аналитическим умом выдал нам самую квинтэссенцию проблемы. Он заявил, что сексуальное побуждение в основе своей — чувство романтическое, наподобие потребности писать стихи. Когда поэт видит «знак вечности» в очертаниях горных вершин, он прекрасно понимает, что горы вовсе не «увенчанные облаками боги». Это его мозг наделяет горы величием, или, лучше сказать, он видит в них символ скрытого величия собственного разума. Величие и отчужденность гор напоминает ему собственную отчужденность. Вот так и мужчина влюбляется в женщину и видит в ней инструмент эволюции, но глазами поэта. Истинная сила сексуального побуждения — это сила божественного начала в человеке, и сексуальное желание может пробудить эту силу, как горный пейзаж пробуждает осознание красоты.

8 Эрнст Шродер (1841-1902) — немецкий логик и математик.

9 Популярная комическая опера Артура Салливэна (1842-1900).

Человека надо рассматривать не как единую сущность, а как вечную битву между возвышенным и низким. Еще де Сад говорил, что сексуальное извращение представляет собой эти два начала, сцепившиеся в конфликте настолько прочно, что их невозможно разорвать. И именно низкое начало сознательно использует энергию возвышенного в своих целях.

Тут Райх прервал нашего гостя. «А как вы объясните неслыханный рост извращений в наше время?» — спросил он.

— Да, вы правы, — мрачно ответил Флейшман, — такое ощущение, что низменные страсти в человеке словно кем-то подпитываются. Возможно, наша цивилизация просто вырождается, уже выдохлась, и ее «высшие» инстинкты израсходованы.

Впрочем, он лично пока в это не верит, как не верит и в то, что современная неврастения возникла из-за неспособности человека стать цивилизованным животным, так сказать, животным высокой индустриализации. У человека было предостаточно времени, чтобы привыкнуть к жизни в больших городах. Хотя объяснение может оказаться каким угодно...

Тут я зевнул и предложил продолжить беседу после завтрака. На следующий день у нас была запланирована масса интересного для Флейшмана... Райх согласился со мной. Столько всего предстоит обсудить, поэтому лучше это сделать на свежую голову. Мы разошлись до утра.

За завтраком Флейшман был в приподнятом настроении. Уикэнд явно пришелся ему по вкусу. Он поинтересовался, чем мы будем заниматься, но мы ответили, что об этом лучше переговорить после завтрака.

Вернувшись в комнату Райха, мы продолжили вчерашнюю дискуссию с того момента, на котором прервались накануне. Райх повторил выражение Флейшмана: «Низменное начало в человеке словно бы кем-то подпитывается» и затем предоставил мне поведать историю Карела Вайсмана и нашего открытия паразитов.

На это ушло два часа, но с самого начала мы поняли: Флейшман был просто находкой для нас. Минут двадцать он подозревал, что его водят за нос. Однако дневники Карела убедили его в обратном. С этого момента для него все стало проясняться. Но когда его возбуждение стало расти на глазах, Райх быстро предупредил, что любая эмоция — сигнал предупреждения для паразитов, вот почему мы решили подождать с объяснениями до утра. Флейшман согласился с нашими выводами и дальше стал слушать со спокойным вниманием, а по тому, как он сжал губы, стало ясно: паразиты приобрели еще одного грозного противника.

Кстати, убедить Флейшмана было куда легче, чем когда-то Райха. Начать с того, что еще в колледже он серьезно занимался философией и целый семестр изучал Уилсона и Гуссерля. А когда мы продемонстрировали наши ПК-способности, он полностью поверил нам. У Флейшмана был с собой мячик из цветной кожи, который он купил для внуки; Райх заставил этот мячик носиться по комнате. Я напрягся и начал двигать по полу книгу, а потом — осу, злобно жужжащую над столом. Пока мы объясняли, Флейшман постоянно приговаривал: «О Господи, все сходится». Оказывается, одну из центральных концепций своей психологической теории он называл «налогом на сознание». Теперь-то мы объяснили ему, кто облагает нас этим налогом: паразиты разума.

Так Флейшман стал нашим первым учеником. Целый день мы

просвещали его, рассказывали о том, что сами знали: как обнаружить присутствие паразитов, как защитить свой мозг от них. Этого пока было достаточно. Но он сразу ухватил главное: человек при помощи особых приемов защищает от разграбления территорию, которая принадлежит ему по праву, — страну своего разума, и стоит ему *узнать* о существовании этой страны, как уже ничто не в силах помешать человеку заявить о своем праве на нее. Завеса тумана приподнимается, и человек становится путешественником по собственному разуму, подобно тому, как путешествует он по морю, по воздуху и в космосе. Все, что он с этого момента делает, зависит только от его воли. Можно совершать увлекательные прогулки по новым землям, а можно заняться составлением их подробной карты. Мы объяснили ему, почему не решаемся использовать психоделические препараты и рассказали, что нового мы привнесли в феноменологию.

После проделанной работы разыгрался зверский аппетит, а вслед за обедом наступил черед Флейшмана поделиться своими соображениями. Как психолог он знал многих людей, интересовавшихся теми же вопросами. Двое из них живут в Берлине: Олвин Куртис из Хиршфельдского института и Винсент Джиоберти, бывший студент Флейшмана, а ныне профессор университета. Рассказал он и об Эймсе и Томпсоне из Нью-Йорка, о Спенсфилде и Алексее Ремизове из Йеля, а также о Шлафе, Герцогге, Хлебникове и Дидринге из Массачусетского института. Тогда же он упомянул имя некоего Жоржа Рибо, человека, который чуть было не погубил нас...

В тот же вечер мы впервые услышали о Феликсе Хэзарде. Райх и я не слишком разбирались в современной литературе, но у Флейшмана был естественный интерес к произведениям Хэзарда. За этим автором закрепилась определенная репутация среди авангардистов, в его книгах странным образом сочетались садизм, научная фантастика и вселенский пессимизм. Один ночной клуб в Берлине выплачивал ему постоянный гонорар только за то, чтобы Хэзард приходил туда и высиживал какое-то время, а извращенцы, являвшиеся основными посетителями клуба, в это время могли полюбоваться на него. Флейшман рассказал о некоторых книгах Хэзарда и добавил любопытную подробность: оказывается, в молодости он увлекался наркотиками, теперь же вынужден лечиться. Все факты указывали на то, что Хэзард был одним из «зомби», которого обработали паразиты сознания. Флейшман встречался с ним всего лишь раз, однако не испытал особого удовольствия от этой встречи. Он даже записал в своем дневнике: «У Хэзарда мозг — словно свежевырытая могила». Несколько дней после встречи у Флейшмана оставалось чувство подавленности.

Перед нами встал вопрос: работать нам вместе или же Флейшман должен вербовать союзников на свое усмотрение? Решили, что второй вариант нам не подходит — втроем было легче и работать и решать стратегические задачи. С другой стороны, вполне возможно, что времени у нас гораздо меньше, чем мы предполагаем. Главное на нынешний момент — создать маленькую армию людей с высоким интеллектуальным потенциалом. С приходом каждого нового человека нам будет все легче объяснять задачу — ведь куда проще было убедить Флейшмана вдвоем, а когда нас будет достаточно много, мы сможем убедить и весь остальной мир. И вот тогда-то и состоится главное сражение...

Сейчас трудно представить, до чего же откровенны мы были в то

наивное время! Впрочем, не забывайте, что до сих пор нам сопутствовала удача, и мы всерьез поверили в неспособность паразитов атаковать тех, кто знает о них.

Помню, как по дороге в аэропорт Флейшман смотрел на толпы людей, снующих по ярко освещенным улицам Анкары, и затем сказал: «Такое чувство, будто я умер в этот уикэнд и возродился совсем другим...» А потом, в здании аэровокзала, он добавил: «Странно, все эти люди кажутся мне спящими. Они же просто сомнабулы». Мы поняли — волноваться за Флейшмана не стоит. «Страна сознания» уже овладела им.

А дальше все стало происходить так стремительно, что вся следующая неделя показалась единым залпом событий. Через три дня Флейшман вернулся с Олвином Куртисом и Винсентом Джиоберти. Он прилетел в четверг утром и улетел в пять вечера. О таких ребятах, как Куртис и Джиоберти, мы могли только мечтать, особенно по душе пришелся Куртис, который воспринимал проблему, исходя из положений экзистенциальной философии; в своих исследованиях он почти подошел к мысли о существовании паразитов. Беспокоило лишь одно: Куртис тоже упомянул имя Феликса Хэзарда и еще больше укрепил наши подозрения в том, что Хэзард — непосредственный агент паразитов, «зомби», чей мозг полностью подменили во время наркотического беспамятства. Похоже, у многих Хэзард вызывал ощущение скрытой злой силы, которое юные нервические особы женского пола находили весьма возбуждающим. Как и на Флейшмана, этот писатель произвел на Куртиса неприятное впечатление. Но, что хуже всего, Хэзард уже дважды насмеялся над работами Куртиса в берлинском авангардистском журнале. Значит, паразиты взяли след Куртиса, и ему стоит быть повнимательней.

Не будь мы такими крестинами, давно бы уже прикончили Хэзарда — труда это не составляло. Флейшман успел развить свои зачаточные ПК способности до такой степени, что еще немного тренировки — и он смог бы подтолкнуть Хэзарда под машину, которую вел бы Куртис или Джиоберти. Но мы конечно не могли пойти против совести. Нам было трудно осознать простую вещь: ведь Хэзард уже мертв, проблема лишь в том, как сделать его тело бесполезным для паразитов.

В течение следующих трех недель Флейшман каждый уикэнд приезжал к нам и привозил все новых и новых союзников — Спенсфилда, Эймса, Касселя, Ремизова, Ласкаратоса (из Афинского университета), братьев Грау, Джонса, Дидринга и даже первую завербованную женщину.

Сигрид Эльгстрем из Стокгольмского института. За двадцать дней все они прошли через нас. Относился я к этому неоднозначно. Конечно, хорошо, что к тайне приобщаются все новые адепты, и мы с Райхом уже не были в одиночестве, но в то же время я беспокоился, как бы кто из посвященных не сделал ошибку и не встревожил паразитов. Хотя я убеждал себя в том, что паразиты не так уж опасны, инстинкт все же подсказывал не отменять режима секретности.

Тут начали происходить совершенно необычные вещи. Неразлучные братья Грау — Луис и Генрих уже обладали способностью к телепатической коммуникации. Они быстро обскакали нас в развитии психокинетической энергии и заставили по другому взглянуть на ее возможности. Как-то я сидел в зале древностей Британского Музея, а они, сконцентрировав свою энергию в унисон, придвинули ко мне мраморную плиту *весом в тридцать тонн*. Свидетелями стали Янис Ласкаратос, Эмлин Джонс, Жорж Рибо, Кеннет Фурно (заведующий археологическим

отделом, мой личный «посвященный») и я. Братья объяснили, как им неожиданно удалось форсировать силы друг друга, действуя в ритме пульса. Мы тогда даже не поняли, о чем они говорят.

Прежде чем рассказать о первой катастрофе, постигшей нас, я расскажу немного поподробней о ПК, поскольку это явление занимает важное место в повествовании. Разумеется, у нас появилась новая цель в борьбе с паразитами. Еще когда я только начал изучать Гуссерля, я понял, что человечество проглядело простейший секрет бытия, — секрет, который трудно не обнаружить. Дело в том, что убогость нашей жизни и нашего сознания вызвана ослабленностью луча внимания, который мы обращаем в окружающий мир. Представьте, что у вас есть прожектор, но без отражателя. Вы включаете свет — лампочку высокого накала, — но он рассеивается во всех направлениях, а львиную долю энергии поглощает сам прожектор. Но вот вы вставили вогнутый рефлектор, и луч устремляется в одном направлении. Но и это лишь полумера — все световые волны движутся в одну сторону, но «не в ногу», как будто недисциплинированная армия бредет по улице невпопад. Пропустите свет сквозь рубиновый лазер — волны тут же начнут «маршировать в ногу», их сила увеличится тысячекратно — известно, что ритмично шагающие войска способны разрушить стены Иерихона.

Человеческий мозг и есть такой же прожектор, обращающий луч «внимания» во внешний мир. Но прожектор этот пока не снабжен отражателем. Наше внимание скачет по сторонам, у нас просто нет умения сконцентрировать этот луч, хотя иногда это удается. По мнению Флейшмана, сексуальный оргазм — ни что иное, как фокусировка и концентрация «луча» сознания (или внимания). Он неожиданно становится мощнее, и в результате человека охватывает безумное удовольствие. То же самое происходит и с поэтическим «вдохновением». Благодаря счастливому случаю или неожиданной настройке мозга луч внимания собирается на мгновение в пучок, и нащупывает «славу и свежесть мечтаний»¹⁰ везде, куда бы ни был он направлен. Нет нужды напоминать, что так называемые «мистические» переживания — это тот же луч, но внезапно усиленный лазером. Когда Якоб Беме¹¹ увидел солнечный Зайчик на оловянной тарелке и заявил, что он узрел небеса, то это было объективной истиной.

Человеку всегда было невдомек, отчего жизнь так скучна, а виной тому — рассеянный и мутный луч внимания, хотя, как я уже заметил, на протяжении веков этот секрет лежал у нас под носом. А после 1800 года паразиты сделали все, чтобы отвлечь человека от открытия, которое после эпохи Бетховена, Гете и Вордсворта было *просто неизбежным*. И это им удалось, причем помогла им привычка человека к рассеянности и трате времени по пустякам. Порой человека озаряет великая идея — мозг тут же предельно *фокусируется*. Но в следующую минуту вступает в силу привычка. Желудок жалуется на голод, глотка — на жажду, а внутренний голосок Нашептывает: «Пойди, утоли свои нужды, а потом сможешь еще лучше сосредоточиться». Человек уступает — и мгновенно забывает о великой идее.

10 Строка из стихотворения Вордсворта «Ода. Знак вечности».

11 Якоб Беме (1575–1624) — немецкий философ-пантеист.

И когда человек догадывается, что внимание — это «луч» (или, как сказал Гуссерль, наше сознание является «умышленным»), в этот момент он постигает главную тайну. Дальше остается только выяснить — как придать этому лучу направленность. А уже «направленный» луч вызывает ПК эффект.

Так, из случайного открытия братьев Грау мы выяснили, как можно использовать мозг партнера в качестве рубинового лазера и «сфазировать» луч. Братья стали признанными специалистами в этом. На поиски они потратили почти девяносто девять процентов энергии луча, но даже оставшегося процента было достаточно, чтобы запросто сдвинуть с места тридцать тонн груза. А если бы мы все могли воспользоваться этим процентом, то сдвинули бы и пятьсот тонн.

И вот наступило четырнадцатое декабря — ночь катастрофы. До сих пор не знаю, кто же приманил к нам паразитов? Возможно, это был Жорж Рибо — довольно странный коротышка, которого привел Джиоберти. Рибо писал книжки по телепатии, магии, спиритуализму с названиями типа: «Спрятанный храм», «От Атлантиды до Хиросимы», он также основал журнал «Les Horizons de L'Avenir»¹². Не стоит обвинять Джиоберти в поспешности выбора союзника. Рибо обладал проницательным умом и прекрасными математическими способностями. В его книгах ощущалось, что он сам был на подходе к разгадке тайны паразитов. Но с другой стороны, в них было больше догадок, чем научных выкладок. Он перескакивал от Атлантиды к ядерной физике, от обрядов в первобытных племенах к кибернетике. Основательный научный аргумент он мог загубить непроверенным «фактом», почерпнутым в спиритуалистской литературе. В одной и той же сноске он цитировал шарлатанов и ученых. В Диярбакыр Рибо прибыл специально, чтобы увидеть меня, — маленький человечек с худощавым нервным лицом и буравящими насквозь черными глазками. Несмотря на его ум и знания, он показался мне наименее подходящим союзником. Уж больно он суетился. Я сразу выделил его, как самого нестабильного среди остальных, хуже всех ментально защищенного. Райх так и сказал по этому поводу: «Недостаточно безразличен».

Было десять вечера, я сидел в своей комнате и писал. Неожиданно по телу пробежала дрожь — знак того, что паразиты где-то рядом. Такое же чувство я испытывал у себя в квартире на Перси-стрит. Должно быть, они периодически проводят проверки, так что я не стал волноваться, просто замаскировал свое новое «я» в дебрях старого и принялся рассуждать о какой-то шахматной задаче. Я намеренно старался размышлять медленно, пережевывая каждый аспект задачи, хотя в секунду мог решить ее. На полпути к завершению я позволил себе отвлечься, встал, выпил фруктового сока (от алкоголя я отказался — ведь теперь стимулятором мне служил просто моментальный акт концентрации). Потом я притворился, что забыл, с чего начал задачу и кропотливо принялся решать ее с самого начала. Примерно через полчаса я зевнул и позволил своему мозгу «утомиться». Все это время я чувствовал их слежку; теперь они проникли на более глубокий уровень, чем тогда на Перси-стрит. Год назад я даже не почувствовал никакой подавленности под их наблюдением — это было за пределами сознательного или

12 Горизонты будущего» (фр.).

бессознательного.

Полежав минут десять в кровати, я понял, что они убрались восвояси, и принялся размышлять — интересно, а как бы они «напали» на меня. Не знаю как объяснить, но я чувствовал себя готовым отразить даже самый сильный натиск.

В полночь просигналил телескрин: на экране появился взволнованный Райх:

— Они были у тебя?

— Да, с час назад убрались.

— А от меня только что, — сказал он. — Это у меня первый настоящий опыт с ними, и ты знаешь — я не в восторге. Они намного сильнее, чем мы думали.

— Не знаю. Может, это обычная проверка. Тебе удалось скрыть мысли?

— О да. К счастью, я в этот момент работал с клинописью Абхота, так что я просто заикнулся на ней и старался думать вполсилы.

— Если будет нужна помощь — позвони. Нам бы тоже надо научиться фазировать наши мозги, как братья Грау, дело стоящее, — сказал я и отправился спать. Я даже позволил своему сознанию соскользнуть в сон постепенно, как раньше, вместо того чтобы выключить его, как свет.

Проснулся я совершенно разбитым, словно после похмелья. И тело и мозг сковала судорога, как случается после ночевки в сыром холодном помещении. Тут же мне стало ясно, что время блефа кончилось, — пока я спал, они внедрились в меня и сделали своим пленником. Теперь я был словно связан по рукам и ногам.

Вообще-то я ожидал худшего. Не таким уж омерзительным оказалось их присутствие, как я себе представлял. Просто внутри меня ощущалось что-то чуждое, и в этой чуждой субстанции было нечто «металлическое».

Идей о возможном сопротивлении как-то не находилось. Я был словно арестованный, у которого осталась лишь одна надежда — объяснить своим мучителям, что они взяли его по ошибке. Так я и поступил: изобразил страх, возмущение, но не панику. Я старался думать, будто это обычное недомогание, с которым справится таблетка аспирина, перебирал в голове события предыдущего дня в поисках причины болезни.

За следующие полчаса ничего особенного не произошло. Я просто лежал без движений, ни о чем не волнуясь, лишь прикидывая, когда же они ослабят контроль. Казалось, стоит напрячь силы, как тут же прищельцы будут отброшены.

Затем я понял — так дело не пойдет. Они же *знают* то, что знаю я, они понимают, что я прикидываюсь дурачком. И вот тут-то начался новый этап — они принялись давить на мой мозг так, что раньше я бы ни за что этого не перенес и сошел бы с ума. Как физическая тошнота вызывает разбитость тела, так и их давление вызывало чувство мозговой подавленности, своего рода тошноту.

Конечно, надо сопротивляться, но пока я решил не показывать своей силы. Я сопротивлялся пассивно, словно не знал об их давлении, а ведь оно было нешуточным: казалось, они пытаются сдвинуть стотонную скалу. Давление росло, а я оставался уверенным в себе. Сил у меня хватило бы сдерживать наступление и в пятьдесят раз сильнее.

Еще через полчаса мне показалось, что я удерживаю глыбу размером с Эверест. В запасе по-прежнему оставалось достаточно сил, однако и они в конце концов могут иссякнуть. Пора поставить этих тварей на место. Я

напрягся, словно разрывая цепи и отбросил их. Затем сфокусировал луч внимания и с силой, подобной сексуальному оргазму, обрушил его на паразитов. Я мог бы продемонстрировать и десятикратную мощь, но предпочел оставить их в догадках о моих реальных возможностях. По — прежнему никакой паники — сплошное спокойствие, это соревнование даже стало забавлять меня. Если я выиграю, значит в будущем мне не придется сдерживать себя, игра началась в открытую.

Результат моего ответного удара разочаровал меня. Тяжесть исчезла — они откатились, но, как я почувствовал, урона особого не понесли. Трудно биться с тенью. По логике, я должен чувствовать себя боксером, выигравшим бой, но увы — такого чувства не было.

Их атака возобновилась тут же. На этот раз она оказалась настолько неожиданной и жестокой, что мне пришлось отбиваться на неподготовленных позициях. Можно сравнить меня с домовладельцем, на которого напала орда бродяг. У меня была только одна мысль: эти твари принадлежат к какому-то «низшему» разряду, они — подонки, не имеющие права обитать в моем мозгу. Они, словно крысы с помойки, возомнили себя достаточно сильными, чтобы бросаться в бой, и для меня было делом чести показать им, что никто не собирается их терпеть. Страх не было, ведь я воевал с чужаками на своей «территории». Не успев вернуться, они тут же получили сокрушительный отпор и снова отступили.

Как-то новообращенные союзники спросили меня, действительно ли я «видел» паразитов или же ощутил, что они имеют определенную форму. Нет, ответил я. Это ощущение можно передать следующим образом: представьте себе усталого раздраженного человека, у которого все не клеится. Всякий раз, когда он переходит улицу, на него едва не наезжает автобус. Вся Вселенная кажется враждебной, словно две шеренги головорезов, сквозь которые ему надо проскочить. Чувство уверенности исчезает, в жизни все становится непрочным, да и сама жизнь обречена. Да, примерно так можно описать внутреннее состояние жертвы паразитов во время их атаки. В прежние времена я считал бы эту атаку просто вспышкой пессимизма и жалости к себе, причем тут же нашел бы множество поводов для беспокойства, чтобы сделать эту вспышку обоснованной. Все мы сражаемся в таких схватках по сто раз на дню, и если побеждаем, то лишь отбросив тенденцию негативизма, озабоченности жизнью, и, приняв вызов, действуя как завоеватели, побеждая во имя великих целей. Всем нам известен этот фокус «сокровенной жизни», заключенной внутри нас. Мои тренировки за несколько последних месяцев просто подняли эту «сокровенную жизнь» ближе к поверхности. Моя сила проистекала из оптимизма, из «позитивного думания», если можно так выразиться.

Схватка продолжалась около часа. Я даже думать не смел о поражении — а вдруг их миллионы, и они могут штурмовать меня неделями пока не подточат мои силы. Подобные мыслишки я подавлял в зародыше — от них главная беда.

К пяти часам я слегка устал, но унывать не собирался. И тогда мне показалось, что паразиты получили подкрепление, чтобы атаковать с новыми силами. Тут я решил рискнуть — подпущу-ка их поближе. Интересно, смогу я им врезать как следует? Они напирали, словно огромная толпа, а я все отступал, пока не начал задыхаться. Это ужасное ощущение сравнимо разве что с медленным сдавливанием руки в тисках.

Тяжесть нарастала, но я по-прежнему не сопротивлялся. И когда стало окончательно невыносимо терпеть это дальше, я собрал всю мощь мозга и ударил по ним — это был залп орудия в самую гущу неприятеля. Теперь ошибки не произошло. Да, они были легкими, как личинки мух, но их было слишком много, чтобы быстро увернуться от удара, — я с удовольствием осознал, что теперь-то нанес им заметный урон.

На полчаса воцарилось спокойствие. Я знал: они рядом, но контратака ошеломила их. Позже я понял почему. За время тренировок я сумел развить в себе скрытые ментальные силы, сравнимые по мощности с водородной бомбой. До этого мне не случалось их применять, оттого я и не представлял последствий. Паразиты насели на меня, словно орда крыс, атакующих кухню, — и тут на кухню врывается разъяренный тигр. Немудрено, что они были сбиты с толку.

Я ликовал: несмотря на потерю сил, я еще мог давать отпор, а возбуждение от победы внушило мне уверенность — выстоим, пускай хоть несколько недель наступают.

Однако с первыми лучами солнца я понял, что столкнулся с новой проблемой, к которой не был готов. Вначале появилось чувство, словно я промочил ноги, и вода медленно поднимается от ступней вверх. Лишь через некоторое время я догадался: они наступают с той стороны моего разума, *о которой я ничего не знал*. Пока я воевал с ними на территории сознательного, я был силен, но нельзя забывать, что эта область, известная нам, не так уж необозрима. Я оказался в положении астронома, который изучил Солнечную систему и решил, что это — вся Вселенная.

Паразиты наступали на меня с плацдарма, находившегося *ниже* сферы знаний о самом себе. Я как-то не слишком задумывался о таком варианте, хотя в недалеком будущем планировал заняться и той территорией. Мы частенько воспринимаем нашу жизнь как данность, основанную на определенных «предпосылках». Ребенок воспринимает дом и родителей, как нечто само собой разумеющееся, позже он точно так же относится к стране и обществу. Мы изначально нуждаемся в этих опорах. Выросший без родителей и родного дома ребенок выносит во взрослую жизнь чувство незащищенности. Пускай благополучные дети потом иногда критикуют родителей или даже отказываются от них (хотя такое случается не часто), но это значит лишь то, что такие дети окрепли и могут выстоять в одиночку.

Все оригинальные мыслители в своих рассуждениях выбивают эти «опоры» одну за другой. Дети могут продолжать любить родителей и свою страну, но уже с позиции силы — той силы, которая начинается с отрицания.

И это верно — человек постепенно забывает, как это — выжить в одиночку. Люди ленивы и предпочитают подпорки. Мужчина может быть блестящим оригинальным математиком, и в то же время — жалким подкаблучником у своей жены. Он может быть могучим мыслителем и тут же поддаваться на грубую лесть коллег и учеников. Одним словом, человек не в силах отбросить все подпорки, он может избавиться от нескольких, но будет продолжать пользоваться остальными — для надежности.

Я настолько увлекся исследованием новых пространств мышления, настолько отрешился от своего прежнего «я» и своих обязательств, что совсем забыл о привычном грузе повседневности. Казалось, я заменил собственную личность на новую, а все еще ощущаю старую, потому что

основа нашей индивидуальности — словно якорь, лежащий на дне глубочайшего моря. Я все еще считаю себя членом человеческой общности, по-прежнему отношусь к себе как жителю Солнечной системы и Вселенной, которая движется в пространстве и времени. Это для меня незыблемо. Я же не спрашиваю, где я был до рождения, и где буду после смерти? Я даже саму проблему смерти не признаю: лучше ее оставить «на потом».

Итак, паразиты устремились к глубинным креплениям моей личности и принялись раскачивать их. По другому не выразишься. Нет, они не вырывали якоря со дна разума — такое им не по зубам, но они так раскачали цепи, что я внезапно почувствовал неуверенность в том, в чем никогда не сомневался. Я задался вопросом: да кто же я, наконец? Словно дерзкий мыслитель, отбросивший понятия патриотизма и религии, я утратил все, что составляло мою личность: время и место рождения, свою тождественность с человеческим существом, а не с собакой или рыбой, мощный инстинкт самосохранения. Отбросив все «уловки», я оказался обнаженным — осталось чистое сознание один на один со Вселенной. Однако и «чистое сознание» — столь же произвольное понятие как и мое имя. Как бороться со Вселенной, не наклеив на нее ярлыка? Какое же это «чистое сознание», если я вижу один предмет в виде книги, а другой — в виде стола? Значит, какая-то крошечная часть личности все же сохранилась во мне. Если же я оторвусь от этой частицы, то все обратится в пустоту.

Этими размышлениями я занимался не для забавы. Я пытался пробить тропу к некой прочной основе, на которой можно выстоять против паразитов. Вся их хитрость была в том, что они продемонстрировали мне: ты стоишь над пропастью. И мозг мой признал: да, мы воспринимаем пространство и время как данность, хотя смерть уносит нас из этой системы координат. Мы называем «экзистенцией» существование во времени и пространстве, а эта вселенная с ее пространством и временем не является абсолютом.

Вдруг *все превратилось в абсурд*. Под желудком заныло от ощущения беспомощности и слабости. Выходит, все, что я принимал на веру в этой Вселенной, все можно подвергнуть сомнению и все может оказаться лишь трюком. Как мыслитель я следовал давней привычке считать сознание превыше тела, ведь разум вечен и свободен, а тело — незначительно и обособлено. Разум — категория универсальная, и это превращает его в вечного созерцателя, неподвластного страху. Тут меня осенило. «Если сама Вселенная состоит из условностей, то и разум мой, подобно телу, столь же случаен и ненадежен». Вспомним, во время болезни или обморока сознание кажется менее прочным, чем тело и порою кажется, что лишь прочность телесной оболочки удерживает разум от распада.

Под ногами неожиданно разверзлась пустота. Но я не испугался: это было бы слишком человеческой реакцией. Казалось, что контакт с холодной реальностью превращает все человеческое в маскарад — *сама жизнь становится маскарадом*. Моя сокровенная жизнь была поражена в самое сердце. Я ощутил себя королем, который всю жизнь отдавал приказы, и те безоговорочно исполнялись, но теперь этот король попал в лапы дикарей — и они вонзают ему в кишки меч. Это было столь внезапно и столь ужасающе реально, что все, чем я был, аннигилировалось, все обратилось в иллюзию. Мне стало совершенно безразлично, победят

паразиты или нет. И силы и смелость покинули меня. Теперь я был как корабль, налетевший на скалу и внезапно ставший уязвимым.

Паразиты не наступали. Они разглядывали меня, как наблюдают конвульсит отравленного животного. Я пытался собраться с силами, но был парализован и опустошен. Все потеряло смысл. Сила разума против меня же и обернулась. Вместо рассеянного мерцания, как это было раньше, мозг созерцал лишь эту немигающую пустоту.

Зря они не повторили штурм: со мной, обессиленным, уже не составляло труда справиться. Так они и добились Карела Вайсмана — теперь-то я знал, что по сравнению с этой бессмысленностью и пустотой вокруг, смерть уже не кажется худшей участью. Жизнь означает желание остаться в теле и цепляться за иллюзии этого тела. Можно конечно наблюдать за своей оболочкой, как астронавты смотрят из космоса на Землю, но тогда какой смысл возвращаться обратно?

Нет, им непременно надо было продолжать наступление. Они, должно быть, решили, что я повторю выбор Карела — самоубийство, но у меня такой соблазн не возникал, поскольку мозг был свободен от неврастения, и ничто не подталкивало к крайности. В минуты опасности только истерические дамочки падают в обморок, женщины с сильным характером знают, что это не выход.

И я подумал: уж если эти твари могут вызвать чувство полной бессмысленности, то сами они должны находиться *за пределами* этого чувства. Стоило об этом подумать, как силы тут же стали возвращаться. Разумеется, они загнали меня в это состояние, как охотники на черепахах норовят перевернуть животное на спину, так и паразиты знают наши наиболее уязвимые места. Но если это так, то скорее всего, ощущение пустоты — просто иллюзия, и они прекрасно это знают. Мой мозг делал все как надо, но допустил ошибку. Неопытного малыша любой взрослый способен напугать. Что стоит свести ребенка с ума, порассказав ему, например, всяких ужасов про Дракулу и Франкенштейна, а заодно — упомянуть о Бухенвальде и Бельзене¹³, — пусть знает, что мир еще страшнее, чем литературный вымысел. И в этом смысле взрослый конечно прав, однако он допускает ошибку: такие ужасы как Бухенвальд и Бельзен не составляют обязательную часть Вселенной, и будь человечество чуть-чуть порядочней, их никто бы не позволил. А может, и меня паразиты просто запугивают, рассчитывая на невежество? Похоже, я был прав в своих рассуждениях: наша жизнестойкость зависит от разных иллюзорных «подпорок». Но в таком случае ребенок может перестать верить в непогрешимость своих родителей, не переставая при этом любить их. Иными словами, реальность любви останется, если даже исчезнут иллюзии. И тогда жуткая агония — вернее, жуткое отсутствие агонии, чувство последнего холода и последней реальности не более опасны, чем боль ребенка, когда он упадет и ушибется?

Это была первая зацепка. Потом пришла еще одна спасительная идея. Я подумал, что, размышляя о враждебной «Вселенной» и считая ее нелепостью, я допустил древнейшую ошибку человечества: мы всегда рассматриваем понятие «Вселенная» как *«внешняя Вселенная»*. А мозг, насколько я понял, сам по себе является вселенной.

Их первая оплошность — что они не добились меня после того, как я

13 Бельзен — немецко-фашистский концентрационный лагерь близ Штутгарта.

выдохся. А теперь они допустили более важную ошибку: увидели, что мне как-то удалось оправиться и двинули на меня в полную силу.

Я впал в панику — сил для сопротивления не было. Заглянув в бездну, я растерял остатки мужества. Но собираться с силами надо.

И тут я вспомнил свои рассуждения о ребенке, и меня словно озарило. Ребенка можно запугать потому, что он сам не знает своих способностей. А ведь самое важное в каждом ребенке то, что он — потенциальный взрослый — ученый, или поэт, или политический лидер.

Видимо, со мной происходило то же самое. Я внезапно вспомнил рассказ Карела о первой стычке с паразитами, когда его глубинные жизненные силы собрались перед битвой воедино. А все ли свои силы я призвал на помощь? Я тут же вспомнил: в последнее время мне стало казаться, что какая-то сила удачи постоянно сопутствовала нам — про себя я назвал ее «богом археологии», — эта *доброжелательная* сила как бы оберегала саму жизнь.

Человек религиозный, конечно, назвал бы эту силу Богом. Я воздержусь от этого слова. Однако я вдруг понял, что в этом сражении у меня появился нежданный союзник. И эта мысль прозвучала словно труба идущей на помощь армии. Меня охватил безумный восторг, который трудно выразить: ни плач, ни смех, ни вопль тут не годятся — подобные эмоции в этом случае нелепы, словно попытка вычерпать море наперстком. Радость вспыхнула внезапно наподобие ядерного взрыва — я не на шутку перепугался этого чувства, наверное, не меньше паразитов. Но главное, что мне стало ясно: я сам обрел эту новую силу. Нет, то не была какая-то «третья сила» вне меня и паразитов. Я обнаружил неисчислимые запасы *энергии добра*, которая не действовала сама по себе — ее сначала надо извлечь, а затем применить.

Страх отступил. Стиснув зубы, я подчинил своей воле все силы. Отлично — теперь я мог их контролировать. Я развернул луч внимания в сторону врагов и, упиваясь собственной властью, произвел мощный выплеск энергии. Вот это да! Неужели во мне скрыто столько сил? Словно какой-то ураган подхватил все мои слова, идеи, гипотезы и закружил их, как сухие листья. Паразиты все поняли, но было поздно. Наверное, произошедшая со мной перемена не вписывалась в рамки их опыта. Выходит, слепой бился со слепцами. Чудовищная световая вспышка обуглила их, словно паяльная лампа — кучу личинок. Долше нескольких секунд эту расправу продолжать было нечестно, все равно что стрелять из пулемета по детям. Я прекратил выплески энергии и почувствовал, как сквозь тело перекачиваются ее волны, а вокруг головы трещат разряды электричества. Из моей груди даже вырывалось голубовато-зеленое свечение — оно мерцало волнами вспышек наподобие молнии, но я уже решил попридержать эту силу. Вряд ли в дальнейшем стоит к ней прибегать. Я закрыл глаза и заставил тело впитывать эту энергию, хотя знал, что она может разорвать меня. Постепенно она убывала, и, несмотря на весь мой экстаз победы, я был рад, что она уходила. Слишком уж она была велика.

И я вернулся, наконец, в комнату — после многочасового отсутствия. Снизу доносился шум проезжающих машин. Электронные часы показывали половину десятого. Вся простынь набухла от пота, словно я опрокинул на себя целую ванну воды. Мое зрение стало каким-то необычным: все предметы немного двоились, словно свечение дублировало их очертания. Все стало вокруг необыкновенно чистым и

светлым; я впервые понял, что такое мескалиновые визуальные эффекты, о которых писал Олдос Хаксли.

А еще я знал о другой угрожающей сейчас опасности: ни в коем случае нельзя думать о пережитом — ничего не получится, лишь нахлынет депрессия, а это страшнее, чем то, что происходило полтора часа назад, когда я заглянул в бездну. Поэтому я сознательно обратил свои мысли в сторону житейских проблем. Я не задавался вопросом, почему я бился с паразитами, когда у меня столько сил, почему люди сражаются с собственной жизнью, если все проблемы можно решить в мгновение ока. Мне не хотелось рассуждать о том, не было ли все это некой игрой. Вместо этого просто зашел в ванную и умылся. Зеркало потрясло меня: оттуда смотрел нормальный свеженький типчик без единого следа пережитого противоборства, разве что лицо выглядело чуть худощавей. Когда я встал на напольные весы, меня ожидал сюрприз: я похудел на одиннадцать килограмм.

В комнате раздался сигнал телескрин. На экране появился глава Урановой Компании. Мне он показался пришельцем с другой планеты. А еще я заметил в его взгляде облегчение. Оказывается, с восьми утра со мной пытаются связаться журналисты. Дело было в следующем: этой ночью скончались двадцать моих коллег — Джиоберти, Куртис, Ремизов, Шлаф, Герцог, Хлебников, Эймс, Томсон, Дидринг, Ласкаратос, Спенсфилд, Сигрид Эльгстрем, — короче, остались только братья Грау, Флейшман, Райх, я и... Жорж Рибо.

Первые четверо умерли от сердечной недостаточности. Сигрид Эльгстрем перерезала себе вены, а затем и горло. Хлебников и Ласкаратос выпрыгнули из окна. Томсон сломал шею в загадочном эпилептическом припадке. Герцог перестрелял всю семью и застрелился сам. Остальные приняли либо яд, либо — сильную дозу наркотиков. Двое скончались от кровоизлияния в мозг.

Рубке был в истерике — Урановая Компания приобрела себе весьма дурную репутацию, ведь почти все жертвы гостили в последнее время у нас, а значит — и у Компании; многие из них встречались с Рубке. Я как мог успокаивал его, хотя сам был потрясен и просил не пускать ко мне ни одного репортера. Когда он сказал, что звонил Райху, но ответа не получил, я почувствовал, как желудок мой превращается в глыбу льда. «Что же теперь делать», — с большим трудом соображал я. Наверное, лучше всего завалиться спать. Но я решил позвонить Райху по своему специальному коду. Трудно описать, как отлегло у меня на душе, когда на экране появилось его лицо. Первым делом он сказал:

- Слава Богу, с тобой все в порядке.
- Я-то ладно, а как ты? Выглядишь неплохо.
- Они снова появлялись у тебя ночью?
- Да, это продолжалось до утра. Они побывали у всех наших.

Отвлекаясь на пять минут, чтобы успокоить Рубке, я снова связался с Райхом. Когда я рассмотрел его, я понял, что поспешил заявить о его прекрасном самочувствии: он выглядел, словно после полугода болезни. Кожа его напоминала цветом вареную телятину — Райх здорово постарел за эту ночь.

С ним случилось почти то же самое, с одной лишь существенной разницей: к нему не применили технику «тотального подкопа». Они всю ночь штурмовали Райха, одна атака шла за другой. К утру им удалось пробить брешь в его ментальном панцире, и это вызвало утечку

энергетических запасов. Вот тогда-то он здорово сдал, казалось, поражение неизбежно, но паразиты вдруг прекратили атаку.

Я сразу догадался, когда это произошло: в момент моей «энергетической бомбардировки». Райх подтвердил: да, это случилось за полчаса до моего звонка. А до этого он слышал сигналы телескрин, но был слишком измотан, чтобы подойти к нему.

Он удрученно воспринял новость о судьбе остальных наших, но затем, узнав о моей победе, загорелся надеждой и решимостью. Я пытался объяснить ему как мог, почему им не удалось «подкопать» меня и как я призвал на помощь божественную силу, чтобы разбить их. Райху больше всего этого не хватало — знать, что не так уж мы против них беспомощны. Теперь об этом должны знать все последующие «адепты» практической феноменологии: этот метод позволяет мгновенно оправляться от физических и ментальных ударов, непосредственно припадая к тем источникам энергии, что питают все живые существа. Уже через полчаса Райх оправился от своего болезненного вида и болтал так же возбужденно, как и я.

Все утро я рассказывал, как они подмяли меня и как можно их победить. Райху надо научиться добровольно «подкапывать» себя самого, чтобы изучить фундамент собственной личности. Кстати, мы здорово отличались с ним по темпераменту — в чем-то он был сильнее меня, а в чем-то — слабее.

К полудню нас прервал Рубке — буквально ворвался в дверь. К этому времени все газеты мира уже пестрели заголовками о «ночи самоубийств», в них на все лады обсуждалось о том, какую роль во всем этом сыграли мы с Райхом. Мне передали, что к территории АИУК, раскинувшейся на восьмистах акрах, невозможно приблизиться из-за тысяч вертолетов, кружащих над Компанией, — журналисты прибыли.

Я быстренько проанализировал мыслительные возможности Рубке — они оказались не на высоте, доверяться ему не стоило. Меня так и тянуло устроить ему промывку мозгов — теперь-то я знал свои способности, — но меня удерживало чувство «уважения к правам личности». Вместо этого мы рассказали ему историю, близкую к правде, но доступную для его понимания.

Получилось примерно следующее: Антикадатское Общество оказалось право — наши раскопки на Карателе пробудили к жизни опасные могущественные силы — самих Великих Древних. Остальное было более-менее правдой: эти существа обладают такой мощной психической энергией, которая способна свести человека с ума. Они поставили целью уничтожить человечество или, по крайней мере, поработить его, и тогда в Солнечной системе вновь воцарится Древняя Раса. Но к счастью, они не так сильны. Если мы справимся с ними вовремя, то им придется убраться из галактики, а может, и вообще исчезнуть.

Так мы превратили правду о паразитах в легкодоступную и не слишком страшную небылицу для детей. Мы даже дали имя злобным существам, которое позаимствовали из лавкрафтовской мифологии, — Цатоггуаны.

А в заключение мы задали ему серьезный вопрос: стоит ли предупреждать человечество о грозящей опасности, если это известие вызовет такую панику, которая станет еще большим злом? Рубке стал цвета оконной шпаклевки и забегал по комнате, задыхаясь от приступов

астмы — пришлось помочь ему, — а затем заявил, что мы обязаны рассказать миру обо всем. Удивительно, но наша история не вызвала ни малейшего сомнения. Еще бы: сила двух разумов с лихвой перекрыла его один.

Однако «Цатоггуаны пока что опережали нас на полкорпуса, и мы убедились в этом часом позже. Жорж Рибо сделал заявление для «Юнайтед Пресс», в котором обвинил меня и Райха в убийстве и злоупотреблении доверием. Вот что говорилось в нем:

«Месяц назад ко мне подошел Винсент Джиоберти, ассистент профессора Берлинского Университета Зигмунда Флейшмана; он рассказал, что небольшая группа ученых образовала Лигу Спасения Мира и предложил мне вступить в нее. Постепенно меня представили остальным членам Лиги (далее шел список) и так называемым ее основателям — Вольфгангу Райху и Гилберту Остину — ученым, открывшим Кадат. Именно это открытие подтолкнуло их к идее спасения мира: они решили, что весь мир должен объединиться против некоего общего врага. Таким врагом должны быть «Великие Древние» Кадата... Мы должны были при любых обстоятельствах поддерживать наш союз. По мнению Райха и Остина, только фигуры известных ученых могут заставить поверить мир в эту фантастическую историю... Меня хотели подвергнуть гипнозу, как и всех остальных, но я отказался. В конце концов, под угрозой смерти я согласился на один сеанс. Мои собственные гипнотические способности позволили мне внушить этим двоим, будто я полностью стал их рабом...»

Одним словом, Рибо заявил, что все случившееся этой ночью стало результатом соглашения о групповом самоубийстве, вдохновителями которого были мы с Райхом. Цель этой акции — заставить мир поверить в нависшую угрозу. Мы с Райхом, якобы, тоже должны были умереть, чтобы наши исследования о Великих Древних после этого были опубликованы.

Занятная выдумка, но не гениальная. Все выглядело слишком невероятно, но ведь и самоубийство двадцати ведущих ученых было столь же невероятным, не говоря уже о нашем собственном ответном объяснении.

Только благодаря моей победе над паразитами эта история не выбила меня из колеи. Всего лишь сутки назад все казалось превосходным. Мы уже прикидывали, как через месяц выступим с обращением ко всему человечеству, и тогда сможем набрать грозную команду. А теперь все пошло прахом — Рибо стал союзником или жертвой паразитов и повернул наши же идеально продуманные планы против нас. Тут паразиты безусловно нас обошли. Доказательств их существования пока нет, да они постараются и не дать их. Если мы заявим о Цатоггуанах, то Рибо сможет доказать, что это не наша выдумка. Лишь одна группа людей могла поверить нам: Антикадатовское Общество!

Райх вдруг произнес:

— Что толку сидеть — так ничего не высидишь. Мы и так неповоротливы, да еще эти твари обошли нас. Шевелиться надо.

— Что ты предлагаешь?

— Надо разыскать Флейшмана и братьев Грау, узнать, что с ними. Если их потрепали так же, как и меня пару часов назад, то паразитам нетрудно их уничтожить.

Мы попробовали связаться с Берлином по телескрину, но тщетно. Тогда позвонили Рубке и попросили помочь срочно слетать ракетой в

Берлин, но так, чтобы никто об этом не знал. Рубке, разумеется, тоже взволновало «признание» Рибо, и нам минут десять пришлось уламывать его, воздействуя на мозг. Неблагодарная работа — Рубке оказался настолько безвольным, что подстегнуть его решимость было все равно что наполнить водой ведро без дна. И чего мы только не перепробовали: давили на жадность и честолюбие; сулили, что имя его войдет в историю — он же наш шеф, как никак; обещали, что один его решительный поступок не ухудшит положения фирмы. Потом мы вместе с ним устроили маленький трюк для журналистов. Сняли на видеокассету, как Райх отвечает по телескрину — за ним в это время маячил я, — потом он гневно кричит оператору, что связь прервалась. Эта запись будет показана в случае, если кто-то попытается позвонить нам.

Уловка сработала. Уже подлетая к Берлину, мы увидели себя на телеэкране. Репортер, нарвавшийся на эту «сенсацию» записал кусок «разговора», и через двадцать минут запись уже транслировала студия в Диярбакыре. В тот момент как раз шли дебаты — живы мы или нет, поскольку заявлению Рубке пресса не очень поверила, — запись тут же получила широкую огласку. Так что, если бы кто и узнал нас в берлинском аэропорту, то решил бы, что обознался.

Возле дома Флейшмана пришлось открыться, иначе было не проникнуть через кольцо журналистов. Тут, кстати, мы открыли новый аспект психокинетической силы. В принципе, для нас не сложно было сделаться «невидимками» — для этого достаточно лишь перехватить лучи внимания окружающих и отвести их в сторону, нас бы просто не заметили. Так мы вначале и сделали: добрались до двери Флейшмана и позвонили. Но тут-то нас и признали, началась суматоха. Слава Богу, Флейшман узнал наши голоса по домофону, и в тот момент, когда мы назвали себя, дверь открылась. Через мгновение, едва нам удалось проскользнуть внутрь, журналисты забарабанили в дверь и принялись кричать сквозь щель почтового ящика.

Флейшман выглядел лучше, чем мы ожидали, хотя сил он потерял немало. Мы с ходу выяснили, что с ним произошло то же самое: целую ночь шла битва, а ровно в восемь двадцать пять утра нападение внезапно прекратилось — разница во времени между Берлином и Диярбакиром сэкономила ему два часа. Я воспрянул духом: по крайней мере, двое наших коллег спасены благодаря мне, и эта ночь не стала ночью полного разгрома.

Флейшман рассказал о братьях Грау — те сидели у себя дома в Потсдаме. С утра ему удалось связаться с ними еще до того, как журналисты стали глушить сигналы из его дома... Братья выкрутились благодаря своей телепатической связи. На манер того, как они пользовались мозгом в качестве усилителя ПК — энергии, им удалось «подзаряжать» друг друга во время ночной битвы. Флейшман решил, что их, как и меня, пытались «подкопать», но телепатическая связь снова выручила. Потом я узнал, что у них не возникало ощущения потери личности, они подбадривали друг друга и гнали прочь все мысли на эту тему.

Видимо, техника ментального «подкопа» действует только против одиночки.

Теперь перед нами стояла почти неразрешимая проблема: как попасть в Потсдам к братьям Грау или, хотя бы, сообщить, чтобы они срочно вылетали в Диярбакыр. Дом окружен репортерами, а в небе

постоянно патрулирует дюжина вертолетов. Когда прошла новость о нашем появлении в доме, их число увеличилось до сотни. Одна попытка связаться с Потсдамом, и журналисты тотчас бросаются туда — местную связь прослушать еще легче, чем международную. Насколько мы знали, имя братьев Грау пока нигде не упоминалось, значит, у них оставалась какая-то свобода передвижения.

И Флейшман подсказал выход. Через час после общения с нами ему сделалось заметно лучше: стимулировать его мозг было куда легче, чем серое вещество Рубке. Особенно воодушевил его рассказ о моей победе — Флейшман снова загорелся прежним оптимизмом. Вот что он сказал:

— Теперь мы знаем кое-что интересное о паразитах: они обитают вне пространства. Посмотрите, ведь на меня нападали те же самые паразиты, что и на вас двоих в Диярбакыре, иначе почему они остановились одновременно?

Мы с Райхом уже прикидывали такую возможность. Но Флейшман заметил еще один аспект:

— Стало быть, мы ошибались, считая, что сознание существует в физическом пространстве. В ментальном смысле все пространство Вселенной каким-то образом сжимается в одну точку. И паразитам незачем разъезжать из Берлина в Диярбакыр — они одновременно находятся в обоих городах.

— И в Потсдаме тоже, — добавил Райх.

Тут мы поняли, что из этого следует. Если паразиты были, в некотором смысле, сейчас в Потсдаме, то и *мы тоже были там*.

Ну конечно, что может быть проще! Люди обитают в материальном мире, если у них нет способности входить в контакт с сознанием. Представьте: двое едут в поезде один, который может погружаться в себя, и для него нет пространства и времени, а второй сидит у окна и зевает от скуки — ему приходится замечать каждую минуту и каждую милю. Наша сила в борьбе с паразитами на том и основана, что мы погружаемся в себя и уничтожаем их на их же территории. Акуле легко достать человека, плывущего по поверхности моря, однако водолаз, плывущий под водой с маской и аквалангом, может считать себя равным хищнице. Так и мы, погружаясь в область сознания, где нет ни времени, ни пространства, становились на равных с паразитами. Если братья могут телепатически связываться друг с другом, то почему мы не можем выйти на связь с ними?

Ответ был прост: а как это сделать? Ясно, что для этого надо задействовать силу, подобную психокинезу, но какую именно?

И тогда мы выключили свет, сели вокруг стола и попробовали поэкспериментировать. Увидел бы кто нас в эту минуту — головы опущены, руки сцеплены, — решил бы, что мы проводим спиритический сеанс.

Первым попробовал я. Как только мы уселись, я послал мысленный сигнал: «Готовы?» Ответа никакого. И вдруг — неожиданный всплеск какого-то теплого чувства: мне показалось, что в моей груди прозвучал голос Райха: «Ты готов?» Я ответил: «Да, а ты слышишь меня?» Снова его ответ: «Не очень четко».

Флейшману понадобилось минут десять, прежде чем он тоже включился в игру. Но к тому времени мы уже общались с Райхом довольно сносно. Ведь мы, подобно братьям Грау, уже давно были настроены друг на друга. Немного погодя мы поймали первый сигнал

Флейшмана — он звучал, словно отдаленный возглас.

Хорошо, друг с другом мы связываться научились, но выйдет ли то же самое с братьями Грау?

Битый час мы потратили в попытках установить контакт, я чувствовал себя как заблудившийся в горах путник, который зовет на помощь. Я неустанно посылал мысленные сигналы Луису и Генриху Грау, но это были лишь слова, а выразить надо было чистое стремление к контакту безо всяких слов.

Вдруг Райх сказал:

— Кажется, мне удалось что-то поймать.

Мы сконцентрировались, стараясь послать братьям ответный сигнал: «Сообщение получено». И затем с удивительной четкостью прозвучал ответ, словно кто-то крикнул в ухо: «Слышим вас, что вы хотите?» Мы переглянулись в замешательстве и в то же время с победным видом, затем снова закрыли глаза и еще сильнее сосредоточились. Я услышал громкий выразительный голос: «Не все сразу, давайте по одному. Райх, это вы? Кажется, у вас сигнал помощнее».

Итак, мы работали в одном направлении, из Берлина, но когда сигнал из Потсдама пересекся с нашим, линия связи словно прочистилась, звук стал лучше. Мозг Райха, словно вспышки энергии, извергал из себя послание: «Вы можете попасть в Диярбакыр?» Ему пришлось повторить эту фразу несколько раз. Потом я почувствовал, как мы слушаем его и невольно посылаем сигналы поддержки. Братья сначала протестовали: «По одному, пожалуйста». Затем мы как бы слились с голосом Райха и стали работать в качестве усилителя его сигнала. Братья тут же ответили: «Вот так лучше. Теперь вас слышнее».

Дальше шло как по маслу. Мы даже умудрились вкратце рассказать о своих делах, будто болтали по телефону. И все это время нас не было в комнате. Мы полностью слились друг с другом, как соединяются люди в молитве. А потом я догадался, почему вначале шел слабый сигнал: я недостаточно глубоко погрузился в свое сознание, слишком близко был к поверхности. Когда я пробовал уходить глубже, меня начинало тянуть в сон. Язык и смысл слов принадлежат сфере тела. Их так же трудно перенести в глубины чужого сознания, как и пытаться мыслить логически во сне. Я об этом говорю к тому, что в тот момент впервые задумался о том, сколь безгранично наше невежество. Глубинные просторы сознания населены в основном нашими воспоминаниями и мечтами, которые плавают там, словно огромные рыбы. На этих глубинах чертовски трудно сохранить ощущение здравого смысла, трудно отличить реальность от иллюзии. А для эффективной телепатической связи необходимо посылать сигналы именно из этой глубины.

Впрочем, эта проблема уже не стояла так остро. Райх, Флейшман и я теперь усиливали друг друга, и в этом эксперименте раскрылся смысл фразы: «Мы члены друг друга»¹⁴.

После разговора с Грау мы почувствовали безмерное счастье и свежесть, словно после глубокого и спокойного сна. Флейшман стал похож на прежнего Флейшмана. Его жена принесла кофе; поначалу она плохо скрывала свое раздражение против нас с Райхом, но, бросив удивленный взгляд на мужа, она изменила к нам отношение. Мы

14 «Послание к Ефесеянам святого апостола Павла» (4;25).

заметили, с какой нежностью Флейшман смотрел на нее — она была тридцатью годами моложе него, и женаты они были всего год — будучи связанными в тот момент друг с другом, мы смотрели на нее его глазами, глазами влюбленного собственника и чувствовали его влечение, знали каждую интимную подробность ее тела. Она как бы вошла в наш телепатический круг и в каком-то смысле сделалась женой нас троих. (Что примечательно: у нас с Райхом не возникло обычного желания самца обладать незнакомой самкой, поскольку мы уже, так сказать, обладали ею.)

К трем ночи журналисты, поджидавшие нас на вертолетах, изрядно устали. Вдобавок, их скопилось в небе куда больше, чем допускает служба безопасности полетов. Тех же, кто собрался возле двери, даже трудно было сосчитать — вся улица была забита автомобилями со спящими репортерами. Мы выбрались на чердак и приставили лестницу к слуховому окну. В три двадцать утра в небе послышался шум вертолета — мы быстро распахнули окно. После небольшого маневра с вертолета сбросили веревочную лестницу, по которой мы быстренько вскарабкались по одному наверх, в вертолет — журналисты внизу сразу и не сообразили, что происходит. Братья Грау осторожно втянули внутрь сначала нас, а потом и лестницу, и вертолет на полной скорости помчался в сторону аэродрома.

Операция прошла безукоризненно. Газетчики на улице были уверены, что без их помощи нам в жизни не удастся нелегально раздобыть вертолет. Так что если кто-нибудь из них и заметил наш летательный аппарат, то, наверняка, предположил, что это всего лишь журналисты, или патруль Совета Воздушной Безопасности. Так или иначе, мы достигли аэропорта безо всяких приключений. Пилот связался по радио с пилотом нашей ракеты. В три тридцать пять мы были уже на пути в Париж. И решили, что следующим этапом станет маленькая деловая встреча с Жоржем Рибо.

(Продолжение в следующем номере)

Фредерик Пол Рождественское видео-шоу Роки Питона¹⁵

Пепельно-серебристый экран телевизора наливается лазурью. Проступают башни волшебного замка, над ним реют облачка. Наплыв. Сцена очень напоминает заставку перед программой диснеевских мультфильмов, и чтобы усилить это впечатление, справа в кадр залетает сверкающий рой звезд. Из звездной пыли возникает *Питер Пэн*. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот Питер Пэн похож на Джейн Фонду.

Еще один наплыв.

Джейн. Привет. Я — Питер Пэн. Но я-то вырос. А мира — Нет-И-Не-Будет.

Если присмотреться, Джейн постепенно превращается из Питера

15 © Frederik Pohl. The Rocky Python Christmas Video Show. F&SF, Oct/Nov 1989.
Перевела Дарья Налепина.

Пэна в лихую Барбареллу. Правда, теперь на ней скафандр Бака Роджерса, но лицо не закрыто шлемом.

Джейн . Привет. Теперь я судебно-медицинский эксперт.

Она проводит рукой по экрану, и картинка меняется, теперь это не сказочный замок, а Обычный Городок. Башни дворца превратились в церковные шпили методистских, баптистских, конгрегационалистских, адвентистских молелен. Джейн касается своей волшебной палочкой одного из шпилей, и сразу звездная пыль превращается в снег. Перед нами — Новая Англия зимой. Нечто вроде «Нашего городка» Торнтона Уайлдера.

Джейн . Единственное, что я хочу, это показать, чья в том вина на самом деле. Я-то знаю, чья. Ваша. Да-да, ваша. Вы засранцы. Но я хочу, чтобы это было доказано.

Доносятся звуки песни «Храни вас Боже, господа!». Камера наезжает на двери одного из храмов. Джейн поднимается по ступенькам, заглядывает внутрь и оборачивается к нам.

Джейн . Ну вот, хотя бы Рождество. Вдумайтесь только, ведь Рождество же! А теперь послушайте этого парня.

Музыка умолкает. На кафедру всходит некто, похожий на Роберта Морли.

Некто . И я молю Тебя, Господи, помилуй тех, кто сражается во Имя Твое далеко от родной земли. Сохрани их и помилуй. Прости им грехи и прими в лоно Твое, во имя Твое...

Джейн качает головой.

Джейн . Ну как вам этот парень? О, вы знаете, когда-то Рождество

было чертовски веселым праздником, не так ли? Подарки... и все такое... зимнее солнцестояние... дни становятся все длиннее. Все вспоминают, что родился наш Спаситель, Князь Мира, отличный парень, завещавший всем любить всех. Всех, кроме, разумеется, Тех парней...

Декорация молниеносно меняется, теперь перед нами ясный зимний день. Двое мальчишек играют в снежки. Матери, смеясь, грозят им пальцем, но мальчики не обращают на это никакого внимания.

Джейн. О Господи! Почему надо обязательно все портить?! Неужели вы думаете, мы в восторге от этой чертовой униформы!

Один снежок попадает Джейн по уху. Она вся в снегу, но, кажется, примиряется с этим.

Джейн. Могло быть хуже. Хорошо, что это, например, не граната. Знаете, раньше запросто могли и гранатой... Я имею в виду, что как-то, пару войн назад...

Она делает паузу, потирая ухо. Встряхивает головой и слегка вздрагивает.

Джейн. Хотя нет, тогда это была не граната. Это был солдат, и он шарахнул меня прикладом своего ружья. Как-нибудь я вам про это расскажу, а сейчас — встречаем моих гостей!

Джейн сдвигает в сторону застывшую декорацию «Нашего городка», открывая телестудию, где все готово к игровой шоу-программе. Перед нами восемь молодых людей, одетых в солдатскую форму разных эпох и народов. Джейн мгновенно сбрасывает с себя космический скафандр и оказывается в облегающем костюме чечеточницы. Фрачок с фалдами, на голове цилиндр, в руках хлыст.

Звучит музыка, Джейн щелкает хлыстом.

Джейн. Добро пожаловать на нашу игру «Кто? Где? С кем?»!

Она подходит к первому парню. Тот в мундире английского солдата времен первой мировой войны, голова перевязана, каска нахлобучена поверх повязки.

Джейн. Итак, Первый, откуда вы, мой мальчик?

Первый. Я не мальчик, мисс. У меня жена дома и двое ребятишек... Если, конечно, эти цеппелины еще не ухлопали их.

Джейн. Я вас, по-моему, немного о другом спрашиваю.

Первый. Это в смысле того, чего я тут делаю. Так я думаю, то же, что и эти парни. Мы ведь мертвые, мисс.

Джейн. Потому что вы участвуете в нашей замечательной суперигре, которую любят все вокруг! Итак, джентльмены, расскажите нам, где каждый из вас встретил Свой Знаменательный День!

Солдаты говорят по очереди.

Первый. У Ипра это было, мисс.

Второй. (он в форме американского солдата времен второй мировой, без руки). Нам велели занять высоту, точнее, гору. Кажется, она называлась Монте-Кассино.

Третий. (одет как республиканец времен Гражданской войны между Севером и Югом. Он — негр, немного похож на Эдди Мэрфи). Из-под Питерсберга, мэм. Помню, мину подвели, подорвали и вошли, тут в нас и принялись палить.

Четвертый. (страшно истощенный боец Красной Армии). Ладожское озеро. Блокада Ленинграда. Я провалился под лед и замерз.

Пятый. (восточного вида, маленький; одет в нечто, напоминающее черную пижаму, сильно обгоревшую с одного бока; тело тоже страшно обожжено). Я нес боеприпасы по Тропе, когда сбросили напалм.

Шестой. (в меховой летной куртке образца 1954 года, тоже обгоревший). Меня сбили севернее Ялу. Удалось даже приземлиться, но самолет горел, и когда я пытался выбраться, они застрелили меня.

Седьмой. (этот в мундире наполеоновских гусар; сидит на скамейке рядом с Восьмым). Я тоже замерз в России. Мы уходили из Москвы, было дьявольски холодно и нечего есть.

Восьмой. (офицер вермахта, слепой). И я замерз, добрая госпожа. Правда, лет на сто тридцать позже, но зато в том же месте, где француз.

Джейн. Спасибо, мальчики. (К зрителям.) Разумеется, мы могли пригласить и больше — да хоть миллион, начиная с битвы при Фермопилах и до Гренады, — но вы же знаете, что такое бюджет! Да и не только солдат! Женщин, детей, стариков — помните Хиросиму? Или истребление катаров во Франции? «Убейте их всех! — командовали генералы-католики, — Господь узнает своих». Про татаро-монгольское нашествие я уж и не говорю, и про старую добрую вторую Пуническую войну тоже.

Поглаживает свой лобок, словно желая унять боль.

Джейн. Теперь припомните еще некоторые мелочи, связанные с войнами. Ах, если б не бюджет — мы бы пригласили еще всех детишек, умирающих с голоду, и все такое, ну а уж за женщин постараюсь сыграть я сама. Да, так вот, тот солдат явился в подвал, где я пряталась, дал мне по голове прикладом и начал расстегивать штаны...

Джейн, задумавшись, идет к кулисам.

Восьмой. (с негодованием). Это наверняка был Иван. Солдаты фюрера никого не насиловали.

Четвертый. Конечно, вы только закалывали детишек штыками!

Восьмой. Неслыханная ложь! Лично я не заколол ни одного. Самый молодой из тех, кого я убил, — ему было никак не меньше пятнадцати, я почти уверен!

Джейн, не слушая их, начинает отбивать чечетку на авансцене.

Затем переходит к упражнениям аэробики, совершенно не обращая внимания на солдат.

Первый. Мисс? Я очень извиняюсь, мисс, но мы тут слегка

поцапались.

Джейн. (останавливается у правой кулисы и рассерженно смотрит на них). Заткнитесь все, о'кей? Какая разница, кто из вас это сделал! Просто тот парень трахнул меня два раза — сначала прикладом, а потом... другой штукой, так что я в итоге умерла. И отвяжитесь от меня.

Второй. (тоже с негодованием). Эй, леди, может, хватит? Мы никогда в жизни такого не делали.

Джейн. Неужели?!

Второй. Никогда, маленькая скандалистка! Генерал Марк Кларк немедленно расстрелял бы любого из нас за такое. Кроме того, всегда можно было найти...

Джейн. За банку тушенки? (Смотрит на него, затем, ухмыльнувшись, отходит, ставит на авансцене армейскую раскладушку и садится на краешек.) Как ты насчет этого, Джи-Аи? И учти, мне не нужна тушенка, и ты мне тоже не нужен. Но у тебя была винтовка. И я ничего не могла поделать.

Второй. (угрожающе). На что это вы намекаете, леди?

Джейн. А как ты думаешь? Неужели наш герой не имеет права слегка повеселиться? Чего же ты ждешь? Я не могу остановить тебя. Да и какая разница — ты ведь уже убил моих детей и взорвал мой дом, неужели мне еще есть что терять?

Второй. Вы что, серьезно?! (Стоит напротив нее, тяжело дыша, весьма возбужденный, затем трясет головой, сердито смотрит на Джейн.) Эй, леди, нельзя же так с солдатом, прямо все опускается...

Джейн. (дружелюбно). Что, тестостерончика не хватает? Это оттого, что ты давно никого не убивал.

Все восемь солдат что-то бормочут. Джейн выкидывает раскладушку за Кулисы.

Второй. Вы нас держите за каких-то животных! Мы — *солдаты*. У меня Орден Серебряной Звезды, а если бы был офицером, то получил бы и медаль Конгресса!

Седьмой. Сам Император пожал мне руку!

Пятый. Нашим оружием братья на юге смогли свергнуть иго империалистов!

Четвертый. Даже голодая, мы дрались до конца!

Третий. Мы делали все, что нам приказывали, мэм. Нам велели пробиться к Ричмонду, и мы почти сделали это. И захватили б его, как пить дать, кабы генералы подбросили подкрепления, прежде чем нас перебили.

Джейн. О Господи, да никто и не говорит, что вы трусы! Да, иногда вы не выдерживали, но потом все равно шли и делали свое дело. Вопрос только в том, *зачем* вам надо было быть такими храбрыми?!

Первый. Немцы, мисс. В Бельгии они творили страшные вещи.

Седьмой. Во славу Императора!

Третий. Они избивали нас, мэм, когда мы были рабами. Свобода! За нее мы их и убили.

Восьмой. За арийскую расу!

Четвертый. За Советскую Родину!

Все они говорят одновременно, и Джейн прерывает их.

Джейн. О'кей, все, хватит. (Смотрит на Шестого.) А тебе что, нечего сказать?

Шестой. (ухмыляясь). Сдается мне, все это трепотня, моя сладкая. Что до меня, то я всего лишь летчик. Сбросил парочку пятисотфунтовых бомб, выпустил десяток снарядов — и на базу, на корабль, посмотреть киношку и пить пиво — конечно, если не встретишь эти чертовы МИГи. Думаю, что меня сбил русский, не один косой дьявол не может так летать!

Я понимаю, о чем ты, крошка. Меня всегда радовало то, что я — летчик. Мы никогда не путались в разные там дела на земле. Так что не надо мне про эти ваши изнасилования, грабежи — я никогда даже рядом не стоял. Всегда был в воздухе. У нас была симпатичная, чистая война.

Джейн. Как ты думаешь, на «Эноле Гэй» тоже так считали?

Шестой. Стоп-стоп, моя сладкая, это не по адресу. С атомными бомбами я дела не имел!

Джейн. Тебе их просто не загрузили.

Шестой. Да, черт возьми, и знаешь почему? Потому что Штаты решили их не применять. У нас их было полно, пожалуйста, но по гуманным соображениям их не пустили в ход.

Джейн. А может еще и потому, что у русских они тоже были? (Шестой отворачивается, теряя интерес к беседе.) А потом все их заимели. Англия и Франция, Индия и Китай, Бразилия и Южная Африка, Израиль и Пакистан. И тогда люди успокоились — вот, мол, настоящий Сдерживающий Фактор: НЕИЗБЕЖНОЕ ВСЕОБЩЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ. Теперь никто не осмелится использовать атомное оружие, ибо в этой войне не может быть победителей. В чем-то они были правы, а в чем-то нет. Правы в том, что победителей не оказалось. Гляньте-ка сюда.

Джейн опускает прежнюю декорацию, Шестой и Первый помогают ей, затем отходят на свои места. Все смотрят. На экране опять Наш Городок, но после ядерного удара. Дома и церкви горят. Несколько человек с трудом бредут по грязному тающему снегу к саням, запряженным клячей, — «скорой помощи». Дети в лохмотьях, голодные и замерзшие. Джейн медленно заправляет фалды фрака в лосины и снимает цилиндр.

Джейн. Дело в том, что даже опасность никого не удержала. (Она берет пульт дистанционного управления и переключает каналы. Перед ними мелькают разрушенные Нью-Йорк, Токио, Москва, Пекин, Чикаго, Рио-де-Жанейро, Тель-Авив, Париж, Сан-Франциско, Кейптаун, Рим, Копенгаген, Мельбурн, Сингапур, Мехико, Сент-Луис, Каир, Стокгольм.) Стоило только начать, потом все вместе и закончили.

Второй. (он сердит и растерян). Мне говорили, что такого не должно случиться. Говорили, что войн больше не будет.

Первый. Мне тоже говорили, мисс.

Джейн. Что ж, на этот раз они правы.

Седьмой. (недоверчиво, но с надеждой). Пардон, мадемуазель, так сейчас все еще мир?

Джейн. Да, милый. Правда, для вас это не имеет никакого значения. Вы все равно уже мертвы. (Похлопывает по плечу одного из солдат.) По-

моему, вам пора. Вон туда...

Ворча, все восемь солдат встают, забирают свои скамейки, и становится видно, что это простые сосновые гробы. По очереди ложатся внутрь, и каждый последующий помогает предыдущему закрыть крышку. Последнему помогает Джейн. Затем она вновь надевает свой комбинезон, и мы видим, что это не космический скафандр, а костюм радиационной защиты, причем уже весьма поношенный.

Кланяется зрителям.

Джейн. Что ж, счастливого Рождества вам всем, мир на земле и в человецех благоволение. Мира вам, право слово. Я в том смысле, что, в конце концов, война его достижению весьма поспособствовала.

Она смотрит на экран, щелкает пультом, изображение гаснет. На пустой сцене остается только Джейн, высвеченная лучом юпитера.

Перед тем, как надеть шлем, она добавляет:

Джейн. Ведь для чего-то более крутого на Земле просто не осталось действующих лиц.

Дэвид Редд Как явился Христос в Рождество на Луну¹⁶

Я — Сара Брэди. Ну да, та самая Сара Брэди. Именно меня угораздило стать постановщиком Второго Пришествия Христа, и, скажу я вам, это было нелегко. На самом деле здесь, на Луне, ничего не дается легко. К тому же, на Луне ли, нет ли — там, где замешан мой ненормальный муж, все неминуемо осложняется и запутывается.

Теперь уже, наверное, все знают, как выглядят интерьеры его лаборатории, той самой, где проводился Эксперимент по Искривлению. Самая обыкновенная, типичнейшая лаборатория Лунной базы. Там Мэтью и работал. Циферблаты, мониторы, силовые кабели и все такое прочее. Вообще-то заправляла всем старая профессор Пибоди с платформы, возвышавшейся над гигантским металлическим узлом сконструированных ею тороидов. Рядом с ней склонилась над приборами ее команда: Фредрик, Тереза, Кришнан, и этот мой ученый недоросль, Мэтью Брэди со своей докторской степенью. Все и вышло из-за него. Уж я-то знаю.

Ну кто еще мог провести последний цикл искривления на максимальной мощности в качестве специального рождественского сюрприза?

Кто, кроме Мэтью Брэди?

Мне да не знать собственного мужа! Никакая профессор Пибоди не сможет убедить меня в том, что это ее вина, что бы там она ни писала в своих отчетах о причинах преднамеренной перегрузки. Я знаю, что случилось. Я просто вижу, как Мэтью в своем белом спортивном костюме произносит с невинным видом: «Ну, ребята, мы за целый день еще ни разу

не искривлялись. Давайте-ка устроим себе хорошенькое искривление!»

Могу себе представить, с каким счастливым видом он устанавливал все приборы на максимум, в то время как профессор Пибоди умиленно взирала на это, а остальная банда только посмеивалась про себя.

Думаю, они не ожидали ничего подобного.

Согласно теперешним представлениям, материя находится в непрерывном движении. Если бы можно было растянуть шкалу времени, то твердые предметы предстали бы перед нами, как переменчивые образы, вспышки реальности на субатомном уровне, постоянно возникающие из небытия и исчезающие в следующий миг. Но то, что должно было быть бесформенной дымкой, на самом деле стало организованной системой. Эту систему мы называем Вселенной, которую Бог в своей неизреченной мудрости создал из ничего. Научные исследования здесь, на Луне, позволяют нам увидеть, как именно он трудился над чудом творения. Проводя эксперимент по Искривлению, Мэтью надеялся узнать побольше о технической стороне этого процесса. Задерживая поток частиц с помощью магнитного поля, он пытался преобразовать его в иную форму — в другую реальность.

Вот чего хотели добиться Мэтью, профессор Пибоди и все остальные на Луне в канун Рождества.

Это был последний эксперимент перед рождественскими каникулами.

Интересно, что дернуло его запросить максимальную мощность?

Представьте себе удивительное зрелище. Мерцание прозрачных проводов, потрескивание электрических разрядов, гудение реостатов. Энергия накапливается, мельчайшие частицы входят в резонанс, пока сам воздух не начинает светиться, как хвост кометы, с потусторонней яркостью.

И внутри этого сияния формируется фигура. До странного похожая на человека.

Впрочем, тогда я даже не подозревала, что происходило в лаборатории. Считала, напротив, что в сочельник все должно быть там в полном порядке. Итак, я беспечно впорхнула через шлюз в свою импровизированную студию. Меня согревали мысли о той успешной передаче, которую мы сегодня проведем. Войдя, я жизнерадостно воскликнула:

— Привет всем! Пришлось слегка задержаться в Атмосферных Системах, но прочь тревогу — Сара мчится на подмогу! А теперь давайте начнем нашу программу... а где же все?

Я говорила в пустоту. В студии никого не было. Повсюду только натолканы коробки, покрытые неизбежной тонкой пленкой лунной пыли. Члены съемочной группы отсутствовали. Стон вырвался из моей груди. Это помещение, которое мне разрешили оборудовать под студию, так и осталось складом.

Ни микрофонов. Ни освещения. Ни декораций. Ничего не подготовлено.

Моя голографическая телеаппаратура валялась в углу, как пьяный детский ТВ-робот, при этом немислимо дорогая клавиатура компьютерной связи, которую мне одолжили Межпланетные Спасатели, покачивалась в состоянии неустойчивого равновесия на покосившемся треножнике. На полу валялись мотки обшарпанного кабеля. Короче, это была самая ужасная видеостудия с тех пор, как Этельред

Неподготовленный впервые вышел в эфир.

И как же мне теперь передать наше маленькое рождественское шоу лунного христианского братства нашим друзьям из евангелистской группы Объединенной Лиги Планет?

Хуже того, Командор Хайнэм сообщил мне, что ради специально приглашенной звезды нашего шоу, прибывшей с Сириуса, он договорился о глобальной трансляции, хотя до этого предполагалось, что передачу увидят только в Пасадене. С самого начала у меня к такому сердцу не лежало, а теперь еще и... Если в ближайшие несколько часов мне не удастся сотворить чудо, то зрители всего мира не увидят на своих экранах ничего, кроме кучи грязных коробок. Веселого Рождества, ребята, но сегодня у Сары ничего не вышло. Можете судачить об этом хоть до следующего года, дорогие два миллиарда моих зрителей.

На самом деле, моя настоящая проблема как раз в тот момент незримо для меня обретала форму в Лаборатории.

Я запаниковала по поводу пустой студии (не подозревая о том, что предстоит нечто гораздо худшее), но тут обнаружила, что студия не совсем пуста. Один из членов моей команды показался из-за коробок.

Хотя он и стоял ко мне спиной, я узнала широкие плечи и стриженный затылок главного техника Эйба Ван Боука. Он методично приклеивал блестящие звездочки к черной металлической стене. Я сама покрасила эту стену, больше выбраться сюда ни разу за неделю не удалось.

Я так обрадовалась, увидев Вана, что заорала ему прямо в ухо:

— ВАН! ГДЕ ВСЕ?

Он застыл с вытянутой рукой, в которой блестела еще одна звездочка. Только голова медленно повернулась ко мне.

— А, это ты, Сара. Мне показалось, что я слышал, как кто-то вошел.

И он спокойно прилепил звездочку к стене, как будто я и не покушалась только что на целостность его барабанных перепонок.

— Да, Ван, это я. — Мне удалось понизить голос на пару децибел. — Где все остальные? Почему не установлена аппаратура? Когда наконец Росконнор собирается начать репетировать? И где он сам?

— Не он, а оно, — поправил меня Ван. — У сириан не существует мужского или женского рода. У них есть средний род, а еще нулли и мульти...

— Это их трудности. А кто будет брать интервью у нашего многорукого гостя? Где мой бравый доброволец?

— Твой-муж, — ответил Ван, приклеивая очередную звезду к ночному небу над Вифлеемом, — работает сверхурочно в лаборатории. У них проходит завершающая серия экспериментов по искривлению. Мне очень жаль, Сара, но я понятия не имею, когда он сюда выберется.

Я снова вздохнула. Если Мэтт все еще старается искривить пространство, то Фред и Криш будут все время с ним. Мы остались без операторов головидения. Из всех моих помощников, значит, рассчитывать можно только на этих ужасных близнецов Лату и Лотти, но и тех не видать. Христиане составляют меньшинство на Луне, поэтому рождественская передача была делом исключительно добровольным и среди нас не было ни одного профессионала.

Однажды мне пришлось организовывать презентацию общественной деятельности отделения Общества Христианских Деяний в моем родном городке. Вот почему с тех пор, как Лунная база перестала быть сенсацией и ее покинули все репортеры, я считаюсь здесь экспертом по средствам

массовой информации. Эксперт! Тоже мне эксперт! Пока наше шоу предназначалось только для местной линии в Пасадене, это не имело значения, но после того, как наш Командор продал права на передачу за чечевичную похлебку известности...

Настоящий профессионал, я думаю, знал бы, что делать в такой ситуации. Я — нет, поэтому попыталась решить проблему с помощью крика.

— ВАН! ЭТО УЖЕ СЛИШКОМ! ГДЕ РОСКОННОР?

Ван отступил на шаг, потирая ухо.

— Он греет щупальца о колбу с чаем вместе с Командором Хайнэмом, Сара. Они развивают дипломатические отношения между Сириусом и Землей.

— Ох! — Я схватилась за голову. — Сейчас не время для дипломатии! Этот сирианский придурок уже давно должен быть здесь и репетировать, иначе нас ждет провал!

Ван заговорщицки улыбнулся мне.

— Сегодня вечером Росконнор не подкачает.

— Но вечер-то уже начался! — Я без сил рухнула на ближайший ящик.

— Сара, успокойся. — Ван отложил наконец свои звездочки. — Я отправил Лотти и Лату к офису Командора. Они проследят, чтобы Росконнор явился сюда, а не тратил время на мирный договор между Сириусом и Землей.

— Надеюсь, они с ним управятся. У него абсолютно неземные представления о приоритетах.

Барабана пальцами по коленке, я вспоминала, с чего начались все мои неприятности.

Росконнор, прибывший с Сириуса, должен был впервые выйти в земной эфир из моей студии. Я не представляла себе, что меня ждет, когда предложила ему быть специальным гостем нашего шоу. Хотя он и отказывался делать официальные заявления до тех пор, пока дипломатические представители Земли лично не прибудут со следующим шаттлом, идея выступить в неофициальной рождественской передаче ему понравилась. Это был бы прекрасный сюрприз для наших друзей из Объединенной Лиги Планет. К сожалению, сегодня с утра я проболталась о своем замысле Командору Хайнэму, а он связался с Землей. И вот теперь у меня было два миллиарда потенциальных зрителей, если не считать того, что высокий сирианский гость все еще не появился, и студия, где должна происходить встреча, до сих пор не была готова. Если Росконнор не появится сегодня в эфире, то никто на Земле больше никогда не поверит ни одному сирианину.

По правде говоря, студия выглядела не так уж и ужасно. Можно довольно быстро навести здесь порядок. Но хоть бы кто-нибудь из моей команды пришел помочь!

Беседовать с гостем должен был Мэтью. Он возьмет свою гитару и споет «Ночь тихая, святая ночь». В это время Росконнор войдет в студию, одетый в костюм Санта-Клауса, и Мэтт будет задавать ему милые простенькие вопросы — так, чтобы Росконнор выглядел таким дружелюбным соседусшкой (если отвлечься от щупалец и чешуи). Но Мэтью здесь пока нет.

Фред и Кришнан, головизионные операторы-любители, — в лаборатории вместе с Мэттом. Поэтому их тоже здесь не было.

Лотти и Лата должны были заниматься костюмами и гримом, постараться, чтобы щупальца Росконнора выглядели грациозно и привлекательно. Но даже их здесь не было.

Был в студии Ван.

В студии была я.

Еще в студии громоздились куча ящиков и разобранный головизионный передатчик.

Все, что можно было сделать, это начать разбираться в студии и надеяться, что дальше пойдет легче. Я поднялась.

— Ван! Ты подарил Вифлеему уже достаточно звезд. Помоги мне освободить здесь место. Надо избавиться от этих коробок.

— Но я еще не прикрепил самую яркую звезду, под которой должны стоять волхвы!

Мне удалось подавить очередной стон.

— Ну хорошо, хорошо. Прикрепи последнюю звезду и давай начинай выносить коробки.

Когда я говорила это, у меня было ощущение, что я упустила из виду что-то очень существенное. И точно. Ван приподнял было пару коробок, затем опустил их на место и озадаченно повернулся ко мне.

— Э... извини, Сара, но куда же тут деть эти коробки?

Отчасти Ван был прав. Ведь мы на Лунной базе. Страдая от недостатка средств, особенно после последних сокращений евро-британских ассигнований, мы действительно не могли позволить себе иметь свободное место. Будучи главным техником, Эйб Ван Боук одновременно являлся и лучшим знатоком Лунной базы. Если он говорил, что места нет, значит его действительно нет.

Но он имел в виду специально отведенное место в складских помещениях. Так работал его технически ориентированный ум. Пора было применить женский, более гибкий способ мышления.

— Послушай Ван, ведь ты не собираешься ложиться спать, пока все не кончится, а? (Даже если и захочет, прилечь ему будет некогда, уж я об этом позабочусь.) — Ну так ты просто оттащи эти коробки в наши жилые отсеки. Мой, твой, Лотти... туда влезет большая часть.

— Но не все! Половина «студии» была завалена до потолка.

— Ну почти, Ван. Те, что останутся, мы приспособим под декорации. Ты начинай, а я пока запущу голо-программы.

Использовать его как тягловую силу совсем не означало дискриминации по половому признаку, это просто было практично. Я знала, как обращаться с рождественскими картами программ, а он — нет. Кроме того, на Луне предметы весят меньше. Поэтому он задумчиво кивнул и снова взялся за коробки.

Я подошла к куче оборудования и выудила оттуда клавиатуру компьютера космической связи. К моему удивлению, она еще работала. Я с благодарностью приняла эту маленькую милость, вошла в имидж-программу и принялась набирать сцену у ясель. Конечно, все с помощью готовых образцов на карточках. А как еще может занятой режиссер быстренько организовать сценографию по полной программе?

«Для трех Волхвов, — прочла я, — запросите туловище из блока А, конечности из В-Е (основные) и голову из FM. Расширяйте по необходимости, затем, до выбора требуемой позы, с помощью мыши введите костюм из Т. То же самое повторить с костюмами U и V...»

Мне только оставалось слегка касаться своим светящимся

карандашом соответствующих микроточек напротив нужных позиций. Тут справился бы и ребенок. Эти заранее закодированные карточки отнимают все удовольствие от имиджирования, но времени на художества у меня не было. В отсутствие всей моей команды Рождественские Имиджирующие Карты (Американская среднезападная серия — подходит для дома, церкви и воскресной школы) были просто даром небес. У меня оставалось меньше пяти часов на подготовку первой рождественской передачи с Луны в прямом эфире. Каждая минута будет на счету.

Тем временем в лаборатории искривления мой ненормальный муж готовился изменить ход истории.

А мы с Ваном продолжали усердно работать в нашем складе, то есть студии. Уже были введены, проверены и записаны голографические заставки. Приходилось торопиться, потому что как только начнутся репетиции, я буду слишком занята, чтобы заниматься чем-нибудь кроме суфлерского проектора. (Росконнор написал свои суфлерские карточки, но проектор не считывал сирианскую письменность, поэтому их пришлось крупно написать на больших картонных квадратах. Примитив.) Потихоньку все стало налаживаться, Я не следила за работой Вана, но он продолжал героически перетаскивать коробки в спальни наших ничего не подозревающих братьев. Наконец он закончил переноску, а я закончила программирование. Тут мы застыли на минуту и уставились друг на друга, понимая, что все же достигли некоторых результатов. Я как раз подумала, что если дела и дальше пойдут так же гладко, то мы получим наше шоу.

Но дела не пошли гладко. В студию вошел мой муж.

На нем все еще был белый костюм и защитные очки. Он подошел ко мне, возбужденно потирая руки.

— Сара, дорогая! Я видел Иисуса!

Я люблю своего мужа. Поэтому и не отрываю ему голову при свидетелях. По крайней мере, не часто.

— Мэтью, милый, не надо так глубоко входить в роль до начала шоу. Подожди, пока Росконнор...

Он перебил меня, чего раньше никогда не делал. От удивления я даже не протестовала.

— Сара! Ты не понимаешь. Я действительно видел Иисуса и говорил с ним. Наш Спаситель вернулся к людям. Иисус здесь на Луне — сейчас!

Торопливо, словно боясь не успеть, Мэтт стал объяснять.

В конце концов эксперимент по искривлению прошел успешно. Силовые поля Пибоди, проходя непонятно через что, выделили из потока овоидный фрагмент. Форма сохранялась примерно 3,75 секунды. При нормальных условиях эксперимента это было невероятно долго, и в любом случае этого времени было достаточно для Иисуса.

Он выступил из потока.

Они все его видели. Иисус Христос шагнул к ним, переходя из своей реальности в нашу.

Мэтью его сразу узнал. Иисус выглядел точно так, как его изображали в течение многих веков. Впоследствии я сама в этом убедилась. Темноволосый, смуглый, бородатый, в белоснежных одеждах. Губы и глаза Его были отмечены печатью святости. Над Его головой еще не потухло сияние резонирующих частиц.

Он заговорил.

— Вы знаете меня, — промолвил Он.

Да, они узнали Его и поняли Его. Мэтью говорил мне, что прежде не верил в дар мгновенного постижения слова Божьего. А тут им явился Иисус Христос, возродившийся к жизни через два тысячелетия. Наш Спаситель в своих белых одеждах стоял рядом с металлическими тороидами внутри лабораторного купола за четверть миллиона миль от Земли.

— Мир вам, — произнес Иисус, и они ощутили мир.

Никто не усомнился в Нем. Даже нехристиане. Тереза, профессор Пибоди... Они узрели Его и уверовали.

Иисус поведал им, что Он пришел, чтобы снова обратиться к людям. Настало время, избранное для начала новой эры. И Он явился на Луне, объяснил Он, потому что людям научного века всегда требуются доказательства. Мониторы лаборатории искривления обеспечат эти доказательства. Лунная база столь подробно зафиксировала момент второго пришествия Христа, что никому на Земле не придет в голову усомниться в его достоверности.

— А сейчас, — сказал Иисус, — я должен побыть наедине с Отцом Моим. Я удаляюсь в пустыню.

Он повернулся и медленно направился к стене. Только тогда до Мэтью дошло, по его словам, что именно Спаситель разумел под «пустыней». Мэтью вдруг отчетливо понял, что Иисус собирается пройти сквозь стену в самую холодную пустыню — в пустоту вакуума на поверхности Луны.

— Подожди! — закричал Мэтью. — Там нет воздуха! Ты умрешь!

Иисус остановился и мягко проговорил:

— Друг, я уже прошел через смерть. Мы скоро увидимся.

И он удалился сквозь стену.

Мэтью бросился к ближайшему иллюминатору и отключил затемнение стекла. По пыльному дну кратера медленно удалялась фигура в белом. Без шлема...

— Вот так все и было, — закончил Мэтью. На случай, если до меня не дошло, он повторил:

— Сара, я видел Иисуса. Он здесь. На Луне, с нами.

— Это превосходит всякое воображение, — сказал Ван. — Пусть Иисус, но как он может проходить сквозь стены?

— Он уже делал это, — сказал Мэтью. — Евангелие от Иоанна, глава 20, стих 26. Возможно, он манипулирует фазой относительно потока.

— Я не сомневаюсь в правоте твоих слов, — сказала я, схватив Мэтью за руку. — Иисус, должно быть, и впрямь здесь. Я верю тебе, дорогой.

Моя вера была крепка. В глубине души я знала, что Мэтью видел восставшего из мертвых Христа.

Я ощутила легкое головокружение. При мысли о том, что я принадлежу к поколению, избранному присутствовать при Втором Пришествии, меня охватили радость и смирение. В течение двух тысячелетий люди жили и умирали, веря в то, что Иисус пришел в мир, чтобы искупить их грехи. И эта вера, передаваемая из поколения в поколение, вот-вот получит величайшее подтверждение. Иисус был здесь!

С трудом я снова сфокусировала взгляд и осознала, где нахожусь. Это склад на Лунной базе, в котором все еще оставалось несколько коробок. Их придется декорировать под заснеженный склон горы. Стены были выкрашены в черный цвет и украшены звездами, изображая ту первую, давнюю рождественскую ночь в Вифлееме. Ближе ко мне наготове стояли

головизионная аппаратура и имиджер, как гигантские механические насекомые. Боюсь, с настоящим Вифлеемом тут мало общего.

— Интересно, — произнесла я. — Что Иисус подумает обо всем этом?

Прежде чем Мэтью или Ван успели ответить, открылась дверь. Гнездо из зеленых щупальцев, колыхаясь, приближалось ко мне, обрамленное красно-белым одеянием Рождественского Деда. Из складок одежды вынырнул псевдорот и запульсировал в ухмылке.

— Привет, Сара, детка, — сказал Росконнор Сирианский. — Ну как, классный из меня получился Санта-Клаус?

Получасом позже вся моя команда собралась в студии на экстренное совещание.

— Конечно, мы не можем допустить, чтобы Иисус встретился с Росконнором!

— Почему, Лотти?

— Ты думаешь, Ему будет приятно увидеть инопланетянина среди нас? Он пришел искупить грехи людей, а не сириан!

Лотти в чем-то права, подумала я. В Библии, по крайней мере, о сирианах нигде не сказано.

Мэтью выдвинул новый довод.

— Как Иисус прореагирует на Санта-Клауса? Рождественский Дед все-таки языческий персонаж, знаете ли. Одобрят ли Он это?

— Конечно, нет, — сказала Лата безапелляционно. Она была склонна к фундаментализму, и все рождественские реалии рассматривала как ересь или даже хуже.

Фред умудрился увидеть в происходящем светлую сторону.

— Не расстраивайся, Лата; по крайней мере, здесь, на Луне, он не увидит коммерческой свистопляски, в которую превратилось Рождество на Земле.

— Может, он уже ее видел, — высказала я предположение, — наш Господь всеведущ, в конце концов. Если сириане могут смотреть земное телевидение, то Бог и подавно.

Неудивительно, что Он послал Своего Сына спасти нас, подумала я, если Он смотрел спутниковое телевидение все эти годы. Затем я взяла себя в руки и предложила всем серьезно обдумать сложившуюся ситуацию. В течение нескольких минут они усиленно размышляли.

Росконнор, конечно, при этом не присутствовал. Мне удалось убедить его пойти в свой купол, наполненный сирианской атмосферой, и заняться изучением Идеального Рождества землян, просматривая передачу Наймана — Маркуса «Вызвони свой подарок». На некоторое время он был надежно пристроен. Росконнор не знал о появлении Иисуса на Луне. Однако он достаточно хорошо изучил нашу культуру по старым телепередачам, чтобы быть в курсе нашего поклонения Иисусу. Поэтому если Иисус и Росконнор столкнутся, то каждый из них поймет, что этот сочельник несколько отличается от их обоюдных ожиданий. Я снова мысленно застонала и подумала, а не отменить ли шоу вообще? Даже если мне придется лично принести свои извинения каждому из двух миллиардов зрителей...

— Нет, Сара, — сказал Кришнан, — ты не можешь все отменить. Это поставит крест на межзвездных отношениях между Солнечной системой и Сириусом. Сирианская Империя ждет доклада Росконнора. Земля ждет передачи с участием Росконнора. Что случится, если ты сейчас отменишь

передачу? Доклад Росконнора будет содержать неблагоприятную информацию и сириане отвернутся от землян. Хуже того, наши люди никогда больше не будут доверять ни сирианам, ни инженерам Лунной базы. У тебя нет выбора, Сара. Тебе придется провести это шоу.

— Криш, лучше бы ты сказал, «нам» придется его провести. — После этого провала моя голова полетит первой, это я понимала четко.

Но, как правильно сказал Кришнан, выбора у меня не было. Надо было провести шоу, и при этом не допустить, чтобы Спаситель и сирианин встретились. Но Мэтью должен был брать интервью у Росконнора, а Иисус ясно сказал, что увидится с Мэтью скоро — очень скоро...

Ну и как мне было помешать их встрече?

Но хуже всех пришлось Командору Хайнэму. Новость о явлении Иисуса облетела Лунную базу мгновенно, как и вся неофициально распространяющаяся информация. Примерно через четырнадцать минут все, кто не спал, уже знали о том, что Иисус появился на Луне — все, кроме, разумеется, Командора Хайнэма. Он узнал об этом позже. (Впоследствии также показалось странным то обстоятельство, что никто не подумал связаться с Землей. Вскорости причины такого всеобщего провала в памяти сделались очевидными, и стало понятно, что это часть Его плана.)

Вскоре после того, как Иисус вышел наружу, счетчик радиации показал нарастание солнечной активности. Все последующие действия Командора Хайнэма автоматически заносились в журнал происшествий базы. Он производил обычную проверку безопасности экранов и транспорта, а также должен был убедиться в том, что автоматические двери не позволят никому выйти, пока не спадет радиация. Согласно инструкции, он также в течение тридцати секунд через наружные мониторы проверял пыльные дорожки между куполами, чтобы убедиться, не остался ли кто снаружи.

И вдруг на сей раз увидел кого-то.

Судя по записи, которую я видела, Командор впервые узрел Иисуса в виде неясной фигуры вдалеке. И, конечно, даже представить себе не мог, кого именно он видит.

— Морган, там человек снаружи! Заберите его оттуда!

— Снаружи, сэр? Вижу! Но...

Шкипер Дэниел Морган, пилот шаттла и дежурный офицер безопасности, уже знал про Иисуса. Возможно, у шкипера были кое-какие сомнения в его божественном происхождении, но в чем сомнений не было, так это в том, что Иисус здесь и что он не вполне обыкновенный человек. Думаю, что Морган правильно вел себя с Командором, когда тот увидел на экране человека в белых одеждах, сидящего в раздумье на дне кратера. Без шлема...

Морган-то хорошо знал, кого они увидели, а Командор — нет. Поэтому Хайнэм продолжал отдавать распоряжения:

— Перестаньте мямлить, Морган! Заберите этого человека внутрь — в таком скафандре он недолго продержится.

— О, сэр, на нем нет скафандра. Ему скафандр не нужен.

— Что? Если на нем одна из этих новых сверхтонких мембран, то она вообще никуда не годится. Дайте ближний план. И заберите его оттуда, пока он еще жив.

— Не похоже, чтобы он мог погибнуть, сэр. Ему это не грозит.

(Прослушивая запись, я легко могла себе представить мысли бедного

Моргана. Как бы потактичнее преподнести эту невероятную новость? Моргану надо воздать по заслугам; он вполне тонко намекал на суть дела. Жаль, что Командор невнимательно слушал.)

— Как это не грозит? Тут самая непосредственная угроза жизни, идиот. Ну вот, наконец, мы можем посмотреть на него поближе. Господи! Ни скафандра! Ни шлема! Ни мембраны! Этот парень давно должен быть мертв!

— Он уже и был, сэр. Давно.

— Морган, что за чушь вы несете... Что? Это невероятно! Он встает! Он ходит! Морган, кто этот человек там снаружи?

— Иисус Христос, — ответил Морган.

Вот так Командор Хайнэм узнал о том, что на его упорядоченной исследовательской, сугубо научной Лунной базе появился восставший из мертвых Мессия. Думаю, он просто стоял и смотрел, как Иисус, не торопясь, возвращается к куполу. Интересно, какие мысли при этом бродили у Командора в голове.

Стандартным регламентом Лунной базы такая ситуация не была предусмотрена.

Мой собственный план действий был очень прост. Подготовить студию к передаче, а затем решать все проблемы по мере их возникновения. Поэтому Мэтью отправился в четвертый купол репетировать вместе с Росконнором, Лотти и Латой, а все остальные принялись всерьез за склад. Я, Ван, Фред и Крит. Взялись устанавливать освещение и камеры, выстраивать эффектные планы. Мы спотыкались о провода и друг о друга. Мои высказывания по этому поводу не подходили ни для леди, ни для рождественского шоу, но зато в итоге студия начала обретать нужный вид.

Оставив ребят наносить завершающие штрихи, я поспешила в четвертый купол, чтобы проследить за решением своей самой большой проблемы.

Мой Санта-Клаус.

Росконнор.

Четвертый купол был превращен в Сирианский центр. В нем имелся воздушный пузырь, в котором поддерживалось высокое давление, чтобы Росконнор мог там отдохнуть, а также специальная комната для интервью с земной атмосферой, в которой Росконнор общался со специалистами, задававшими ему вопросы. (Неудивительно, что для прочих на Лунной базе так не хватало места.) Росконнор беззаботно развалился на стуле для интервьюируемого, повсюду извивались его щупальца. Мэтью ссутулился на высоком табурете. Вид у него был хмурый. Очевидно, я попала в перерыв для примерки костюмов.

Лата трагическим шепотом произнесла:

— Сара, сделай что-нибудь! Репетиция прошла просто ужасно!

Ее грим тоже оставлял желать лучшего. Она навела ярко-розовый румянец на щеках всем, включая Росконнора, хотя в его случае «щеки» были понятием чисто условным и представляли собой два странных вздутия в верхней части тела. Я решила проявить такт и промолчала.

Что касается моего инопланетного Санта-Клауса...

Росконнор изучал земные языки по древним телепередачам. К сожалению, из них же он почерпнул и свои представления о поведении в обществе. Слушая, как он щебечет на голливудский манер, никто не мог бы догадаться о том, что за пошлыми ужимками скрывается гениальный

нечеловеческий разум.

— Но Лотти, золотко, — мурлыкал он. — Шубу не нужно подпоясывать белым горностаевым кушаком. Это не мой стиль, лапочка!

Я посочувствовала ему. Костюм Санта-Клауса был предназначен для двуногого крепыша, а не многоногого амебоида.

— Но этот пояс очень мил, — игриво продолжала Лотти. — Он так очаровательно подчеркивает линию талии, а?

— Сирианские талии редко бывают тонкими, детка. Легче, легче. У меня там есть такие маленькие хрупкие псевдоподии, знаешь ли.

— Потрудитесь держать свои псевдоподии при себе, мистер Сирианин!

В такой стрессовой ситуации речь Лотти стала особенно образной, или, возможно, голливудский стиль был таким прилипчивым. Хорошо еще, что наш Спаситель не присутствовал при этом ужасающем диалоге. К счастью, пока Лотти носилась с этим идиотским кушаком, мой муж не оставлял попыток продолжить репетицию интервью.

— Так вот, мистер Росконнор, в вашей родной системе, какой праздник является эквивалентом Рождества?

Росконнор торопливо повернулся к Лате, которая высоко подняла над головой огромную суфлерскую карточку, покрытую каракулями непристойного вида.

— О, у нас много праздников, мистер Брэди, — медленно произнес Росконнор, вчитываясь в свои загогулины. — В конце года есть День Одного Солнца, и все маленькие нулли надевают костюмы Ф'Шанг, такие очаровательные крошки!

Я не могла представить себе Росконнора очаровательным крошкой. Больше всего он напоминал дюжину зеленых змей, выползающих из огромного сгустка соплей. Сделать его фотогеничным превосходило человеческие возможности. Лотти оставила пояс ненадолго в покое и принялась напяливать Росконнору на голову большой красный колпак. А поскольку головы у него не было, а только весьма подвижная верхняя часть туловища, то у Лотти возникли проблемы с этим колпаком. Мне было ясно, что ничего путного из этого не выйдет.

— Мы обмениваемся дарами по случаю Второго Солнца, — продолжал Росконнор, — и раздаем глумпф!

Колпак внезапно соскользнул и почти полностью провалился в одно из многочисленных отвратительных ротовых отверстий нашего гостя.

— Глумпф? — озадаченно повторил Мэтью. Глаза его просветлели, когда Лотти выудила колпак и принялась очищать его.

— Мистер Сирианин, — сказала Лотти строго, — подберите свою протоплазму.

Мэтью поймал мой взгляд. Его руки нервно подрагивали.

— Мэтт, еще немного над этим поработать, — сказала я жизнерадостно, — и у нас будет грандиозное шоу.

С этими словами я ретировалась.

Лата подтолкнула меня в бок.

— Сара! Это и рядом не лежало! Ты собираешься что-нибудь сделать?

Я кивнула.

— Да. Заплакать.

В конце концов, подумала я, хуже уже быть не может.

Тут запищал мой телефонный браслет.

— Иисус здесь, — прозвучал голос Вана. — Сара, он хочет видеть

Мэтью!

Ну вот и стало хуже.

Как будто Господь услышал мои мысли и решил испытать меня. Ну как мне теперь помешать Спасителю встретиться с Росконнором?

Я зашептала в телефон.

— Задержите его. Я уже иду.

Только отключившись от линии, я сообразила, что я ляпнула. Наш Спаситель пришел искупить грехи человечества. И что же говорит Сара? Задержите его...

Я постаралась приободрить Мэтью и Росконнора и посоветовала им продолжать репетировать. У них прекрасно получается, беззастенчиво соврала я. Лата хмуро следила за мной.

— Сара! Сделай что-нибудь!

Я пожала плечами.

— Свяжись со мной, когда тебе удастся обуть его. — И я выбежала в коридор.

Тем временем, как я обнаружила, Фред поставил в студии кресло. Он решил, что зрителям понравится, если Росконнор будет сидеть в кресле, хотя кресло и не особенно подходило к формам его тела. Само по себе кресло было вполне хорошее. Проблема была только в том, что оно принадлежало Командору Хайнэму, который и не подозревал, что он нам его одолжил. Я тоже не знала об этом до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Просто, придя в студию, я увидала, что посреди моих декораций стоит кресло, а сидит в нем сам Иисус Христос.

Он был спокоен, по-прежнему во всем белом. Лицо Его было исполнено бесконечной мудрости и сострадания. Несмотря на всю свою панику и беготню, в тот же самый миг, когда я увидела Его, я ощутила мир в душе, снизошедший на меня. Неразбериха последнего часа была забыта. Остался один только Иисус.

Я опустилась на колени.

— Господи!

Он позволил мне оставаться в такой позе в течение бесконечно долгого мгновения. Казалось, что сама Луна была тем тронem, с которого Он взирает на меня.

— Встань, дитя.

Дитя? Обычно я не позволяю мужчинам разговаривать со мной свысока, но ведь Иисус действительно на две тысячи лет старше меня, и, наверное, мы все как дети для Него. И я сделала, как Он сказал. Я поднялась.

Стоя рядом с Иисусом, я ощущала внутреннее спокойствие и безмятежность. Ни тревог, ни проблем. Только уверенность в том, что Христос здесь, рядом, и Его любовь окружает меня.

Но до меня быстро дошло, что моя команда не ощущала никакого внутреннего спокойствия. И хотя на вид Криш был абсолютно беззаботен, на языке его тела это означало «Я напуган и хочу домой!». Фред руками очерчивал рамки вокруг Иисуса, выбирая ракурсы будущей съемки. Внешне спокойный Ван шевелил губами. Я умею читать по губам. Он снова и снова повторял:

— Сара! На помощь!

И тут я вспомнила о старом добром чешуйчатом Росконноре, который именно сейчас должен прийти сюда, изображая Рождественского Деда,

как раз в тот момент, когда наш восставший из мертвых Спаситель Иисус Христос вернулся к нам, чтобы искупить грехи человечества.

Я почувствовала, как моя безмятежность улетучивается.

Особенно, когда я поняла, на чем сидит Иисус. Кресло. Единственное кресло на Луне.

Я потихоньку начала приходить в свое обычное паническое состояние, когда Иисус стал говорить о том, что он планирует сделать далее. Он знал, что находится в студии головидения. И...

Он хотел сделать передачу. Для Земли. Сегодня ночью.

— Я здесь, — промолвил Иисус, — чтобы вновь нести свое слово людям.

Я сглотнула.

— Ну почему именно я, Господи — я имею в виду, почему именно отсюда, с Луны?

Со спокойствием и бесконечной мудростью в глазах он отвечал:

— Нынешняя эра — эра науки. Человечеству требуются научные доказательства моего пришествия. Здесь, на Луне, ваши ученые, могут обеспечить такие доказательства. Они зарегистрировали мое явление...

Так это все из-за Мэтью! Мой муж предпринял свой последний рывок в эксперименте по искривлению, все приборы были включены, разумеется. Смерть Иисуса была одной из наиболее документально подтвержденных смертей в истории; а его нынешнее воскресение документировано еще достовернее благодаря данным, снятым с экранов мониторов в лаборатории. Я вспомнила, что Мэтт уже говорил мне об этом, крысеныш. Я испытывала огромное искушение сообщить всем, что я думаю о своем отсутствующем муже, но при Спасителе человечества это было бы неудобно.

— Мой новый друг Мэтью Брэди, — продолжал Иисус (как хорошо, что я не поддаюсь искушению!), — обещал прийти сюда. Его помощь важна для моей передачи. Где он?

Я огляделась по сторонам, но Мэтью не материализовался. Ван продолжал артикулировать:

— Сара! Сделай что-нибудь!

Он был так же не в себе, как и Дата, и пользы от него было примерно столько же. Ясное дело, объясняться было работой режиссера. Поэтому я открыла рот в надежде, что оттуда раздастся что-нибудь вразумительное.

— О, Мэтью сегодня немного занят, — произнесла я, изо всех сил стараясь выглядеть невинно. — Он будет, как только освободится.

Я внутренне сжалась и стала ожидать продолжения пытки.

— Пусть он придет поскорее, — сказал Иисус мягко. — Я подожду здесь, пока вы закончите ваши технические приготовления.

Я с трудом верила своим ушам. Он что, издевается надо мной?

Я поняла, что Бог, может, и всемогущ, но Его Сын, по крайней мере в человеческом облике — нет. Иисус исключительно мудр, но, что касается происходящего здесь и сейчас, Он знает только то, что Бог счел нужным сообщить Ему. Когда на дне кратера Иисус причастился общению с Отцом Небесным, очевидно, последний не побеспокоился упомянуть о том, что через два купола отсюда сирианина с зелеными щупальцами одевают в костюм языческого божества, аксессуаров которого перешли к христианскому святому, чтобы поддержать современный капитализм на начальной стадии его появления. Или может, Бог счел подобное объяснение слишком сложным. Так или иначе, у меня появился шанс

помешать Иисусу и Росконнору встретиться.

— Ну конечно, мы начнем готовить ваше выступление прямо сейчас, — сказала я радостно. — Это будет важнейшим событием в истории человечества за последние две тысячи лет.

Несомненно, будет, — подумала я. Иисус должен обратиться к миру, это без вопросов. Загвоздка в том, что начало шоу с участием Росконнора придется из-за этого отложить, а нам бы все же весьма хотелось сохранить добрые отношения с Сирианской Империей, особенно памятуя частые и красочные описания Росконнором таких сирианских доблестей, как испарение комет и стирание планет в порошок. Будет немножко бесполезно обращать целую планету в христианство, если немедленно после этого разгневанные сириане в отместку за оскорбление, нанесенное Росконнору, распылят эту планету на атомы. Пришлось вопрос о приоритетах пока оставить открытым.

— Ван, принеси пользу коллективу! — воззвала я. — Проводи Иисуса в пустую репетиционную.

— Пустых нет, — сказал Ван.

Из каких полезных людей состоит мой коллектив. Ну ладно, я с ними потом разберусь.

— А твоя комната?

— Там полно коробок.

Я припомнила, как мы измучились, чтобы освободить склад. Я пожалала плечами.

— Ну, тогда моя.

— Там тоже полно. Везде полно.

Я медленно досчитала про себя до десяти. Затем я повернулась к Иисусу, надеясь, что он продолжает с пониманием относиться к человеческим слабостям.

— Извините, Господи, мы на минутку. После последних сокращений бюджета у нас тут стало тесновато. Нам придется немножко посоветоваться...

Бум! Бум!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Командор Хайнэм. У меня появилось ужасное ощущение, что его приход вряд ли облегчит положение.

— Командор, как мило, что вы пришли...

— Миссис Брэди! Я только что узнал про Иисуса!

Он не очень хорошо воспринял эту новость, судя по его побагровевшему лицу. Но прежде чем я успела продолжить, он увидел сидящего Иисуса. Его глаза широко открылись. Надо отдать Командору должное: он резко изменил свое поведение, и отвесил Иисусу безупречный поклон.

— Добро пожаловать на Лунную базу, сэр. Ваш визит для нас большая честь. Ваше сегодняшнее выступление, сэр, будет величайшим событием в истории...

Я обалдело потрясла головой. Его следующая фраза все объяснила.

— Скоро мы выйдем на межпланетную линию, и для нас будет вдвойне почетно, если вы воспользуетесь ею, чтобы обратиться ко всему миру...

Командор осекся. Он увидел, на чем сидит Иисус. К счастью, годы, проведенные на государственной службе, научили меня, как держаться в подобных ситуациях.

— Ваше кресло, сэр, — сказала я и добавила громко, — я знала, что вы захотите, чтобы Иисусу предоставили все самое лучшее!

Из относительно тихого коридора я позвонила Мэтью.

— Дорогой, как продвигаются дела у вас с Росконнором?

— Мы почти закончили, милая.

Голос его звучал напряженно. У меня не было видеосвязи с ним, но мне были хорошо слышны странные булькающие звуки. Что — то вроде «Хо! Хо!» (бульканье). «В человецех благоволение! Хо! Хо!» (бульканье). Да, они были почти готовы. Пора было скрещивать пальцы на удачу.

— Мэтью, знаешь, известное тебе лицо уже здесь и тоже хочет выступить. Уж ты-то знаешь! Ну вот, идея такая. Получится у тебя провести интервью с Росконнором прямо оттуда, а не из студии? Декорации мы смикшируем, не беспокойся.

— А что мы теряем, если из этого ничего не выйдет?

Всего одну планету. Нашу планету.

— Ублажай Росконнора, Мэтью. Я сейчас пришлю к вам Фреда с аппаратурой.

— Хо! Хо! (Бульканье) Хо!

Я вернулась в нашу маленькую студию. Каким простым все казалось каких-то несколько часов назад, когда Ван приклеивал звездочки к стене, а я программировала имиджер. Теперь здесь был Командор Хайнэм, погруженный в беседу с Иисусом. Их планы выступления звучали многообещающе. Я надеялась провести эфир, не задев ни Иисуса, ни сирианского гостя. Если Иисус расстроится, то человечество лишится спасения. Если же расстроится Росконнор, то нас навестят его приятели, специализирующиеся на разрушении планет. Все, что я смогла сделать, это организовать два передающих центра и попытаться придумать что-нибудь с временными рамками передач.

И Росконнор и Иисус хотели начать в полночь.

Я пообещала это обоим.

Фред ушел, объявив во всеуслышание, что отправляется проверить передающие линии. Скорее изменить, чем проверить, на самом деле. Он переключит некоторые цепи для трансляции шоу Росконнора, что отсоединит на некоторое время систему сейсмического контроля Луны, но за спасение планеты Земля это цена небольшая. Если только нам удастся спасти нашу планету. Иисус между тем репетировал речь. Больше чем речь: скорее, обет веры и призыв присоединиться к нему. Призыв уверовать в Бога был таким вдохновляющим, что я опустилась на колени, полная решимости следовать Его заветам. Я поняла, что молюсь.

— Дорогой Иисус, — шептала я. — Я так верю тебе. Помоги мне справиться сегодня, Господи. Я знаю, что ты поможешь.

И Он услышал меня и ответил мне.

В тишине моей маленькой студии я открыла глаза. Все будет в порядке. Так обещал Иисус. Я положила голову на него.

Внезапно дверь распахнулась. Бум. Передо мной замелькали красные и зеленые пятна, водоворот извивающихся щупалец в красных одеждах.

— Сара, детка! — заорал Росконнор. — Я готов, можно начинать шоу!

Да. Это был наш сирианин. Его щупальца сжимали большой мешок Санта-Клауса (как языческий рог изобилия). Он нес хлопушки и игрушки (реклама). Его верхнюю протоплазму украшали пластиковые веточки омелы (наследие друидов). Это было именно то, чего Иисус никак не должен был увидеть. Почему Мэтью не задержал его? И где сам Мэтью?

Иисус и сирианин глядели друг на друга.

Мне оставалось только представить их друг другу и ожидать конца света.

— Господи, — я нервно сглотнула, — это Росконнор. Росконнор, это Иисус Христос.

Кончик щупальца обвился вокруг меня.

— Мы уже встречались, — сказал Росконнор.

Иисус же только тихо улыбнулся и кивнул.

Пока я стояла и гладела на них, появился мой муж. Он выглядел абсолютно спокойным.

— Извини, что не смог предупредить тебя раньше, Сара. Все выяснилось в последнюю минуту.

Я ничего не могла понять. Что выяснилось? Я огляделась, чтобы убедиться в том, что я нахожусь именно там, где и думаю. Да, это все еще моя студия. Ван, Криш, Командор Хайнэм — все здесь. И Мэтью тоже здесь. Из-за его спины выглядывают Фред, Лотти и Лата. Головизионное оборудование в порядке. Звезды все еще сияют в черном небе Вифлеема. Иисус в своих белых одеждах восседает на кресле Командора Хайнэма, дружелюбно глядя на сирианина в костюме Санта-Клауса, и никого это не удивляет.

Иисус обратился к Росконнору:

— Начинай, а затем буду говорить я.

Росконнор заколыхался, что означало согласие.

— Да, Сын Божий. Я постараюсь хорошо представить Тебя.

Его сирианские интонации странным образом стали более мужественными, утратили свой голливудский акцент.

Я наконец обрела дар речи.

— Ты... Ты знаешь!

— Я знаю о Боге, — сказал Росконнор. — Есть только один Творец Вселенной, Сара. Он является вам в человеческом облике, потому, что вы люди, а к нам он приходит в облике, подобном нашему. Все мы несовершенны, и всем нам нужно его руководство.

Я не привыкла к тому, что Росконнор способен говорить серьезно.

— А теперь мне пора обратиться к людям, — сказал Иисус. — Росконнор поможет мне.

— О... — только и вымолвила я. Если бы несколько часов назад я узнала, что мне предстоит, то, думаю, просто сошла бы с ума. Теперь же начала догадываться, что все это было устроено с единственной целью... устроено высшей властью...

— Я помогу, — сказала я. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Ты уже помогаешь, — ответил Иисус. — Жизнь неравнодушного христианина, которую ты ведешь, и есть величайшая помощь, какую может оказать мне человек. А теперь начнем передачу. Человечество впервые встретилось с расой разумных негуманоидов, и требуется моя помощь. Начинай же!

Теперь я окончательно поняла, что вся сегодняшняя суeta служила целям нашего Спасителя. Моя паника, эксперимент, по искривлению, возможно само существование Лунной базы и прибытие Росконнора в Солнечную систему — все это было нужно для того, чтобы Иисус принес свое обновленное слово людям. Да, я с самого начала должна была уповать на Господа.

И я начала передачу.

Этой ночью все смотрели только нашу передачу. Это было как прекрасный сон. Аппаратура работала бесперебойно. Росконнор в костюме Санта-Клауса выглядел милым и привлекательным. Мэтью блестяще провел интервью. Затем заговорил Иисус. Он был прост и спокоен, Господь Наш Вседержитель. Он простил нам наше прошлое и показал путь в будущее. Его слова дошли до всей Земли, и донесли до всех весть о том, что мы не одиноки, что другие расы также веруют в Господа.

Передача окончилась. Спасибо съемочной группе, спасибо зрителям. На экране медленно гаснет изображение Мэтью и Росконнора — Землянина и Сирианина, — которые вместе слушают своего Создателя. Иисус, рожденный в Вифлееме, с нами этой ночью и всегда, где бы и кем бы мы ни были.

Счастливого Рождества всем!

К. Д. Вентвортс Чужая святыня¹⁷

Красное солнце поднималось над головой в сияющем серебряном небе, — чужое солнце, но вряд ли более странное, чем в дюжине других миров, в которых Тирни побывал в качестве археолога Корпуса Первого Контакта. Когда-то он гордился этой работой, верил в ее важность. Многие в бюро тогда считали старомодным и даже опасным участие священника в такого рода экспедициях, но отец Тирни гордился широтой своих взглядов, способностью принимать ценности иных культур, а также тем, что он, будучи выше традиционных догм, отнюдь не стремился всех подряд обращать в христианство. «Истина многолика, — говаривал он, — все формы ее прекрасны и ценны в глазах Господа».

Но все это было до бойни у Лирелльского Колодца.

Далси Редберд шла рядом, Тирни слышал скрип гравия у нее под ногами.

— Первым был пилот шаттла, — вдруг заговорила она, и ее голос звенел в свежем утреннем воздухе. — Он тайком пробрался туда, несмотря на запрет, — ведь мы объявили это место религиозным объектом, закрытым для посещения. Его нашли только на следующий день. Он бродил совсем голый, бормоча какую-то чушь о «Боге Света».

Они остановились у последнего поворота тропинки, откуда видны были люди, по-хозяйски расположившиеся на площади у сирского храма. Глядя на их грязные, изможденные лица, Тирни думал, что они, должно быть, никогда не моются, и не мог представить, где можно найти достаточное количество пищи, чтобы прокормить такую ораву.

— Даже после лечения, — продолжала Далси, — он все еще рассказывал о пережитом как о реальном событии. Мы не верили ему, конечно, а миряне не поднимали вопроса о вторжении в их храм, так что через несколько Дней после отлета шаттла мы забыли о происшедшем. Это был лишь маленький инцидент, ничего больше, до тех пор, пока через год этот пилот не вернулся сюда с двадцатью пилигримами, которые тоже хотели *видеть* ...

Отец Тирни повесил на шею рекордер, чтобы сделать запись, если

вдруг и у него возникнут видения, во что, впрочем, он не верил. Кругом не было ничего человеческого или напоминающего обитателей других, уже исследованных миров, не было ничего спланированного, ничего, служащего определенной цели, — только хаос, разрушение, энтропия. Теперь Тирни знал это.

— Я буду ждать здесь. — Далси слегка прикусила губу. — Только... не оставайтесь там слишком долго.

Оглянувшись, Тирни увидел, что ее высокие скулы резко обозначились под нежной кожей.

— Вы, возможно, думаете, что я ненормальная. — Далси слегка покраснела. — Но вы еще не *видели* ...

— Я вернусь примерно через час. — Отец Тирни включил рекордер, — самое большое, через два, и тогда мы проанализируем данные.

Волна холодного, влажного ветра ударила в лицо, когда он переступил каменный барьер и начал спускаться вниз. Никто не обратил внимания на человека, приближающегося к храму. Тирни видел вокруг поглощенные собственными видениями сосредоточенные лица. Он остановился возле женщины в выцветших голубых лохмотьях, которая сжимала ручку совсем маленького полураздетого ребенка и указывала куда-то в воздух над Их головами. Малыш лепетал что-то в пустоту и с мольбой протягивал кому-то свои ручонки.

Морщась от запаха мочи и немытых тел, Тирни сделал серию замеров и приблизился к седому мужчине, по виду его возраста или чуть моложе. Тот сидел на огромном, луковицеобразном выступе резьбы, уставившись в пустоту, и слезы катились по его лицу, размывая слои грязи на щеках.

— Что это? — тихо спросил отец Тирни.

— Небеса... небеса над тобой будут тверды, как... как бронза, как земля внизу, — его одинокий голос задрожал, — будут, как железо.

Тирни положил руку на костлявое плечо мужчины.

— Почему бы вам не вернуться на станцию и не поесть чего-нибудь?

Так же медленно, как цветок клонит голову вслед уходящему солнцу, человек обернулся к священнику.

— Они забудут обо мне и разорвут контракт, а я рассержусь и покину их. — Изможденное тело задрожало под руками отца Тирни. — Благослови меня... Отец... ибо... я... — глаза человека закатились, и он рухнул на землю.

Уронив рекордер, отец Тирни опустил на колени, чтобы нащупать пульс несчастного, но секундой позже человек вздрогнул и оттолкнул его.

Тирни поднялся и вдруг услышал громкий, властный голос, доносившийся из храма.

«Итак, отдавайте всякому должное...»

Послание к римлянам — священник узнал слова, хотя не мог точно припомнить главу и стих. Говорящий, по крайней мере, читал Библию, а возможно, и был христианином.

Словно по призыву толпа рванулась в храм, люди толкались и дрались, чтобы пробраться к двери.

«... кому подать, подать...», — продолжал невидимый человек, — «... кому оброк, оброк».

Тирни пошел внутрь вместе со всеми, придерживаясь рукой за шершавый, темный и странно влажный камень стены. Он включил свой карманный фонарик и посветил вперед. Массивные каменные блоки образовывали широкий коридор. Дальше Тирни увидел несколько темных

прямоугольных углублений в стене, похожих на двери.

«... кому страх, страх...» — звучали слова, отдаваясь многократным эхом под сводами храма. Шаря рукой по холодной стене, отец Тирни медленно пробирался вперед, пытаясь узнать откуда доносился этот низкий властный голос. Войдя в первую дверь, он оказался в огромном зале с высоким сводчатым потолком.

«... кому честь, честь», — закончил мужчина со сверкающими карими глазами, суровой, прямой линией подбородка, густыми бровями, сдвинутыми над орлиным носом. Звуки голоса, привыкшего повелевать, гулко раскатились по залу. Отец Тирни посветил вокруг себя и увидел большой резервуар с водой прямо в полу. Кроме них двоих в зале никого не было.

— Что вы делаете тут в темноте? — спросил Тирни.

— Жду тебя. — Мужчина скрестил руки на широкой груди, и отец Тирни понял, что все у этого человека было массивным: его руки, нос, зубы, белая борода, струящаяся по груди и, особенно, странно вибрирующий голос.

— Вы не должны быть здесь. — Нащупав рекордер, Тирни включил запись. — Этот храм — собственность сириян и закрыт для людей.

— Тогда что же ты здесь делаешь? — Человек подошел ближе, рассматривая Тирни. — По-моему, ты похож на человека.

— Я послан Ватиканом VII разобраться, что за чудеса совершаются на этой планете.

Тирни посмотрел на дисплей рекордера. Мурашки пробежали по спине — судя по показаниям прибора, этого человека не существовало.

— Я стал царем во владениях моего отца и воздвиг этот храм! — загремел его голос, заставляя вибрировать стены и потолок, и самый воздух, пока Тирни не почувствовал, как и его кости завибрировали в ответ.

Тени задрожали, и священник увидел томных, темноволосых женщин в красном, плавнодвигающихся вдоль стен, танцующих под неслышимую музыку. Их прозрачные одежды обвивали сладострастные изгибы красивых тел. Коротко стриженные мужчины выступили на свет, поднимая в знак приветствия золотые кубки. Дрожа от волнения, Тирни прочистил горло:

— Возвращайтесь на базу Экспедиции, и мы посмотрим, как вывезти вас отсюда.

Приглушенный смех зажурчал в комнате, разрастаясь и становясь все громче, пока Тирни не заткнул уши руками, отступая к дверям.

— Прекратите! — он задышался, глядя на их смеющиеся лица. — Это серьезно!

— Ну конечно, — седобородый человек кивнул, и люди-тени закивали вслед за ним. Он вытянул руку, и сине-золотое пламя вспыхнуло и затанцевало по воде в резервуаре. — На Лирелле тоже было серьезно...

Лирелл... Это слово вспыхнуло в воздухе над головой отца Тирни, снова ввергая его в безумие... Тысячи растерзанных тел уже лежат перед Священным Колодцем, но лиряне приходят еще и еще, вооруженные лишь граблями да лопатами; слышен топот их ног, а люди, укрывшиеся за Колодцем, сжигают их бластерами!

— Ты был рядом, видел все и не сделал ничего.

Дрожа всем телом, Тирни оглядел каменную палату, страшного человека, горящую воду.

— Я... я ничего не мог сделать, людей нельзя было остановить, их можно было лишь...

— ...лишь убить. — Бородач вскинул голову. — А ты не сделал этого, потому что ты — священник. — Он откинулся назад и засмеялся.

Тирни стоял, стиснув кулаки, и чувствовал, как горячие слезы струятся у него по щекам. Это была его вина как землянина. К тому же он знал, что собирались сделать захватчики. Если бы он преградил им путь в то утро, отдав свою жизнь в защиту лирян, его смерть, по крайней мере, принесла бы ему покой. С того дня, как Тирни увидел пепелище у Колодца, он знал лишь боль.

Пламя на воде вспыхнуло ярче, заполняя собой зал.

— А теперь? — Бородач улыбался, и его озаренное пламенем лицо было ужасно. — Что же теперь? Снова устроим пожар, или что-нибудь похлеще?

Лицо человека становилось все ярче, и Тирни увидел, что волосы его — из огня, и его борода, и брови, и... глаза — живой, дышащий огонь!

Тирни резко отскочил назад. Фонарик выпал из его рук. Он пытался найти выход. Он не хотел больше *видеть*. Не мог...

Грохочущий, вселяющий ужас голос преследовал его.

— Смотри, Господь Бог твой положил землю перед тобой — иди и владей ею!

Пальцы отца Тирни вдруг нащупали пустоту дверного проема, он споткнулся от неожиданности, взмахнул руками, чтоб удержаться, и побежал, побежал сквозь тьму... С разбега он налетел на стену и упал на колени. Скользя ладонями по липкой поверхности и обдирая кожу о неровный камень, Тирни двигался наощупь в ледящей темноте, неспособный думать или дышать. Вырвавшись на широкое пространство храмовой площади, он сбил с ног худенькую девочку, но даже не заметил этого. Воздуха не хватало, хрипя, Тирни упал на каменные ступени.

— Отец! — позвал его кто-то. — Отец Тирни!

Закрыв голову руками, он весь сжался в плотный комок боли. Ему никогда не дадут забыть. Его вина... надо было сделать что-нибудь... все эти тела, рассыпающиеся в прах, как поленья на каминной решетке... прах — это все, что ему осталось, и что будет с ним всегда...

Чья-то рука крепко сжала его плечо, ногти вонзились в кожу.

— Отец, вам нужно уйти отсюда!

Тирни поднял голову и сквозь слезы увидел испуганное лицо Далси Редберд.

— Да, конечно, я был не прав. — Дрожащими руками отец Тирни поднес ко рту стакан бренди. Его не покидало такое чувство, словно кто-то просверлил дырки в его теле и выкачал через них остаток сил. — Это не просто истерия. Безусловно, там, внизу, есть какое-то вещество, влияющее на психику людей, какой-то физический феномен, аномалия в горной породе, или, быть может, что-то с воздухом — какой-то выход газа, что-то в этом роде.

Далси наблюдала за ним, сидя напротив за металлическим столом, ее плотно сжатые губы были бледны.

— Почему бы вам не пойти немного вздремнуть? — Тирни перегнулся через стол и взял в свои руки ее холодную и неподвижную ладонь. — Кто-нибудь другой поможет мне подготовить оборудование на завтра.

Далси отдернула руку.

— А никого больше нет.

Внезапно Тирни понял: с тех пор, как он прилетел сюда, он действительно никого, кроме Далси, на станции не видел. Он сделал большой глоток бренди, обжегший гортань.

— Где остальной персонал экспедиции?

— Вы их видели, — устало отвечала Далси. — Внизу, с пилигримами, на площади и в храме.

— Среди тех?

— Вся группа Первого Контакта. — Она рассеянно смотрела в пустоту, — кроме меня, да и я, кажется, скоро присоединюсь к ним, особенно после того, как побывала там снова сегодня.

— А что... — Тирни облизал пересохшие губы, — что вы *видели*, когда были в храме раньше?

Далси обернулась, злоба исказила ее усталое лицо.

— Я уже сказала вам, что не хочу говорить об этом!

— Ну и как же я смогу вам помочь, если даже не знаю, в чем дело?

Молчание было таким долгим, Тирни уже потерял надежду, но вдруг она тихо заговорила.

— Я видела, — голос ее дрогнул, — Священный круг. Священный круг, где все пересекается, — центр всего. Сирский храм находится в том самом центре Вселенной, где известно и понятно все, в святая святых всех миров — вот здесь, на планете Сир. — Она покачала головой. — Мы потеряли Священный круг давным-давно. Его искали на Земле, но, кажется, он существует здесь, существует и говорит на понятном людям языке. — Далси закрыла лицо руками. — Вы не поймете, что это значит. Прошли сотни лет с тех пор, как индейцы в последний раз слышали этот голос — голос истины. Тогда люди знали, как им жить и во что верить. И теперь все, что мне надо сделать — это сообщить обо всем людям в Компакт-пространстве.

— Но вы же знаете, что это иллюзия!

Некоторое время она сидела молча, уставившись в темноту, свет лампы отражался в карих глазах.

— А разве это имеет значение, когда ощущения так реальны?

— Но ведь это совсем разные вещи! — Тирни откинулся на спинку стула. — Вы что, желаете быть обманутой, как все эти несчастные глупцы, или действительно хотите выяснить, что здесь происходит?

— Я уже пыталась. — Она устало закрыла глаза. — Делала различные замеры, брала пробы грунта и воздуха, изучила массу возможностей и не нашла ничего. Я не знаю, что делать дальше.

Тирни встал.

— Завтра с утра проводите меня, пожалуйста, к сирянам.

Кромешная тьма была тревожна. Путеводную нить вырвали из рук отца Тирни, оставив его на волю судьбы и мучительных воспоминаний. На языке крутился вопрос, выговорить который не было сил.

Потом он увидел повсюду огонь... огонь, мерцающий из-под земли, сверкающий с неба, струящийся из массивных камней Сирского храма... и из его собственного тела. Он мог видеть даже, как огонь рождается у него в венах, зажигая яркую искорку в каждой клетке тела, превращая его в часть чего-то большего, возвращая чувство целостности, которое, как он думал, он навсегда оставил на печальном Лирелле.

Кто-то дотронулся до него, и образы распались. Тирни в испуге вскочил на постели, сражаясь со спеленавшим его одеялом, отталкивая

руку Редберд.

— Простите. — Далси убрала руку и отступила назад. — Я не хотела испугать вас, но нам уже пора. Сирияне скоро уйдут на свои поля. — Она протянула ему кружку дымящегося чая.

Тирни кивнул, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Прислонившись к стене, Далси разглядывала его сквозь ресницы.

— Вам что-то снилось, да?

Тирни поднес к губам кружку, где-то в глубине сознания все еще танцевало пламя.

— Мне каждую ночь снится то, что я видела в храме. — Она убрала со лба прядь темно-каштановых с проседью волос. — И днем это преследует меня — барабаны, песнопения, эта властная тяга земли — стоит лишь сомкнуть глаза.

— Я выясню, в чем тут дело. — Кружка звякнула, когда Тирни поставил ее на пол. — Я должен. Я не могу допустить повторения зла. Через десять минут я оденусь, и тогда встретимся на кухне.

Далси резко кивнула и вышла. Крохотная кухня станции сладко пахла сдобой, когда Тирни вошел туда с переводным устройством и рекордером через плечо.

Редберд протянула ему горячую булочку с черникой.

— Нам надо торопиться.

Перебрасывая булочку из одной руки в другую, он вышел за Далси по длинным коридорам на бледный, красноватый солнечный свет. В холодном утреннем воздухе чувствовался горький запах серы и каких-то незнакомых газов. Шагая по каменистой дорожке, Тирни снова думал о Лирелле. О безумном нашествии пилигримов, прослышавших о якобы чудесном исцелении нескольких человек водой из Священного Колодца лирян. Это были всего лишь слухи, и все же люди убили тысячи лирян, чтобы захватить Колодец, не считаясь с тем, что веками он принадлежал местным жителям. Теперь Тирни знал, что как только разнесется весть о месте, где у всех возникают видения, люди не остановятся ни перед чем.

У вытоптанной в желто-коричневом грунте тропинке, ведущей к скалистому гребню горы, Редберд остановилась и засунула руки в карманы.

— Поселения сириян по ту сторону гряды. Они живут в похожих на пещеры глинобитных хижинах, прилепившихся к скалам.

Тирни достал переводное устройство.

— Разве вы не идете?

— Они могут заподозрить меня в причастности к убийству, так как я была на площади в тот злополучный день. — Далси покраснела. — Вам больше повезет без меня. Спросите Пиррии.

В ее устах имя прозвучало, как пронзительный крик чайки со старой Земли.

— Вам будет нелегко, даже с переводным устройством — в их языке большую роль играют позы и движения. Я уже заказывала видеоприставку к переводчику, но ее еще не прислали. Вы поймете их только наполовину, возможно, даже меньше.

Она резко развернулась и пошла к станции, пар от ее дыхания тонкой струйкой вился в холодном утреннем воздухе.

Вдруг Тирни услышал тихую трель и посмотрел вверх. Длинношей и длинноногий сириянин появился на склоне. На нем было просторное молочно-белое одеяние, украшенное пурпурными лентами. Формы его

тела смутно напоминали птицу, у него были перепончатые, как у летучей мыши, короткие руки с четырьмя длинными, тонкими пальцами. Должно быть, эволюционные предки сирян когда-то умели летать, но сами сиряне были слишком тяжелы для этого.

Отец Тирни надел наушники переводного устройства.

— Пиррии, — сказал он в микрофон. — Я хочу говорить с Пиррии.

Переводчик издал серию трелей, которые человеческое горло в состоянии воспроизвести.

Сирянин оглядел Тирни строгими совиными глазами и начал спускаться по горной тропинке. За ним последовали еще двое, затем четверо, пока их высокие изящные фигуры не окружили священника подобно живой стене.

Самый маленький из них был на фут выше Тирни, самый высокий — по крайней мере, на два. Задыхаясь от их густого, маслянистого запаха, Тирни не мог представить, как эти примитивные создания укладывали огромные каменные блоки храма.

— Пиррии, — повторил он. — Пиррии здесь?

Далеко вытянув продолговатую голову на длинной тонкой шее, один сирянин подошел ближе и ответил пронзительным криком.

— Это Пиррии, — услышал Тирни в наушниках.

— Я хочу знать о храме. — Священник разглядывал клювоподобный рот инопланетянина. — Что вы видите там?

Сирянин расправил заостренный хохолок, остальные, вздыбив оперенье, замахали коротенькими ручками.

— Человеческое. — Золотые с карим зрачком глаза Пиррии сверкали металлическим блеском. Исполняя четкий, короткий ганец, он поджимал под себя когтистые ноги и подпрыгивал.

Несмотря на то, что было холодно, Тирни почувствовал, как пот струится у него по лбу.

— Что вы видели до того, как пришли люди?

Сирянин откинул голову назад и ответил оглушительным криком, а его сородичи начали раскачивать свои длинные шеи из стороны в сторону и шипеть. Их глаза были холодны, как у рептилий.

— Неизвестный термин, — слышалось в наушниках.

— Пожалуйста! — Тирни слегка отступил в сторону от беспокойных когтистых лап, которые могли бы распотрошить его одним движением. — Я хочу заставить людей покинуть ваш храм, поэтому мне надо во всем разобраться. Зачем вы ходите туда?

Пиррии встрепелся, затем робко подошел поближе и защебетал.

— Ветер, — сказал переводчик.

— Что... еще? — спросил Тирни.

Веки сирянина задрожали от волнения:

— Небо... Земля за морем... Вожак... — Его голос превратился в нежное бессвязное пение, подхваченное остальными. Тирни был поражен тем, как непонятный хор сирян разрастался и становился громче и громче, барабанные перепонки с трудом выдерживали звук. Сдернув с головы наушники, Тирни споткнулся, отступая назад, и плашмя упал на одного из взволнованных сирян.

Тот пронзительно закричал и оттолкнул Тирни. Священник упал головой вниз на твердую каменистую почву. Сиряне замаячили над ним, прыгая и визжа, раздирая в клочья его одежду сильными когтистыми лапами, которые не доставали до его тела лишь на ничтожную долю

дьюма.

Уткнувшись лицом в желтую грязь, Тирни закрыл голову руками. Кровь стучала у него в ушах. После того, что люди совершили в храме, сиряне имеют полное право негодовать, полное право отнять у него его жалкую жизнь прямо здесь и сейчас.

Гневные голоса вокруг смолкли. Тирни понял, что сиряне уходят. Он сидел, весь дрожа, и смотрел вслед высоким, стройным фигурам, что уходили за грядущими ленивыми десятифутовыми шагами.

«Идиот, — обругал себя Тирни. — Даже сопливый практикант не мог бы провести контакт хуже». Тирни нащупал пальцами длинную кровотокающую царапину на шее.

Он ворчал про себя, что слишком стар для этой работы. С трудом поднимаясь с земли, Тирни чувствовал все свои семьдесят два года и каждый из них в отдельности. Достаточно ошибок для одной жизни. Ему бы спокойно и уютно устроиться в какой-нибудь семинарии, где бы он мог наставлять юнцов, как им следует прожить их жизни, и перестать искать смысл своей собственной.

На полпути к станции Тирни увидел Редберд. Решительными шагами она двигалась ему навстречу.

Прежде, чем Тирни смог заговорить, она остановила его жестом.

— Не расстраивайтесь. Я знала, что из такого контакта ничего не выйдет. — Ее темно-карие глаза смотрели на него без жалости. — Годы уйдут на то, чтобы установить хорошие отношения с сирянами. — Далси судорожно вздохнула, в уголках глаз заблестели слезы. — А у нас нет времени. Компьютер станции только что подтвердил, что завтра приходит корабль снабжения.

Отец Тирни почувствовал слабость. Без сомнения на борту будут новые пилигримы, новые послушники для храма, и будут новые убийства, если он не прекратит это безумие сегодня.

— Я... я должен вернуться в храм.

— Вам нельзя этого делать! — резко оборвала Редберд. — Еще один визит, и вы не сможете уйти оттуда.

— Но ведь вы смогли?

— Смогла? — Ее рот искривился. — А может быть, просто отсрочила возвращение...

— Да нет же! — Тирни взял ее за руку и повел к станции. — Что бы ни происходило там, внизу — это иллюзия. Мы оба — вы и я — знаем это, даже если никто нам не верит.

Весь остаток утра и день Тирни возился с оборудованием, изучал пробы и записи, сделанные накануне. Просмотрев его данные, компьютерная программа проверки не выявила никаких существенных отклонений от нормы. Под фундаментом храма камень и земля с незначительными примесями минералов, строительный материал — чистый гранит, в составе воздуха были лишь кислород и водород с допустимым количеством инертных газов. Уровень радиации в пределах нормы. Самое обычное место по всем показателям, если бы не ощущение, что сам Бог живет здесь.

Под вечер Редберд появилась в дверях компьютерной, во всей ее прямой фигуре и напряженном взгляде сквозил затаенный страх.

— Что, если это реально? — Она пересекла комнату и смотрела на цифры, высвечиваемые монитором. — Что, если вся энергия почитания, отданная целым родом лишь одному этому месту, за тысячелетия

выстроилась в некое подобие связи с Неведомым?

— Далси... — Тирни откинул голову и закрыл глаза. Он чувствовал, как усталость медленно расплывалась по всему телу. — Того, что вы называете Неведомым, не существует. На то, чтобы понять это, я потратил всю жизнь. Всю жизнь на служение такой ерунде. Существует только то, что мы уже знаем и то, что скоро предстоит понять — ничего больше.

Далси не ответила, а когда через минуту он открыл глаза, ее уже не было в комнате. Что ж. Тирни размял затекшие мышцы шеи. Задача, которую предстояло решить, слишком сложна, чтобы в нее кого-то впутывать. Далси будет в большей безопасности здесь, на станции.

Он собрал необходимое оборудование и через длинные коридоры направился к выходу.

Приближались сумерки, серебряное небо приобрело тяжелый свинцовый оттенок, а на востоке было уже совсем темно и тускло. Тирни вышел на тропинку, ведущую к храму. Он тяжело, со свистом вдыхал холодный воздух.

На гребне горы черным силуэтом в закатных лучах стоял одинокий сирянин, высокий и молчаливый, с неимоверно тонкими ногами. Потом рядом появилась еще одна длинноногая фигура, и еще одна, и еще — словно вереница зеркальных отражений.

Когда Тирни проходил мимо, сиряне смотрели на него, о чем-то тихонько воркуя, затем зашагали вслед. Усиливающийся ветер доносил до Тирни едкий, маслянистый запах их тел.

— Нет! — Тирни повернулся к сирянам и замахал руками. — Возвращайтесь!

Шипя и пронзительно вскрикивая, сиряне закружились на некотором расстоянии вокруг священника в быстром и четком танце. Тирни тревожно вглядывался в их загадочные лица, прикидывая, не вернуться ли ему за переводным устройством, но решил, что от этого все равно будет мало толку. После того, что случилось, сиряне, наверняка, не осмелятся последовать за ним на храмовую площадь. Тирни отвернулся от них и начал спускаться по тропинке.

Минут через десять впереди показался белокаменный барьер, и сердце Тирни мучительно забилось, напоминая об огненном кошмаре. Последние несколько шагов до ограды он шел спотыкаясь, потом опустился на колени и стал разглядывать площадь.

Сиряне столпились за спиной, перегнув длинные шеи поверх его головы, Тирни чувствовал их холодное и легкое дыхание. С тревогой отец Тирни смотрел вниз. Похоже, с тех пор, как он в последний раз был здесь, людей на площади прибавилось: женщины, мужчины, дети вытекали из темных коридоров храма, их голоса сливались в какую-то мрачную песнь. Леденящий страх сжал сердце священника, когда перед ним возникло просветленное лицо Далси Редберд.

Он вдруг вспомнил ее слова о том, что это место — «Священный круг, где все пересекается — центр Вселенной». А что если она была права? Что если смертный Человек, заключенный во времени и пространстве, соприкасается здесь с вечным Владыкой, имя которому Бог?

Он услышал торжествующий голос Далси:

— Отец Тирни! Отец, это место — доказательство Истины!.. Когда индейцы побывают здесь и *узрят*, сомнение навсегда покинет этот мир!

Руки отца Тирни дрожали, когда он поднимался с колен. Ватикан VII

направил его исследовать чудо. Тирни понял теперь, что, приехав сюда, он не только ни во что не верил, но и не хотел верить. Но вдруг он ошибался?

Вдруг он действительно слышал глас Божий в этом языческом храме? Разве не должно тогда это место принадлежать каждому?

Беспокойное щебетание за его спиной становилось все громче. Взволнованные сиряне толкнули Тирни вперед и сбили с ног; под их длинным опереньем он почувствовал неожиданно острые кости. Затем они чуть-чуть отступили, рассерженные, но все еще нерешительные.

Тирни хотел было отползти с их дороги, но сирине вдруг хлынули через него и через невысокий каменный барьер и, как вода, прорвавшая плотину, устремились на храмовую площадь.

С трудом Тирни поднялся на камни и в ужасе увидел, что внизу вспыхнул луч бластера, яркий, словно отраженный новенькой монетой солнечный зайчик. Сраженный на бегу сирянин пронзительно закричал и повалился на широкие каменные ступени, дымясь и корчась. Все перевернулось в груди священника, когда потрескивающий лазер перечеркнул красной полосой смерти тела сирян.

— Нет! — Тирни выбросил руки вперед, словно мог остановить убийц. — Вы не смеете!

Его слова потонули в усиливающихся криках толпы. Запах горелого мяса наполнил воздух, а молодая женщина наклонилась за новым зарядным пакетом для бластера.

Тирни не мог дышать — снова Лирелл, только у сирян не было ни лопат, ни мотыг, ни даже просто камней в маленьких четырехпалых ручках.

Довольно! Тирни встал и, шатаясь, пошел вниз, с трудом удерживая равновесие. Если бы Бог был здесь, он никогда не допустил бы этого! За святыни не платят кровью невинных!

Остальные сиряне взволнованно толпились у широких камней мостовой, не атакуя, но и не отступая. У края площади сильно обожженный сирянин бился перепончатыми руками о холодный камень, не в силах бежать. Недалеко от него женщина защелкнула в бластер новый зарядный пакет.

— Во имя Господа! — на бегу кричал ей Тирни. — Это же их храм!

Женщина наставила ствол бластера на сирянина.

— Был их, падре!

Тирни бросился вперед и закрыл своим телом раненое существо. В ту же секунду воздух над площадью вспыхнул мерцающим светом и затем застыл, превратившись в широкогрудого человека со сверкающими карими глазами и большой белой бородой.

— А говорили, самопожертвование уже не в моде — очень оригинально!

Внизу трепыхалось тело сирянина, Тирни чувствовал пульсацию крови в ушах.

— Останови это! — прокричал он.

— Остановить? Когда все так хорошо начинается? — Бородач обнажил большие белые зубы в жестокой ухмылке. — Как это по-евангельски с твоей стороны. — Его глаза поблескивали в тусклом свете, как граненое стекло. — К тому же, они лишь полудикие язычники и не стоят твоих усилий.

«Это только иллюзия, — сказал себе Тирни, — плод моего

воображения, только мое представление о Боге».

— Интересная теория. — Бородач скрестил руки на груди. — Жалко, что ты не можешь быть в ней уверен.

Сириянин затуманенными болью глазами уставился на призрак и затрепыхался со слабым стоном, пытаясь подняться. Тирни поддерживал его, и тот пошатывался на длинных ногах.

Тирни не знал, видел ли сириянин бородача или какой-то другой свой призрак. Он вдруг вспомнил то, что сирияне пытались рассказать ему — *ветер... небо... Земля за морем*. Если бы только он понял, что это место значит для них, возможно тогда он смог бы заставить людей прислушаться!

Где-то далеко Тирни услышал едва различимый шум крыльев, похожий на размеренный барабанный бой. Холодный ветер свистел ему в лицо... земля ушла из-под ног, и Вселенная вдруг распахнулась во все стороны.

С ужасом Тирни обнаружил себя в бледно-серебряном небе, окруженным лишь несколькими легкими облачками. Внизу была видна оранжевато-коричневая земля, вдоль и поперек расчерченная реками, горы, равнины, огромные леса причудливых желтых деревьев.

— Вот тебе и птицы. Спустились с неба, чтобы развить себе мозги — эволюция! — теперь они способны мыслить, но думают лишь о том, как снова вернуться в небо.

Тирни бил руками по воздуху, но схватиться было не за что. Он осторожно обернулся через плечо.

Бородач подмигнул ему.

— Глупо, не правда ли? А люди точно такие же — всегда хотят то, чего у них нет и не ценят того, что имеют. Неудивительно поэтому, что я нужен тебе.

— Ты мне не нужен! — сопротивлялся Тирни.

— Да ладно. Где бы ты ни был, что бы ты ни делал — ты всегда ищешь меня.

— Теперь с этим покончено.

Вдалеке что-то вспыхнуло, что-то большое, белое, переливающееся радужным светом. Тирни прищурился, пытаясь разглядеть, что там. Шум крыльев усилился.

— Видимо, некоторые люди и должны быть дураками. — Бородач вздохнул. — Ты разочаровал меня.

«Сам я разочаровался куда больше», — подумал Тирни. Ослепительное существо впереди сделало вираж и повернуло к нему — огромное, парящее, с длинной изогнутой шеей и немигающими, горящими серебром глазами. Расправив крылья, оно планировало все ближе и ближе, пока огромное тело не загородило собою небо. В его дыхании Тирни чувствовал запах серы.

— Ну что, хватит с тебя? — спросил бородач.

Тирни казалось, что его плоть тает под горящим взглядом странного существа, и вот от него остался уже лишь пульсирующий болью комочек одиночества, который он носил в себе всегда — со времен Лирелла. А оно, величественное, продолжало приближаться — глаза, как два серебряных солнца, тело, как целый мир. Оно притягивало Тирни, ждало его — он чувствовал это всем своим существом. Серебряные глаза светились, как маяки — оно знало дорогу... домой.

В порыве радости и благодарности, Тирни повернул, чтобы следовать

за ним.

Тирни почувствовал под ногами широкие, ровные камни храмовой площади и открыл глаза. Все те же люди бродили вокруг него, как потерянные дети, поглощенные собственными видениями. Женщина смотрела на него ледяными синими глазами, и ствол ее пистолета все еще был направлен на раненого сирянина, которого поддерживал Тирни. Он крепче прижал трепещущее тело, незнакомое чувство бешеной ярости закипало в нем. Храм принадлежит сирянам! Если люди могли себе позволить прийти сюда за новым знанием, то почему вместо того, чтобы стремиться к чистоте Видения сирян, они замутняют ее своими собственными страстями?

К Тирни вернулось ощущение поднебесья, чувство свободы, чувство возвращения домой, которое он испытал минуту назад. Все это будет утрачено, если люди повернут по-своему.

— Остановитесь! — закричал Тирни. Море затуманенных глаз обратилось к нему.

— Они не услышат, — произнес бородач. — Разве ты не знаешь, что они ненасытны? — Он снова оскалил свои огромные белые зубы в свирепой ухмылке. — Они берут, берут и всегда будут брать до скончания века.

— Нет! — У Тирни перехватило дыхание. — Я не позволю им! Я заставлю их *увидеть*!

Откинув голову, он со всей силы призвал Великий Ветер с его обещанием возвращения домой, Вожака — с его врачующей устремленностью к цели. Тирни расправил плечи и звал и искал.

Дыхание холодного ветра растрепало его редкие волосы. Тирни услышал отдаленный шум крыльев. В нескольких шагах от него женщина с гладкими белокурыми волосами прошептала что-то удивленно и стала смотреть в угасающее небо.

Сердце бешено забилося, Тирни дернулся от боли, в глазах потемнело, и видение затуманилось.

— Ты просто старое ископаемое, — прошипел бородач ему в ухо. — Продолжай в том же духе, пока не надорвешься.

«Я недостойн», — признал Тирни, скрежеща зубами и сопротивляясь разрастающейся боли в груди.

Несколько чумазых, небритых людей выскочили из дверей храма, крича и указывая в небо. Волна изумления пробежала по оборванной, грязной толпе. Тирни слышал, как сильные крылья все приближались, каждый их взмах сотрясал воздух подобно грому, и земля под ногами гудела в ответ.

Ветер пронесся по площади, завывая у камней храма. Сломанные ветки и засохшие желтые листья взмывали вверх и исчезали в небе. Люди пятились назад, широко открыв глаза в страхе и изумлении.

— Разве вы не *видите*? — прошептал им Тирни. — Это так прекрасно так правильно.

Огромная тень Вожака парила над площадью, заслоняя собой закатное красное солнце. Черноволосая девочка закричала и побежала наверх к каменному барьеру, борясь с сильным ветром. Еще несколько человек рванулись за ней, спотыкаясь и падая, позади всех женщина волочила за руку ребенка. И вот уже вся толпа сорвалась, гонимая ужасом, охваченная единым порывом. Весь в испарине, Тирни опустился на камни, прижимая к телу болевшую левую руку.

Вожак разворачивал свои величественные крылья для следующего взмаха.

— Отец, вы должны покинуть зону вредного воздействия. — Далси Редберд стояла по другую сторону каменного барьера, окружающего храм, в сопровождении нескольких мужчин в голубой с золотом униформе Патрульного отряда. — Сирияне расторгли договор о Контакте. Они хотят, чтобы все мы покинули планету. Корабль уже готов, и мы не можем дольше ждать.

Тирни стоял в центре площади, окруженный сиринами, и смотрел на ее честное, широкоскулое лицо. Отдаленный шум крыльев жил в глубине его сознания.

— Отец, послушайте, — в голосе Далси звучали слезы. — Все это иллюзия. Здесь нет никаких чудес, никаких истинных видений. Когда прибыл Патрульный корабль, с помощью их техники мы обнаружили под фундаментом храма жилу психотропного минерала, который влияет на воображение, — в наш разум лишь переносятся образы, порожденные фантазией сириян. — Она сжала кулаки и потянулась к Тирни. — Экспедицию отменили. Все очень благодарны вам за то, что вы сделали, но теперь все уже кончено. Планету объявили официально закрытой.

Один из сириян нагнул голову и хрипло закричал на нее. Тирни, успокаивая, положил руку ему на шею.

— Я должен остаться, — сказал он. — Я должен быть здесь, чтобы научить их *видеть*.

— Здесь больше никого не осталось, отец. И вам пора возвращаться домой.

— Но я уже дома, — прошептал Тирни. Он закрыл глаза и почувствовал под руками приятную упругость воздуха. Он уносился снова в небо. Холодный ветер пел ему в лицо. Он слышал прекрасный приветственный клик Вожака.

Нет, пепелище его жизни осталось позади, он больше никогда не вернется туда.

Никогда, ибо теперь он знает дорогу к Земле за морем.

Джон Браннер и Х*рх* Лс Б*рх*с
Мертвец. Опыт посмертного соавторства¹⁸**

За Рио Галац, где пампа лежит грязным коричневым одеялом, постеленным сонным гаучо... только вместо блох по нему прыгают зайцы,

18 © John Brunner. J*rg* L**s B*rg*s. The Dead Man. F&SF, Oct/Nov 1992.
Перевел Юрий Соколов.

я впервые услышал о человеке, который некогда несомненно был мертв, но теперь разговаривал и ходил. Называли его по-разному — Энеро, Анакуэль, Ретрато или Розарио, но, выпрашивая заново посетителей в очередной унылой лавчонке, я ощущал, что собеседники мои прекрасно знают его имя; только звуки не шли с их губ.

Однажды вечером перед грозой я прибыл в угрюмый город, имени которого не хочу здесь называть. Священник приютил меня. Пожилая женщина — неразговорчивая, загорелая, с щелью между передними зубами — подала нам тортильи, обжаренное мясо и жесткие недоваренные бобы; трапезу мы запили кислым пивом. Потом, прикуривая от медной почерневшей лампы одну из трех моих последних сигар, священник проговорил:

— Вы прибыли сюда из-за Лазаря.

— Почему вы так решили? — возразил я, стараясь скрыть облегчение, — это было то самое имя.

— Потому что нас не посещают по иной причине... разве что забредают путники, утомленные пампой, да редкие бродяги-торговцы. Вы не из тех и не из других. Утром, если хотите, можете встретиться с ним. Не угодно ли услышать его историю?

— А его и в самом деле зовут Лазарем?

— Нет, конечно.

— Прошу вас, продолжайте.

* * *

Имя у него определено было — ведь крестили же его, — только более им никто не пользуется. Даже он сам не произносит его. Мать его умерла в родах, отец сгорел от какой-то лихорадки через несколько лет после этого, воспитывал его двоюродный брат. Рос он как всякий мальчишка в наших краях; ездить верхом выучился едва ли не раньше, чем ходить, а о домашней скотине знал больше, чем о роде людском.

У двоюродного брата были свои сыновья, и ему приходилось занимать подчиненное положение, в особенности по отношению к старшему из них, Луису, его ровеснику. Хотя он и был выше, сильнее и — вне сомнения — смысленнее, но таил обиды, пока ему не исполнилось семнадцать: словно бы под густым слоем пыли в сердце его горела просыпанная порохом дорожка.

Тут двоюродный брат вместе с приемным отцом решили, что он уже достаточно созрел, чтобы ездить с мужчинами из *estancia*¹⁹: пить и плясать, хвастать и драться, если придется. Так у нас принято. Здесь развлечений немного.

Через несколько месяцев он сделался невыносим. В новой для него городской обстановке он явил свое истинное лицо. Он изобретал гнуснейшие оскорбления, подобных которым никто не умел придумать; однако отпускал их столь невозмутимым, даже сонным тоном, что трудно было принять их всерьез. Приятели его скоро привыкли осмеивать всякого, кто не мог воспринять их как шутку. Луис тоже был из таких. И никого особенно не удивило, что когда он со своей компанией отправлялся в город, всегда исчезала какая-нибудь ценная штукавина... а

19 Поместье (исп.).

потом нечто удивительно похожее непременно обнаруживалось на чьем-нибудь поясе или уздечке лошади... За две войны мы успели наглядеться на кровь. И все были только рады тому, что они всего-навсего смеялись — пусть и скривив рот, — вместо того, чтобы резать друг друга нетерпеливой сталью.

Это было до Инкарнасьон.

Конечно, старая сказка. Они с Луисом ухаживали за одной девушкой. Поговаривали, что девица в равной степени оделяла их своей благосклонностью — она тоже была сиротой, и возможности отказать, по сути дела, не имела... однако каждый из двоих долгое время почему-то не подозревал, что она значила для другого.

Наконец секрет открылся — и доказав на деле, что он не только сильнее и выше, но и проворнее, он оставил Луиса лежать в грязи и уехал. После этого года три о нем не слыхали. Знали только, что к северу отсюда какой-то бандит набрал недовольных в свою шайку, и они грабили одинокие фермы, угоняли скот, нападали на экипажи и даже на поезда. С женщинами они обходились жестоко. Но у нас не было доказательств, что возглавлял их именно тот, кого мы знали.

В одной только ночной рубашке Инкарнасьон с криком влетела в церковь во время ранней мессы, чтобы объявить о его возвращении. Я поспешно закончил службу и выскочил наружу, даже не сняв облачения. На загнанной хромой лошади, странно выпрямившись в седле, он ехал по улице. Поравнявшись с церковью, бедное животное, споткнувшись, остановилось, и я увидел, что из груди всадника, как раз против сердца, торчит серебрянная рукоятка ножа.

Я узнал нож — его украли из моего дома.

Ни слова не говоря, не шевелясь, он глядел прямо вперед. Прикоснувшись к его руке, я ощутил холодную плоть, влажную, словно только что извлеченная из воды рыбина. Я поискал пульс на запястье. Его не было. И на смертном одре повторю эти слова, сердце его не билось. И его застывшие глаза глядели вперед, ничего не видя перед собой.

Начала собираться встревоженная толпа, но ни им, ни мне не удалось остановить Инкарнасьон. Вскрикнув, она извлекла нож из его груди и в мгновение ока обратила против себя. Я и не думал, что она любила его. Иногда мне казалось — она любила Луиса и ненавидела того, кто сейчас смертью своею лишил ее долгожданной возможности отомстить. Так или иначе она упала на землю, а он повалился на шею коня.

Но она пала замертво, а он, упав, ожил. Секундой позже из раны его заструилась кровь.

Среди нас нет врача, правда, я кое-что понимаю в медицине, но у нас есть *curanderas*²⁰ — старухи, вроде моей домоправительницы — они знают толк в травах. Через несколько дней он был уже на ногах. Только оставался бледным и говорил немного. Он исповедался, рассказал о своих злодеяниях — этим я не нарушу тайны, он признавался в них не мне одному — и отбыл преображенным. Стал усердно и безропотно работать, все заработанное отдавал бедным и дряхлым, ел, что дают, и спал, где придется. Из трат позволял себе лишь цветы на могилу Инкарнасьон. Исчезла гордость, а с нею похоть и гнев. Действительно, некоторые

говорят, что, умерев, он отправился в рай и ангелом вернулся в тело мужчины. Но я в этом сомневаюсь.

От сигары остался окурок. Священник смял его, поднялся.

— Утром, — проговорил он, — вы встретитесь с ним, и сами решите, какой это ангел.

* * *

Я нашел его соответствующим описанию: в ветхой одежде, босой и бледный, он нес две полных бадейки с водой и поначалу не хотел оставлять работу. Возможно, он понял, что я не похож на обычных охотников за сенсациями, встречавшихся прежде с этим чудом природы. Быть может, он увидел во мне ученого и тем объяснил мое любопытство. Кто знает? Главное, что после того, как я предложил ему последнюю сигару — и получил отказ, он отвел меня в сторону, где мы могли усесться и без всяких преамбул спросил:

— А знаете ли вы, что такое быть мертвым?

Я покачал головой.

— Не знаю, что бывает с теми, кто почил с миром, — произнес он. Голос его был тонок; однако если судить по произношению, я, против ожидания, беседовал с образованным человеком. — Могу сказать, что бывает с теми, кто умер насильственной смертью.

— Когда становится хуже некуда — все останавливается. В тот самый миг, когда ты осознаешь, что происходит. Когда боль от раны становится нестерпимой. Более того — в тот самый миг, когда ты осознаешь все ошибки, что привели тебя к смерти; нет, не то, что ты проглядел последний выпад убийцы, упустив нож из вида, — нет, каждую ошибку с тех пор как научился говорить, каждую ложь, каждый обман, каждую жестокость и насмешку, всякий поступок, заставивший другого возненавидеть тебя. Или не поверить тебе — это настолько же плохо.

— И тогда вот, на пике агонии, как я уже сказал, все и прекращается. Только мысль остается. Она продолжается. И будет продолжаться — до конца вечности. Мир наш сотворил очень жестокий Бог. Он хочет, чтобы мы страдали, и никогда не перестанет изобретать новые способы достижения своей цели. Все мы Его жертвы — и вы тоже, и священник. Я все рассказал ему, но он сделал вид, что не поверил. Если Господь жесток, сказал он, разве мог бы я превратиться из отъявленного грешника — бандита, убийцы, насильника — в добродетельную персону, которая сейчас перед вами!

Я сам задавал себе этот вопрос: в те дни я еще сохранял остатки веры.

— Это, чтобы вам тоже теперь терзаться, — помедлив объявил он и поднялся. — Я, правда, держусь другого мнения. Для меня важно вот что. После смерти я познал запредельное зло, которое покоряется одному лишь Создателю. Все ничтожные пороки и грехи рода людского только бледная тень этого зла.

И он направился к своим ведрам.

— Подождите! — вскричал я, чуть не попытавшись перехватить его за руку... но в последний момент возможность физического контакта устранила меня.

Остановившись, он поглядел на меня пустыми глазами — такими наверно были они в день его возвращения.

— Но каким образом ваша история может заставить меня страдать? — поинтересовался я.

— Очень просто! Весь остаток своей жизни вы будете гадать, прав я или нет. Только я, в конце-то концов, уже побыл мертвым.

Взяв ведро, он направился прочь.

Это случилось тридцать четыре года назад, тогда я был молод. С той поры я отдался изучению фольклора и библейской экзегезы. Тысячу раз, сотню тысяч, читал я о воскресении, и чаще всего, конечно, повествование об Иисусе и Лазаре. Но никогда не находил утешения. Все случилось так, как предсказал бывший мертвец.

Теперь, на семьдесят третьем году, я понимаю, что срок моего свидания с истиной уже недалек. Здоровье мое ухудшается, пора решаться. Он говорил, что знает, как бывает с теми, кто умер насильственной смертью. Я купил бутылочку яда. Говорят, он действует мягко — просто засыпаешь. Навсегда. Если действительно мы запечатлеваемся в вечности такими, как в последний миг, а после ничего уже не меняется, кроме мыслей, — так вот, я не желаю, чтобы у меня вообще были хоть какие-то мысли перед концом.

Я промокну эту страницу и оставлю свои записки в том месте, где их найдут. Рюмка ждет рядом с бутылкой. Я разжег очаг — сегодня холодно. Отсветы пламени играют на гранях стекла, напоминая об Аде.

Какая жестокость со стороны Творца... зачем понадобилось Ему, чтобы создания Его знали о неизбежности смерти?

Кэрри Ричерсон Племя мертвецов²¹

Я могу жить с привидениями. В Техас Хилл Кантри привидений больше, чем блох на старой рыжей собаке. Здесь во имя Всевышнего и золота конкистадоры убивали команчей, команчи не оставались в долгу. В сухих руслах рек совершали свои ритуалы каннибалы из племени тонкава, в ответ на что творили бесчинства англосаксы. На юге мученики миссии Аламо все еще преследуют дух старого Сан-Антонио де Бексара. После того, как начались столкновения между северными и южными штатами, сюда из Дикси перебрались получившие свободу негры и стали возделывать в низовьях реки хлопок — единственную известную им сельскохозяйственную культуру, пока не выбились из сил и не истощили почву.

В полночь, если повнимательнее прислушаться, можно различить, как с напевами старых спиричуэле сливаются военные кличи и крики повстанцев.

Привидения несут прошлое на своих согбенных спинах и ничего не просят у живых. С ними я могу жить в мире. Но в этой иссушенной солнцем, опаленной жаром земле не мог покоиться с миром даже прах усопших — а теперь мертвецы и совсем потеряли покой.

21 © Carrie Richerson. A Dying Breed. F&SF, November 1992.
Перевела Наталья Германова.

Мы с Анджелиной просматривали материалы по арестам за последнюю неделю, готовясь к моему выступлению перед советом уполномоченных графства. Во всем нашем графстве людей проживает меньше, чем в иных пригородах Сан-Антонио, но это совсем не значит, что у нас нет проблем с преступностью. В прошлом году увеличилось число случаев вандализма, и поползла вверх кривая задержания водителей, севших за руль в нетрезвом состоянии; серьезную озабоченность стали вызывать наркотики. Все чаще стали поступать вызовы по поводу семейных ссор. Все, казалось, были на взводе. Только в прошлом месяце местный коммерсант затеял перестрелку с любовником жены — совсем в духе старых добрых времен. Оба оказались никудышными стрелками и потому нанесли друг другу болезненные, но не смертельные раны, хотя истратили не менее пятнадцати пуль. Просто чудо, что при этом никто больше не пострадал.

Чудом было и то, что моему подразделению не пришлось заниматься этим делом, потому что никого из нас в тот момент не оказалось на месте. Просто невозможно обеспечить как следует защиту порядка во всем округе, имея в своем распоряжении подразделение из четырех человек и одну патрульную машину. Так что я бы с удовольствием захватила на заседание совета документацию по арестам и обратилась к ним с пламенной просьбой выделять на наши нужды побольше средств, если бы не знала наверняка, что от этого не будет никакого толку. Я и так могу сказать заранее, что услышу в ответ: для всех наступили трудные времена, налоги и без того непомерно велики, в бюджете нет лишних денег. Я уже три года слышу подобные отговорки.

Мы с Анджелиной скрючились в каморке, служившей мне кабинетом. Анджелине пришлось даже взобраться на письменный стол — это было для нас единственной возможностью оказаться по одну сторону стола и работать с документами одновременно. При этом она загородила собой дверной проем, так что я не сразу увидела нашего посетителя. А поняла, что что-то случилось, только услышав крик Кайла. Он кричал высоким, захлебывающимся пронзительным голосом. Так он кричит, когда чем-то взволнован или рассержен.

Эти звуки заставили меня стиснуть зубы, поскольку Кайл все еще был для меня малышом, нуждающимся в материнской заботе. Но на этот раз он просто захлебывался криком, как будто у него перехватывало дыхание. Похоже, действительно произошло что-то серьезное, но что — я даже не могла вообразить. Это не мог быть побег: у нас был только один задержанный — за езду в нетрезвом состоянии, да и тот сейчас мирно спал беспробудным сном пьяницы. Кроме того, на дверях обеих наших камер красовались первоклассные замки — единственное приобретение, на которое раскошелился Совет уполномоченных графства.

Ничего не поделаешь, придется завтра потерпеть, когда зануют все мои пятидесятилетние суставы. Я решительно перепрыгнула через стол и вылетела из кабинета.

Я не схватилась за пистолет. Опыт научил меня с осторожностью относиться к таким простым способам решения проблем. На этот раз привычка обходиться без оружия оказалась весьма кстати, ибо желание всадить пулю в то, что стояло прямо перед нашей дверью, было просто непреодолимым. Одна часть моего сознания настойчиво требовала:

«Беги!», другая командовала: «Стреляй!», но все подавлял внутренний голос, подсказывавший: «Молись!»

Разум отказывался верить в то, что полуразложившийся труп, стоявший передо мной, мне не мерещится, но к зрелищу добавлялся еще и запах. Он был просто кошмарным — этот отвратительный запах гниения, который ни с чем не спутает даже новичок в нашем деле. Кайл к этому времени перестал кричать. Судя по доносившимся звукам, теперь его рвало. Я не могла осуждать его за это, но сейчас мне необходимо было сделать что-нибудь конкретное.

— Кайл, прекрати *немедленно* ! Анджелина, иди сюда и проследи, чтобы он убрал за собой!

К этому моменту Анджелина уже сумела выбраться из моего кабинета-ловушки. Держа нашего посетителя под прицелом, она протиснулась к письменному столу в передней комнате и склонилась над Кайлом. Я услышала резкий звук пощечины и целую очередь отборной испанской брани вполголоса, от которой могла бы осыпаться штукатурка. Кайл затих. Анджи умеет держать его в руках, чего нельзя сказать обо мне, его матери.

Это должно было быть видением или отвратительным розыгрышем, и со стороны я, наверно, выглядела полной дурой, каковой я себя в этот момент и ощущала. Я попыталась вести себя осмысленно в бессмысленной ситуации и уже было открыла рот, чтобы что-то сказать, но привидение опередило меня:

— Шериф Уэбстер? — раздался шелестящий шепот, от которого у меня затряслись поджилки. Его челюсти, на которых уже не осталось плоти, слегка двигались, но, клянусь, я не знаю, откуда брался звук — ведь у него не было ни губ, ни языка, ни даже легких. Пустые глазницы безучастно смотрели на меня. Вот-вот, подумала я, Анджелина и Кайл удерут и оставят меня наедине с этим... этим субъектом. Черт возьми, и мне самой впору удрать вместе с ними.

Однако вместо того, чтобы броситься прочь, я как будто со стороны услышала, что отвечаю ему:

— Я шериф Уэбстер. — И глупо добавила: — Чем могу помочь?

Лоскутки высохшей плоти зашелестели, когда труп сделал легкое движение руками. Оно мне что-то напомнило, но не было времени додумать до конца. Я почувствовала невообразимое желание последовать примеру Кайла. До меня вновь донесся шепот:

— Арестуйте моего убийцу.

Нет, это было просто *обязано* оказаться сном. Или возможно, это какой-то фокус новейшей техники. Эдакий «оптический труп из Голливуда» — они сейчас способны добиться любого эффекта. Вероятно, я сейчас обменивалась любезностями с созданием из каучука и невидимых проводов. Но что еще оставалось мне делать, как не включиться в игру?

— Заходите в мой кабинет и расскажите мне обо всем.

Проходя мимо стола в приемной, я нагнулась, чтобы отдать распоряжения своим подчиненным:

— Анджелина, достань блокнот. Кайл, подотри за собой и возвращайся к рации. И запомните оба — если вы хоть словечком об этом обмолвитесь, я вас поставлю вот к этой стенке и собственноручно расстреляю. Вам ясно?

Они кивнули, глядя на меня округлившимися глазами.

Анджелина прошептала:

— Дорис, так эта штука *настоящая* ?

— Не знаю, Анджи. А теперь пошевеливайся! — Она перекрестилась, а Кайла, похоже, опять чуть не вывернуло наизнанку, но я так взглянула на него, что он передумал и повернулся к приемнику.

Я села за свой стол, а эта ходячая угроза желудку втиснулась в мой кабинет и робко присела на кресло. Для Анджелины уже не осталось места, и она устроилась в проходе позади этой штуки. Анджи, должно быть пришли на ум те же мысли, что и мне: я видела, как она ощупывала воздух в поисках невидимых проводов. Но там было пусто.

Если это и была подделка, то очень хорошая. Взрослый мужчина, точный возраст и национальность неизвестны (я знакома с судебной медициной, но не настолько хорошо, чтобы определить такие вещи), в состоянии сильного разложения. Внутренних органов уже нет, но скудные остатки мускулов и кожи еще обтягивают кости. На голове еще сохранились лоскутки кожи с черными волосами. Он был мертв уже по меньшей мере несколько месяцев, точнее это мог бы определить патологоанатом.

Множественные переломы костей, несколько сломанных ребер, раздробленные кости ладоней. Вероятная причина смерти: снесена вся левая часть черепа. Там зияла черная пустота. Похоронен без савана или гроба, эксгумирован совсем недавно: на остатках кожных покровов и в глазницах пыль, в плечевом суставе застряла раздавленная многоножка. Меня передернуло. На мой вкус, картина была чересчур реалистической.

— Вы не узнаете меня, шериф? — на этот раз в сухом скрежете прозвучали жалобные нотки.

Узнаю ли я?

— Извините, нет.

Как бы это ему объяснить?

— Понимаете, от вашего лица мало что осталось. Кто вы?

С каждой минутой наша беседа становилась все более неправдоподобной.

— Меня зовут... звали Джесси Кармоди, миссис Уэбстер.

Бог ты мой! Неожиданно я во все поверила — безо всяких иных доказательств, — потому что *никто* не мог обладать таким сверхдурным вкусом, чтобы сыграть такую шутку в отношении Джесси. Во всяком случае, не со мной.

Джесси ухаживал за моей дочерью все годы их учебы в старших классах. Они познакомились в девятом, когда Тамаре поручили позаниматься с ним математикой. Много вечеров провела я с ними на кухне за чашечкой кофе, слушая, как Джесси строит планы на будущее. Он собирался упорно работать, откладывать деньги, поступить в колледж и добиться чего-нибудь в жизни. Обсуждение этих планов неизменно заканчивалось взаимными клятвами в вечной верности, которые давали друг другу Джесси и Тамара, обмениваясь при этом особенными улыбками, свойственными влюбленным подросткам. А я с трудом прятала за чашкой с кофе совсем другую улыбку. До сих пор Тамара иногда рыдает по ночам, пока не заснет у меня на груди.

Он пропал уже полгода назад, и мы все еще надеялись, что он просто убежал в город. Это было не в духе Джесси, но у его отца алкоголика был тяжелый характер, и он признался, что в ту ночь, когда Джесси исчез, у них была крупная ссора. Тем не менее я никогда не подозревала, что Гектор Кармоди мог причинить какой-нибудь вред своему сыну. До сих

пор не было никакой причины подозревать неладное.

Так значит, Джесси был мертв, и то, что сидело передо мной — это было все, что осталось от его надежд и планов. Меня охватила глубокая печаль. И одновременно жалость: ведь ему должно было быть очень одиноко — мертвому, сгнившему и вновь вернувшемуся к живым. Подчиняясь импульсу, я протянула руку и дотронулась до его запястья. Мои пальцы коснулись холодных и сухих костей.

— Мне так жаль, Джесси. Кто это с тобой сделал?

Он назвал имя: Роберт Энглторп — местный фермер, тихий, приятный, малообщительный человек; такого никто не заподозрит ни в чем дурном, пока не будет слишком поздно. Этот сукин сын принимал активное участие в церковных делах. Джесси подождал, пока я вставляю ленту в наш полуразвалившийся магнитофон, а потом рассказал все подробно. После ссоры с отцом он долго бродил по округе. Энглторп проехал мимо него, потом вернулся назад и предложил подвезти. Когда Джесси рассказал ему о скандале с отцом, Энглторп предложил парнишке отсидеться у него на ранчо, пока отец не успокоится. Джесси принял помощь соседа без малейших колебаний.

Оказалось, что подробности пыток и насилия еще больше леденят кровь, если о них повествует бесстрастный мертвый шепот. Анджелина тихо плакала над блокнотом. В отличие от меня, ей не довелось служить в полиции большого города, и она никогда не сталкивалась с подобной гнусностью. Я сама уехала из Хьюстона в тихий провинциальный городок, когда почувствовала, что мои силы на исходе. Но ни одно место на земле не застраховано от скверны, и под покровом сонной тишины может таиться зло. Слушая Джесси, я ощущала себя очень старой и очень усталой.

В конце концов Энглторп забил свою жертву рукояткой топора, а затем изнасиловал его этим же предметом. От того, что Джесси помнил обо всех увечьях, даже о тех, что Энглторп нанес ему после смерти, становилось почему-то еще страшнее.

— Мне было так больно, миссис Уэбстер, что я был благодарен, когда он убил меня.

Как мог простой шепот передать такую страшную боль? Я должна была узнать все.

— Джесси, как случилось, что ты здесь?

Он, казалось, с трудом подбирал слова.

— Они сказали — это Божье соизволение. Они сказали — это ненадолго. Во имя справедливости.

От того, как он произнес слово «справедливость», у меня волосы дыбом встали.

— Кто сказал. Джесси?

Он сделал неопределенное движение. Может быть, он не мог ответить? Или не хотел? А может, на самом деле это я не хотела узнать ответ.

В моем кабинете запирался только нижний ящик письменного стола. Это было самое надежное место для такой странной и важной записи, какое я только могла придумать. Когда я открыла ящик, по его дну, звякнув, откатилась в сторону полупустая бутылка. Никогда в жизни мне не хотелось выпить так сильно, как в эту минуту. Моя рука дрожала, когда я закрывала ящик, но, думаю, Анджелина не заметила этого. А о том, что мог заметить бывший Джесси Кармоди, я и думать отказываюсь.

Решение должна была принять я одна. Для этого потребовалось немного времени. Конечно, я могла бы провести остаток дня, пытаюсь дозвониться до окружного судьи, и попробовать убедить его в том, что у меня достаточно веских оснований для получения ордера на арест. Или можно было попытаться схватить этого ублюдка Энглторпа немедленно. Последствия его преступления были слишком странными, чтобы их можно было надолго сохранить в тайне, и если до Энглторпа дойдут слухи о возвращении Джесси, он просто смоемся. Возможно, впоследствии я смогу обосновать свое решение взять его по горячим следам.

Анджелина зарядила оружие, а Кайл тем временем связался с Джорджем, объезжавшим округу на нашей единственной патрульной машине, и сказал, где тот должен нас встретить. Но он не стал объяснять, что произошло. Рассказать о случившемся по служебной рации, означало пригласить всех желающих принять участие в нашем пикнике. Я сказала Джесси, чтобы он подождал нас на месте, и добавила, что запру переднюю дверь.

— Я думаю, что пока никто не должен видеть тебя. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Он кивнул.

— А родители?

У меня что-то подступило к горлу.

— Это будет для них ужасным испытанием, но я уверена, что они захотят поговорить с тобой.

Боже мой, а что мне сказать Тамаре?

Наш задержанный — тот, что вел машину в нетрезвом виде, все еще мирно храпел. В тот самый момент, когда я выходила из двери, Джесси склонил свой проломленный череп, словно прислушиваясь к чему-то, чего не могла услышать я, и заговорил:

— Есть еще и другие. Они будут вас ждать.

Меня словно сквозняком вынесло наружу.

Втроем мы усадились в мой пикап. Кайл скрючился на полу, а мы с Анджелиной пытались делать вид, что ничего особенного не произошло. Мы медленно выехали из города. Машина «скорой помощи» была, видимо, где-то на вызове, и мы ехали одни. Джордж перехватил нас на повороте грунтовой дороги, которая вела к ферме Энглторпа. Я на минуту притормозила, чтобы Анджелина могла пересест в патрульную машину и ввести Джорджа в курс дела. Я могла только надеяться, что он поверит ей, предчувствуя, что у меня будет достаточно хлопот и с Кайлом.

Мы притормозили у ворот Энглторпа и выключили мотор. Я прислушалась. Тишину нарушали только монотонное стрекотание цикад и отдаленный крик сойки. На северо-востоке собирались в грозовую тучу белые облака. Наша сожженная земля жаждала дождя, но я, чувствуя себя предательницей, надеялась, что гроза все-таки пройдет стороной. После дождя будет труднее найти и сохранить улики. Ранчо Энглторпа казалось заброшенным, но из-за засухи так выглядели даже самые ухоженные участки. Трава была не скошена, а поздняя кормовая кукуруза не убрана. Полегшие стебли шелестели от резких порывов ветра. Их шелест был похож на шепот Джесси.

Дом стоял всего лишь в ста футах от ворот; амбар и сарай были расположены в стороне от дороги. Занавески в доме были задернуты, света внутри не видно. В глубине участка, на дорожке, стоял на кирпичах старый остов автомобиля, а за ним — выдавший виды красный пикап. В

сарая виднелся древний трактор Ворота на ранчо были заперты на внушительный замок с тяжелой цепью.

Красный пикап совпадал с описанием Джесси. Я не знала, слышал ли Энглторп, как мы подъехали, наблюдал ли он за нами из-за опущенных занавесок. Приходилось только гадать, сдастся ли он добровольно, или в ходе операции кто-нибудь пострадает. Я бы дорого дала, чтобы знать, правильно ли поступаю.

Джордж вытащил из багажника патрульной машины кусачки и перекусил ими цепь. Анджи подхватила концы и мягко опустила их на землю. Джордж толчком приоткрыл ворота так, чтобы мы четверо могли протиснуться в образовавшуюся щель; петли жалобно заскрипели. Мы с Джорджем взяли дробовики, Анджи и Кайл вытащили револьверы. Шестое чувство подсказывало мне, что дом пуст. Не хотелось терять на него время, но я не могла рисковать. Я жестами показала Джорджу и Анджелине, чтобы они обошли дом и стали у заднего выхода. И уже собиралась войти в дом, когда за спиной раздался голос:

— Его нет в доме.

Я узнала этот свистящий шепот и обернулась, зажав Кайлу рукой рот, чтобы он не закричал.

Их было трое, разного пола и возраста, на разных стадиях разложения. Пока я смотрела на них, со стороны кукурузного поля появился четвертый. Ну конечно же, кукурузное поле.

Я свирепо посмотрела на Кайла, мой взгляд должен был сказать ему, что если он вскрикнет, то одним трупом станет больше. Я послала его за Джорджем и Анджи, рассчитывая, что он сможет справиться со рвотой до возвращения. И притом тихо, не привлекая к себе внимания.

Он побелел как полотно, но сумел удержать себя в руках, по крайней мере, до тех пор, пока не скрылся из виду.

Трое моих помощников присоединились ко мне и сопровождавшему меня кортежу мертвецов в нескольких ярдах от кукурузного поля. Сухие стебли кукурузы были вырваны с корнем и валялись вокруг небольшой поляны, невидимой, если смотреть от края поля. Мы — живые и мертвые — стали по разные стороны. Возможно, усопшие относились к нам с тем же изумлением, отвращением и непониманием, которые испытывали по отношению к ним мы сами. Джордж был так же бледен, как и Кайл. Видимо, он все-таки не поверил Анджелине, но держался с мужеством спартамца. В это время у моих ног стала открываться могила.

Сначала в центре поляны появилась трещина, как будто невидимая рука продавала слежавшуюся глыбу. Кукурузные зерна, рассыпанные по краю трещины, провалились внутрь, а потом неожиданно снова появились на поверхности, в то время как земля пошла волнами от центра к краям поляны. Рядом зияли еще пять отверстых рвов. По их краям высились такие же земляные валы; похоже, они образовались точно также. Труп, поднявшийся из земли, был совсем свежим и юным. С его плеч осыпалась земля.

Сначала мне даже показалось, что он еще жив. Потом я увидела шрамы на его теле, и он обратил на меня взгляд своих вытекших глаз. Я встала на колени, чтобы ему не надо было смотреть вверх. Может быть, ему так будет удобнее.

— Привет, малыш. Как тебя зовут?

— Джеффри. Джеффри Торнтон.

Это имя появилось в списке лиц, пропавших без вести, два дня назад.

Вы — женщина-полицейский?

— Что-то вроде этого, Джеффри. Я здешний шериф, а это мои помощники. — Он не обращал никакого внимания на стоявших вокруг мертвецов. — Ты помнишь, как попал сюда?

Я был в магазине с мамой. Какой-то мужчина затолкал меня в машину и привез сюда. Он мучил меня. — Последовала долгая пауза. — Я сейчас мертв. А у вас мокрое лицо.

— Я знаю. Я сейчас буду в порядке. — Маленький мертвый мальчик, соскучившийся по маме. Я бережно обняла его. — Ты знаешь, где этот человек сейчас?

Он повернулся и показал пальцем.

— В амбаре. У него там женщина.

О, Боже!

Мы опрометью ринулись в амбар, как группа захвата. Я всадила два заряда дробы в дверь на уровне балки, а Джордж и Кайл выбили остаток двери корытом для скота. Мы влетели внутрь, опоздав всего на несколько минут.

Не знаю... Может быть, если бы я быстрее поверила или меньше разговаривала с Джесси, или не так долго успокаивала Джеффри, или... С тех пор я каждую ночь задаю себе эти запоздалые вопросы; этот грех я унесу с собой в могилу. Вместе с воспоминанием о том аде, в который превратил свой амбар Роберт Энглторп.

Изувер вскочил с последней жертвы как раз в тот момент, когда мы ворвались внутрь. Он, видимо, перерезал ей горло, заканчивая половой акт. Когда я увидела, как болтается на шее ее голова, я поняла, что ее уже не спасти. Он перерезал ей шею почти до позвоночника. Но она была еще в сознании, это были последние секунды ее жизни. И этот ее взгляд, когда она пыталась закричать, захлебываясь в крови и пене...

Анджелина бросилась к жертве, остальные окружили Энглторпа. Он что-то бормотал, отступая в тень амбара; одной рукой он пытался натянуть штаны, а другой размахивал окровавленным ножом. Мы все кричали ему, чтобы он бросил нож, но я уверена, что он даже не понимал, что ему говорят. В любой момент кто-нибудь мог застрелить его, а я совсем этого не хотела. Нет, только не это.

И тут среди всего этого хаоса появился маленький Джеффри Торнтон, и Энглторп потерял над собой всякий контроль. Он бросил нож, упал на колени и пополз к моим ногам, плача и умоляя нас защитить его. Мне хотелось пнуть его ногой в лицо. Я с отвращением отвернулась.

Только для того, чтобы увидеть, как Кайл поднял свой револьвер и взвел курок. Во внезапно замершем амбаре щелчок курка прозвучал как удар гонга.

* * *

Ночь. Улица, задыхающаяся от тумана и страха. На земле в неясном свете фонаря на углу растянулось тело. Одна рука отброшена в сторону, другая лежит в тени. Что-то темное сочится из груди и тонет в пятнах прошлых грехов на тротуаре.

Молодая женщина в полицейской форме склоняется над телом. Она держит его под прицелом, но руки у нее дрожат, ствол револьвера еще горячий, он слегка дымится во влажном воздухе.

Вопрос: сколько револьверов видите вы на этой картинке?

Ответ: любой, самый справедливый выстрел всегда попадает в двоих.

* * *

Я заморгала и вновь вернулась в удушающую вонь амбара, пропитанного запахами крови, страха, предсмертного пота и мужского семени. Через мгновение к этим запахам добавится запах пороха. Мы все желали Энглторпу смерти, но я не могла позволить Кайлу погубить себя. Анджи была готова прыгнуть на него. Я жестом велела ей оставаться на месте: мне в голову пришла жутковатая мысль.

— Кайл, а что ты будешь делать, когда *он* поднимется из могилы, чтобы обвинить в убийстве *тебя*?

На некоторое время все замерло. Потом у Кайла задрожали руки, сначала запястья, потом плечо, потом дрожь охватила все его тело. Я дотянулась до его револьвера, поставила на предохранитель и отобрала у него оружие. Слезы — стыда? ярости? — текли у него по щекам. Впервые за слишком долгое время он вызвал во мне не раздражение, а нежность. Он, конечно, заслуживал, по крайней мере, такого же сочувствия, какое вызвали у меня несколько минут назад мертвецы. Я подумала о Джеффри Торнтоне, его матери и изо всех сил прижала к себе сына.

Я послала его к воротам, подогнать поближе патрульную машину. Для этого ему предстояло пройти мимо шеренги мертвецов, но для него это было лучше, чем оставаться в амбаре. Я помогла Джорджу надеть на Энглторпа наручники и прислонить его к стогу сена. Потом я заставила себя пройти по окровавленной соломе к месту, где Анджелина стояла на коленях у последней жертвы Энглторпа.

Женщина была мертва. Никакие усилия Анджи не могли спасти ее. Я задала себе вопрос, останется ли она мертвой, и если да, то надолго ли. Мы обыскали ее разбросанную вокруг одежду, но не нашли ничего, что позволило бы установить ее личность. Мы, однако, обнаружили инструменты, которые Энглторп использовал для истязаний.

* * *

Последовали долгие часы удручающе утомительной работы. Анджелина и Джордж занялись установлением личности и допросами восставших из мертвых жертв, а я делала телефонные звонки. Из Сан-Антонио нам прислали переносную криминалистическую лабораторию и несколько сотрудников. К делу подключилось и ФБР. Каждому новому человеку приходилось подолгу доказывать, что покойники действительно ходят и говорят. Столкнувшись с действительностью, все они откалывали номера — каждый на свой лад. Один деятель из ФБР пожелал было заполучить одного из покойников и немедленно отправить его на вскрытие. Мне удалось отговорить его, но я подумала, что нам еще придется разбираться с этой проблемой. Для суда над Энглторпом будет необходимо заключение патологоанатома. При первой же возможности я отослала Кайла обратно в участок.

Наш подвыпивший шофер и так слишком долго оставался там без присмотра. К тому же я хотела знать, что делал Джесси. Кайл постепенно привыкал к новому положению вещей. Когда он связался со мной по рации, чтобы сообщить, что в участке все в порядке, его голос звучал совсем спокойно. Джесси все еще сидел у меня в кабинете, дожидаясь

неизвестно чего. Скоро мир узнает о его существовании, и обо всех остальных оживших трупах в ранчо Энглторпа. Местная пресса и газетчики из Сан-Антонио уже что-то пронюхали. Джорджу приходилось отгонять их от места преступления чуть ли не дубинкой.

Небеса не даровали своей милости жаждущей земле, грозовые облака растворились в воздухе, их темные изодранные клочья унес ветер. В тот день мы работали на стоградусной жаре²², а вокруг вились тучи потревоженных мух. Десятки ног превратили землю в белую пыль, которая плавала в воздухе, покрывала одежду и портила наши образцы, попадала в глаза и заставляла нас всех яростно чихать. Когда я наконец сдалась и вернулась в участок, оставив все на Анджи и Джорджа, мне устроил настоящий скандал один из уполномоченных, который весь день безрезультатно пытался со мной связаться.

Наступило время сообщить новости. Я убедила его обзвонить остальных уполномоченных и созвать внеочередное заседание прямо в участке. Джесси терпеливо говорил шепотом и упрямо не желал никуда исчезать. Единственным человеком, который достойно справился с ситуацией, оказалась молодая женщина — мать троих детей, победившая на последних выборах благодаря счастливой случайности. Двое из уполномоченных постарше упали в обморок, а у третьего начались боли в груди. Нам пришлось вызывать врачей, так что и они, естественно, не могли не увидеть Джесси. После этого новости должны были разнестись по всему округу с быстротой молнии. Мне пришлось позвонить родителям Джесси, чтобы они не узнали обо всем от посторонних. Заодно я позвонила и Тамаре.

Мы не могли гарантировать безопасность Энглторпа в нашей маленькой тюрьме. Пришлось перевести его в более надежно укрепленную тюрьму Сан-Антонио. К этому времени окружные уполномоченные уже пришли в себя и рьяно спорили о расходах на содержание преступника и проведение судебного процесса.

Поначалу нашему графству пришлось туго: мы попали под прицельный огонь. Кричащие заголовки бульварных изданий, снисходительные сообщения центральной прессы о массовой галлюцинации в техасской глубинке, начальственное похлопывание по плечу, вереницы «экспертов». Но в скором времени в других больших и маленьких городах стало появляться все больше и больше мертвецов. А потом это стало происходить по всему миру.

Почему именно сейчас? Почему на моем участке? Что такого особенного было в нашем маленьком графстве? Эти вопросы отступают на второй план по сравнению с еще более грандиозной тайной. Возможно, мы достигли какого-то предела в падении, и Тот, кто управляет Вселенной, решил преподать нам урок. Или, возможно, наша коллективная совесть заставила нас обернуться и увидеть наконец воочию наши собственные грехи.

Возможно, что, не обрета покоя, мертвые уже давно были с нами, цепляясь за наши рукава костлявыми пальцами, моля о внимании, участии, *справедливости*. Может быть, до сих пор мы намеренно оставались глухими и слепыми. Но теперь будет выслушан каждый, даже если он мертв.

22 По Фаренгейту — около 40 °C. (Примеч. ред.)

Особенно если он мертв. В один обжигающе-жаркий августовский день мы с Кайлом, Анджелой и Джорджем прислушались и вняли, и мир перешел на другую орбиту.

Конца этому не видно. Повсюду медленно, упорно, жутко пробираются к местным полицейским участкам мертвецы.

Они идут потребовать справедливости. Гробы сами поднимаются на поверхность земли, вскрываются склепы и места тайных захоронений. Те, кто были кремированы, встают из праха, превращаясь в крутящиеся облачка серого пепла и почерневших костей. Останки оказываются необыкновенно прочными. Один религиозный фанатик из Атланты, уверовавший в то, что воскресшие мертвецы — это слуги Сатаны, прорвался через полицейский кордон и разрубил один из трупов на куски топором. Куски тут же срослись вновь, а полиция надела на нападавшего наручники (ему было предъявлено обвинение в оскорблении трупа).

Поначалу возвращались только жертвы преднамеренных преступлений, чьи убийцы были еще живы и так и не предстали перед судом. Жертвы любви и ненависти, злобы, похоти, жадности. Жертвы вражды мафиозных кланов, суда Линча, разборок гомосексуалистов, домашних потасовок. Жертвы извращенных интриг и извращенных желаний. Жертвы терроризма. Жертвы, которые при жизни никак не могли знать своих убийц, возвращаются с их именами, адресами — бывшими и нынешними, описанием внешности. Источник их информации так и не удалось установить.

Рассказав свои истории, они ждут — бесстрастно и неумолимо, ждут там, куда их впопыхах поместили местные власти, пока не приходит в действие судебная машина. Они не уйдут, пока не добьются справедливости. Они не возьмут назад свои обвинения и не пойдут на мировую. Учитывая, как медлительна наша судебная система, многие из них будут с нами целые годы.

Я слышала, что многие далекие страны — Кампучия, Армения, Аргентина — повергнуты в хаос. У нас в США удалось наконец установить личность знаменитого Зодиакального убийцы, и каким же неожиданным оказалось это открытие! Количество его жертв оказалось большим, чем предполагали власти. А здесь, в Техасе, удалось уточнить количество жертв Генри Ли Лукаса; их оказалось гораздо меньше, чем он похвалялся, но куда больше, чем он признался официально. Оказалось, что его так и не судили за большую часть совершенных им убийств. Узнав, что его жертвы направляются к нему, Лукас нашел способ совершить самоубийство в своей надежно защищенной камере. После этого властям пришлось установить постоянное наблюдение за многими узниками. Но, конечно, на всех стражи не хватит.

* * *

Мы по-прежнему знаем о природе смерти и о посмертном существовании не больше, чем до их прихода. Ученые не могут объяснить это явление, несмотря на изобретательные эксперименты и бесстрастную помощь пришельцев. Время, проведенное с нами, не изменяет их внешность, процесс разрушения приостанавливается. Они не едят, не пьют, не выделяют экскрементов. Они не спят и не болтают. Они никогда не смеются. Может быть, они любят. Завидуют ли они живым? Не знаю.

* * *

Начались массовые волнения, паника, демонстрации. И тысячи самоубийств. Некоторые из самоубийц — это те тайные убийцы, чьи скрытые преступления теперь в прямом смысле предстали нашему взору из-под земли; но большинство — это обычные люди, которые не могут выдержать мысли о том, что пришлось перенести их близким. Матери и отцы убитых детей, супруги, любовники. Похоронная индустрия просто процветает.

Мы пытаемся жить с мертвыми, и это убивает нас. Как вам это нравится с точки зрения *справедливости* ? Мать Джесси Кармоди стала одной из тех, кто не смог вынести удара. Она попыталась отравиться ядом, который ее муж купил для борьбы с койотами, а теперь до сих пор находится в психиатрической клинике неподалеку от Сан-Антонио. Отец Джесси совсем изменился и перестал пить. Он пригласил мертвого сына пожить дома на время судебного процесса над Энглторпом. Может быть, когда-нибудь у меня хватит мужества спросить Гектора Кармоди, о чем они разговаривали.

Но вот Тамара, моя дорогая девочка, подала всем пример. Увидев Джесси в тот первый день, она тут же подошла к нему, обняла и поцеловала в холодную скулу. Теперь она стала завсегдатаем нашей церкви и вместе со священником пытается помочь тем, чья вера в последнее время подверглась серьезному испытанию.

На каждого павшего духом приходится человек, которому удалось обрести силу. Кайл с того дня стал тверд, как Гибралтарская скала. Они с Анджелиной собираются осенью пожениться; у них достаточно веры в будущее, чтобы мечтать о детях.

Признаюсь, я горжусь своими детьми.

* * *

Мы отправили последнюю жертву Энглторпа в Сан-Антонио на вскрытие и разослали ее фотографии во все полицейские отделения США и Мексики. За телом никто не приехал. Когда медицинский эксперт решил, что покойница слишком долго занимает место у него в лаборатории, он настоял, чтобы ее забрали мы. Уполномоченные графства не хотели раскошелиться на похороны, пока я не закатила скандал. Некоторое время она оставалась в земле, потом воскресла для суда. Мы установили ее личность и связались с родными. И вот тогда наши уполномоченные стали жаловаться, что попусту потратили деньги на ее похороны!

Суд над Энглторпом не так сильно напоминал балаган, как я предполагала. Не знаю, почему он не признал себя виновным; улики против него были убийственными. Может быть, он и вправду сошел с ума, как утверждал его адвокат. У него был хороший адвокат, он испробовал все известные уловки — и придумал парочку собственных трюков, — чтобы справиться с беспрецедентным появлением в суде покойников и не дать жертвам выступить свидетелями. Он утверждал, что они не были по-настоящему мертвы (мертвецы не ходят и не говорят); что покойники не могут принести присягу, потому что с юридической точки зрения их просто не существует; что их присутствие действует на суд возбуждающим образом... Короче, вы улавливаете общую картину. Судья,

ведущий процесс, решил довериться своему чутью и переложил всю ответственность на апелляционный суд.

Я была одним из первых свидетелей обвинения. Потом мне позволили остаться в зале суда и досмотреть все до конца. Мне было жаль Энглторпа. Не из-за того, что его признали виновным его преступления были слишком чудовищными, чтобы его можно было простить, — но из-за того ужаса, в котором он пребывал все время суда. Он панически боялся своих жертв, хотя никто из них не поднял на него и пальца — костлявого, хрящеватого или распухшего. Чтобы вызвать у него истерический приступ, хватало просто их ужасного потустороннего взора. Каждый день приходилось вводить ему успокоительные средства или удалять его из зала суда. На все время процесса власти приставили к нему двойную охрану, чтобы он не мог покончить с собой.

Когда для свидетельских показаний поднялся маленький Джеффри Торнтон и произнес слова клятвы: «И да поможет мне Бог...», — по залу суда пронесся стон. Вердикт, в котором, впрочем, никто и не сомневался, гласил: «Виновен в убийстве первой степени». Никто не сомневался и в приговоре — смертная казнь путем инъекции смертельной дозы яда.

Суд и приговор, казалось, удовлетворили мертвых.

Они не стали дожидаться, пока пройдут годы, и приговор будет утвержден апелляционным судом. Жертвы в последний раз попрощались с близкими и вновь легли в свои могилы, став теми, кем они, собственно говоря, и были — покойниками. И на этот раз навсегда. Во всяком случае, мы на это надеемся.

Мы можем привыкнуть к чему угодно. Мир постепенно возвращается в нормальное состояние — в новые условия нормального существования, когда мертвые касаются плечом живых, будто они всегда были рядом с нами. Но есть одно важное — и я надеюсь, постоянное — отличие: по самоочевидным причинам, в последнее время совершается очень мало убийств.

* * *

На днях я опять была на ранчо Энглторпа. На воротах висело объявление о продаже, но я сомневаюсь, что ранчо кто-нибудь купит. Рынок недвижимости пришел в упадок; по всей стране разбросаны ранчо вроде этого.

Заботливый агент по продаже недвижимости закрыл ставни и запер двери дома. Машины и сельскохозяйственное оборудование были проданы на аукционе, причем за сущие гроши. От поля почти ничего не осталось. Полицейские перевернули его буквально вверх дном в поисках новых тел. Я толкнула опечатанную полицией дверь амбара — над печатью уже поработали солнце и ветер, и она сразу рассыпалась от моего толчка, — и вошла внутрь.

В сумрачных углах копошились и бормотали привидения, но они не шли ни в какое сравнение с восставшими из праха мертвецами. Никто не побеспокоился прибраться вокруг. Солома у «рабочего места» Энглторпа почернела и при тусклом свете напоминала деготь. Она маслянисто поблескивала, как и в тот давний летний день, разве что пыли прибавилось. Все, казалось, обветшало. Совсем как я, подумалось вдруг.

Уходя, я не потрудилась запереть за собой дверь.

Я сижу у себя в кабинете за бутылкой джина и делаю записи в дневнике. Засуха наконец прошла, и до чего же приятно слушать шум дождя. Интересно, способны ли наслаждаться им мертвые?

Нам придется изменить ту старую пословицу о смерти и налогах.

Как существа, сознающие свою смертную природу, мы всегда ненавидели смерть и страшились ее, но в то же время мысль о ней утешала. Смерть обещала вечное успокоение — и в этой вечности разрешение всех проблем, конец борьбы, способ стереть с доски все записи и отложить в сторону мел, отказавшись от попыток решить задачу, у которой нет ответа.

Мы даже не подозревали, как нам будет не хватать смерти — пока ее у нас не отняли.

За все долгие годы, которые я провела, защищая закон, мне только однажды пришлось стрелять на поражение. Конечно, у меня были угрызения совести, но я тогда как, впрочем, и сейчас, считала, что в тех условиях применение оружия было оправданным. Так же полагало и мое начальство. Но что, если наше Вселенское Начальство придерживается другой точки зрения?

На прошлой неделе в Калифорнии ожила жертва несчастного случая, чтобы обвинить кого-то в преступной халатности. А сегодня в Нью-Йорке поднялась из могилы девочка-самоубийца, чтобы обвинить в небрежении свою мать. Похоже, что мертвые становятся все беспокойнее, они все менее склонны принимать оправдания живых.

Я не думаю, что смогла бы взглянуть в лицо человеку, у которого я отняла жизнь. Так что в бутылке остается все меньше джина, а я задумчиво поглядываю на свой табельный револьвер, поблескивающий в свете лампы. Меня мучает — очень мучает — искушение трусливо уйти из жизни.

Но что, если я не останусь мертвой?

Дин Уэсли Смит Подарки музыкального ящика²³

Стереосистема за стойкой бара наигрывала нежную мелодию рождественской песни, когда я защелкнул замок парадного входа моего «Зимнего Сада» и выключил фонарь над крыльцом. Приближалась ночь. От деревянной двери веяло холодом, но в зале было тепло. Я вздохнул: наконец-то наступил долгожданный сочельник.

Отсюда, от двери, был виден весь зал, включая спины сидевших за стойкой бара четверых моих друзей. Вообще-то я не любитель всяких рождественских штучек, и нынешнее Рождество в этом смысле исключением не являлось. Единственная уступка мишуре — рождественские свечки, стоявшие на каждом столике и в каждой кабинке. Еще какой-то посетитель привязал красную ленту на одно из растений, красующихся у центральной кабинки, а экспедитор фирмы «Куэрс» повесил на стену рекламный плакат, объявлявший «Куэрс»

официальным пивом Рождества. На пустых столах догорали свечи, но в остальном бар сохранял самый обыкновенный вид. Темно-коричневые деревянные панели стен, ковер в тон им, старая дубовая стойка бара, и, конечно, мои друзья. Самым важным в этом зале были мои друзья. Жизнь их была такой же пустой, как моя собственная. И сегодня вечером, в первый сочельник, который я отмечал в моем новом баре, я хотел дать им шанс изменить ее. Это был мой им подарок. Вечер обещал быть интересным.

— Ну ладно, Стаут, — начал Карл, грузно поворачиваясь на высоком табурете лицом ко мне, пока я, лавируя между креслами и столами, возвращался к стойке, — может, скажешь, что за страшная тайна заставила тебя выставить из бара ту молодую парочку всего-навсего в семь вечера, да еще в канун Рождества?

Я рассмеялся. Карл всегда попадал в точку. Верзилу Карла не проведешь.

— Да, — вторил ему Джесс со своего привычного места у дубовой стойки. — Наверно, это что-то чертовски важное? Раз ты не разрешаешь нам всем даже с табуретов слезть.

В нашей компании Джесс был коротышкой. Когда они с Карлом стояли рядом, Джесс едва доставал Карлу до плеча, что он весьма удачно компенсировал, подшучивая над великаном. Карлу розыгрыши Джесса ужасно не нравились.

— Смотрите! — сказал я и широким жестом забросил за жардиньерку с растениями фетровый чехол со старого вурлитцеровского музыкального ящика. Четверка моих лучших друзей и клиентов шумно зааплодировала и засвистела. Безлюдный зал отозвался эхом. Внутри у меня что-то оборвалось.

Мой ближайший друг Дэвид допил виски и теперь, вертя в руке стакан, гонял по его донышку тонко звеневшую льдинку.

— Значит, ты специально прятал эту штуковину в кладовке целых десять месяцев, чтобы мы ее сейчас прослушали?

— Ты угадал.

Я провел дрожащими пальцами по глади хромированного металла и полированного стекла. Я сам аккуратно напечатал на ярлычках названия более шестидесяти рождественских песен и приклеил их напротив красных кнопок. Теперь каждый из моих друзей найдет в музыкальном ящике свою песню. Ту, что вызывает яркие воспоминания и переносит в прошлое. Это и было моим рождественским подарком.

Я вздохнул и перешел за стойку бара.

— Надеюсь, — сказал я как можно более обыденным тоном, — вы поймете, что я держу этот музыкальный ящик не просто, чтобы дать вам послушать песенку. Он — единственное, что у меня осталось от первого бара. В «Зимнем Саду» я им еще не пользовался.

Джесс — три верхние пуговицы на белой рубашке расстегнуты, узел галстука ослаблен закручивал вокруг своего стакана салфетку.

— Почему ты выбрал именно сегодняшний вечер?

— Потому что как раз год назад, в такой же сочельник, я решил купить новый бар — «Зимний Сад» — и начать все заново.

— И я очень доволен, что ты так и сделал, — сказал Дэвид, высоко поднимая стакан своей здоровой левой рукой.

— И я, и я, — воскликнул Фред, подняв стакан еще выше и пролив при этом немного виски на свою рыжую шевелюру. — Где еще мы могли

бы спокойно посидеть, забыв о занудстве, которое ожидает нас дома.

Все четверо согласно подняли стакан и выпили, и я, смеясь, тоже присоединился к ним, отхлебнув глоток сладкого яичного коктейля, который всегда пью в канун Рождества. Никакой крутой выпивки — только сладкий яичный коктейль.

— Этот год был хорошим, — объявил я. — В немалой степени благодаря вам. Поэтому сегодня вечером каждый получит от меня свой отдельный, только ему предназначенный подарок.

— К чертям подарки! — воскликнул Джесс. — Как насчет того, чтобы выпить? Меня ожидает встреча с женой, а ей не понравится, что меня до сих пор нет дома!

— Ей вообще что-нибудь нравится? — спросил Дэвид.

Джесс медленно кивнул.

— С чего бы мне пить? — И он подтолкнул стакан в мою сторону, как делал это всегда, хотя бы один раз за вечер. Я поймал стакан и поставил его вверх дном на моечную решетку.

— Как только развернете подарки, получите еще по стакану выпивки, — с этими словами я сунул руку в ящик под кассовым аппаратом и извлек оттуда четыре пакетика. Они были совсем небольшие, размером с коробочку для кольца, завернуты в красную бумагу и перевязаны зеленой ленточкой.

— Жутко маленькие, — удивился Фред, когда я разбросал по стойке пакетики, а потом выставил на салфетку, накрывавшую лед, четыре специальных рождественских стакана. На каждом из них было выгравировано имя одного из моих друзей.

— У маленьких пакетиков, как известно, дурная слава, — сказал Джесс, теребя пакетик и разглядывая его со всех сторон. — Но, зная старину Редли, размер можно считать добрым предзнаменованием.

— И вы не обманетесь, — пообещал я.

— Красивые стаканы, — сказал Дэвид, наконец заметив их. — Они тоже входят в подарок?

— Нет, скорее, в программу вечера, — ответил я и, прежде чем наполнить стаканы, дал парням вволю на них полюбоваться. На каждом чуть выше эмблемы «Зимнего Сада» было выгравировано золотом имя. Я приготовил стаканы, чтобы они напоминали об этом вечере. И надеялся, что к тому времени, когда все закончится, на память у меня останется и кое-что еще.

Первым развернул свой пакетик Карл.

— Ты прав, Джесс, это всего лишь четвертак, — он поднял для всеобщего обозрения двадцатипятицентовую монету. — Похоже, старина Редли намекает, чтобы мы давали больше чаевых.

Рассмеявшись, я бросил в его стакан кубик льда.

— Ничего подобного. Я не беру, я даю.

Приготовив выпивку, я подвинул к нему стакан.

— Ты первым расправился с оберткой, с тебя и начнем. — И я кивнул на музыкальный ящик. — Но только по правилам.

— Сегодня вечером ты придумал кучу правил, — заметил Фред, и все рассмеялись.

Останавливая их, я поднял руку.

— Поверьте, сегодня особенный вечер!

— Ну, так что у тебя за правила? — спросил Карл.

Чтобы они не увидели, как меня трясет, я прислонился к стойке.

— Я собрал в этом музыкальном ящике все рождественские песни, какие только смог отыскать. Выберите среди них ту, которая напоминает вам о чем-то важном, — о какой-то вещи, происшествии или случае, которые изменили вашу судьбу. Потом вам следует нажать на кнопку и до того, как песня начнется, рассказать, о чем она вам напоминает.

Карл мотнул головой.

— Знаешь, Стаут, по-моему, у тебя сдвиг.

— Ага, мне тоже так кажется, — с готовностью согласился я. Я не дурачился и не паясничал, мне действительно так казалось.

— И сегодняшний вечер — яркое тому подтверждение, сказал Дэвид, показывая монету.

— Поверьте мне, это не обычный музыкальный ящик. Вы легко можете это проверить, испытав его. Тогда поймете, что я хочу сказать.

Пожав плечами, Карл отхлебнул виски из своего именного стакана, а потом осторожно отставил его на салфетку.

— Ладно, чего там. Я играл и в более странные игры.

Я тоже, — отозвался Джесс. — Помнишь девчужку, которую звали Донна. Ей нравилось... — Дэвид хлопнул его по плечу и остановил разглагольствования, а Карл слез с табурета и подошел к музыкальному ящику, чтобы взглянуть на репертуар.

Я наблюдал, как, согнувшись над машиной, он читает названия. В шестьдесят два года и при весе в сто пятьдесят фунтов Карл все еще состоял из одних мускулов, и хрупкий стакан в его могучей руке мог хрустнуть в любой момент. В суровом мире за стенами «Зимнего Сада» Карл был плотником, и бывали времена, когда в его фирме были заняты целых пять рабочих. В основном он занимался строительством домов, хотя в этом году получил крупный заказ на офис для Дока Харриса и работал над ним семь месяцев. Это здорово поправило его финансовое положение. Карл никогда не был женат и о прошлом распространяться не любил. Не было у него и особых увлечений. И зимой и летом я ни в чем другом, кроме как в рабочих штанах и клетчатой рубашке, его не видел. Он коротко стриг свои седеющие волосы и, какой бы сильный не шел на улице дождь, никогда не носил шляпы.

Карл нагнулся над музыкальным ящиком, и его широкие плечи обвисли, словно на спину ему легла тяжелая бетонная плита. Потом он с заметным усилием выпрямился и взглянул в нашу сторону. Его лицо побледнело, черные глаза блестели.

— Я тут нашел одну. Дальше что?

Я вздохнул. Отступать было поздно. Мои друзья ждали.

— Опusti монету в прорезь и нажми обе кнопки напротив названия, — мой голос дрожал, и Дэвид быстро взглянул в мою сторону. Он понимал, что со мной что-то происходит.

Я набрал воздуха в легкие и продолжал:

— До того, как начнется песня, расскажи, что вызывает она у тебя в памяти?

Карл пожал плечами и опустил монету. В воцарившейся, почти звенящей тишине было слышно, как он нажал на две кнопки.

— Что-нибудь еще? — спросил он, когда внутри музыкального ящика что-то клацнуло и заработал механизм поиска пластинки.

— Просто скажи нам, о чем напоминает тебе песня. И помни! В твоём распоряжении только время, что она длится. Примерно две с половиной минуты. О'кей?

Карл пожал плечами.

— Что все это значит?

— Сейчас поймешь. Только две с половиной минуты. Это важно! А теперь расскажи, что ты вспомнил?

Карл бросил взгляд на музыкальный ящик и тихо сказал:

— Эта песня напоминает мне о вечере, когда чуть не умерла моя мать.

У меня сжалось сердце. На такое я не рассчитывал. Почему он вспомнил именно это? Да еще в сочельник! Обычно в сочельник приходят только радостные воспоминания. Приятные времена и события, которые хотелось бы вернуть. Но сделанного не воротишь.

— Две с половиной минуты, Карл, — выдавил я из себя. — Только две с половиной минуты.

Но уже заиграла мелодия песни «Мне снится белое Рождество», и Карл бросил на меня хмурый взгляд. А потом полностью ушел в свои воспоминания.

А в баре «Зимний Сад» одним посетителем стало меньше.

Запахи мочи и дезинфекции накрыли Карла с головой, словно волна — ребенка на берегу. Оглушенный и ошарашенный, он схватился за ручку двери. Всего мгновение назад он стоял перед музыкальным ящиком в «Зимнем Саду» и играл в глупую игру, навязанную ему Редли Стаутом. Карл помнил это так же ясно, как и последние двадцать лет своей жизни.

Но одновременно он, к своему удивлению, помнил, что только что ехал сюда, в лечебницу, на своей машине. Он помнил, как хотелось ему по дороге развернуться и уехать обратно в колледж. Но он хотел сделать все, что в его силах, чтобы избавить мать от страданий и боли. И он очень хорошо, очень отчетливо помнил, что решил помочь ей умереть достойно, так как она сама его об этом просила.

Это произошло во второй половине дня, в воскресенье, после случившегося с ней второго удара. Она не просила, она умоляла его помочь ей, если еще один удар лишит ее разума, но оставит жить тело. Этого она боялась больше всего. Но он не помог ей. Частью своего «я», помнившей «Зимний Сад», он знал, что мать перенесла еще три удара. Значит, он не осмелился.

Он сжимал дверную ручку до тех пор, пока у него не свело пальцы. Из глубины холла лилась нежная мелодия песни «Мне снится белое Рождество» — той самой, которую он запустил в «Зимнем Саду». Как могло это быть? Он не понимал ничего.

Он заставил себя сделать глубокий вдох и огляделся. За столиком, там, где ей и положено, сидела седовласая медсестра. Его мать лежала на койке в примыкавшей к холлу маленькой палате. Жалкие, отработавшие свое останки женщины, какой она когда-то была. Она не узнавала его: из прежней, былой жизни она не узнавала теперь никого. Большую часть времени она просиживала в кресле на колесиках, уронив на грудь голову и бессвязно бормоча.

Врачи сообщили ему, что от этой серии ударов ей не оправиться. Она проведет на этой койке и в этом кресле еще пять лет. Он возненавидит эту палату, возненавидит собственный страх и свою беспомощность.

Он взглянул на свои сжимавшие ручку двери пальцы. Все в порядке — это была его собственная рука, только молодая. Без шрама, оставшегося от пореза о стекло разбитого окна в прошлом году. Без

темного загара на коже от долгих часов работы на воздухе. Неведомым образом к нему вернулось его молодое тело, а его старые воспоминания соединились с новыми. Воспоминания, мысли сталкивались друг с другом, и от этого кружилась и болела голова. Во рту пересохло. Как хорошо было бы сейчас выпить!

Песня, доносившаяся в палату из холла, дошла до середины, и Карл почувствовал, как его охватывает паника. Редли Стаут и его дьявольский музыкальный ящик давали ему шанс начать жизнь заново. Они дали ему возможность сделать то, что он хотел сделать, но тогда побоялся. И сейчас он снова упускал этот шанс, делая как раз то, чего делать не следовало.

То есть, не делая ничего.

Он глубоко вздохнул, подавив рыдание. На этот раз все будет по-другому. Кинув взгляд в холл, Карл двинулся через палату к изголовью кровати. От постели пахло мочой и потом. За следующие пять лет сиделки поменяют белье еще тысячи раз, и тысячи раз он будет вынужден помогать им.

— Ты этого хотела, мама.

Он сглотнул поднявшуюся волну желчи.

— Я сделаю то, о чем ты просила.

Он потянул подушку за край, поднял и накрыл ею лицо матери. Потом сильно прижал к носу и рту.

— Я люблю тебя, мама, — тихо говорил он. — Я стал сильным. Ты будешь гордиться мной.

Она боролась, поворачивая голову из стороны в сторону. Но он продолжал прижимать подушку, хотя его тошнило, хотя единственным его желанием было отпустить, позволить ей дышать. Но он не хотел, чтобы она продолжала страдать, — страдать каждый день из долгих оставшихся ей пяти лет.

Наконец ее тело обмякло, а голова тяжело легла ему в руки. Очень тяжело.

Он нежно погладил мягкие волосы матери, но продолжал удерживать подушку в прежнем положении еще пятнадцать секунд. Потом он отпустил голову, дав ей принять более удобное положение.

Ни на миг не отрывая взгляда от мертвого лица, он распрямился и глубоко вздохнул. Он ощущал печаль и еще какую-то легкость, будто скинул с плеч тяжкий груз.

— Спасибо, Стаут, — сказал он вслух, когда последние аккорды песни затихли и унесли с собой прежнюю память о будущем.

Последние такты песни Бинга Кросби наконец-то растаяли, и воздух «Зимнего Сада» на мгновение задрожал, словно зал опалило невидимой волной жара. Но ни одно растение не шелохнулось, и я ничего не боялся. Я знал, что это означает.

Как только заиграла музыка и Карл исчез, я постарался успокоить друзей весьма простым объяснением — Карл ушел в воспоминания прошлого. Затем под предлогом, что Карлу по возвращении понадобится выпивка, я взял его именной стакан и перешел с ним к музыкальному ящику. И стоял возле него, положив руку на холодноватую хромированную панель, все время, пока песня не кончилась.

Я взглянул на стакан в своей руке. Стакан не исчез. Значит, все, к чему я прикасался, не отпуская музыкальный ящик, оставалось на

прежней линии времени. Понятно. Я все время держал руку на этой машинке, и потому помнил Карла. Карл изменил что-то в своем прошлом, а в его новом будущем не оказалось ничего, что привело бы его в «Зимний Сад». Оставалось надеяться, что его новая судьба будет к нему милостивее.

Я обследовал музыкальный ящик, выясняя, не переменялось ли в нем что-нибудь. Будь я проклят, если понимаю, как он устроен! Я едва успел вытащить его из кладовки, установить в моем старом баре и поставить любимую пластинку, как в следующий миг, переселившись в свое молодое тело, сидел лицом к лицу с моей прежней подружкой Дженни.

Я так перепугался, что мог только сидеть и смотреть на нее. Больше всего на свете мне хотелось быть с ней — всегда, но у меня не хватило ни мужества, ни желания попросить ее остаться. Так, на третьем году нашего знакомства, она уехала обратно в колледж, а я остался в нашем городке и стал работать. В тот семестр она встретила кого-то другого и к Рождеству вышла замуж.

Песня, которую проиграл мне музыкальный ящик, была нашей с ней песней. Она звучала в тот вечер накануне ее отъезда. И как раз в тот миг и вернул меня музыкальный ящик, продержав там ровно столько, сколько звучала песня.

На следующий день я завел эту песню снова, и все повторилось опять. Я ничего не предпринимал — просто сидел и смотрел на Дженни.

Больше я музыкальный ящик не трогал. И решил его не включать, пока не удостоверюсь точно, что случится, если я изменю что-нибудь в своем прошлом. Как изменил свое прошлое Карл.

— Эй, что ты там затеваешь? — окликнул меня Дэвид, вертя здоровой рукой стакан со своим именем.

— Да, — присоединился к нему Джесс, — ты скажешь нам наконец, что делать с монетами? — Джесс подбросил свой четвертак, поймал его и выложил на стойку. — Орел!

— Закажите песню! — предложил я. Никто не помнил ни Карла, ни моих объяснений, куда делся Карл, ни того, что он здесь только что проделывал с музыкальным ящиком.

Я перешел обратно за стойку, вылил остатки виски Карла и осторожно поставил его стакан на полку. Выгравированные буквы составляли имя. КАРЛ.

— Кто этот Карл? — спросил Дэвид.

— Один мой приятель. Я собирался подарить ему такой, как у вас, стакан.

— Ты хочешь, чтобы мы заказали песню? Зачем? — спросил Джесс.

Я отхлебнул из бокала и почувствовал, как ласково обволакивает пересохшее горло яичный коктейль. Конечно, мне будет не хватать Карла. Но, быть может, он станет счастливее? Может, на днях я отыщу его имя в телефонной книге? Если он не уехал из города. Он меня не вспомнит, но будет приятно увидеть его и узнать, как сложилась его жизнь.

— С тобой все в порядке? — спросил Дэвид. Все трое пристально глядели на меня.

— Все нормально. Я подумал, что хорошая песня похожа на машину времени. Она возвращает в прошлое. Почему бы вам не попутешествовать? — я кивнул на оставшиеся четвертаки. — Не хочешь испытать судьбу, Фред? Но действовать надо по правилам.

— Опять, черт побери, правила! — возмутился Фред. — Я могу по

этим твоим правилам хотя бы с табурета слезть? Или должен метать монету прямо отсюда?

Должно быть, смех у меня получился такой странный, что Дэвид кинул в мою сторону вопрошающий взгляд.

— Подойди и выбери песню, которая напоминает тебе случай из твоей жизни, встань рядом с автоматом и расскажи нам, что это за случай!

Фред забрал монету со стойки бара и, повернувшись, соскочил с табурета.

— Дело нехитрое. Справимся.

— Жена, наверно, нечасто с тобой соглашается.

Все засмеялись. Примерно так начиналось обычное ежевечернее шутливое обсуждение семейных проблем Фреда. Жену его в нашей компании знали — ни о чем другом Фред, казалось, не говорил. Ее звали Алиса, они с Фредом поженились очень молодыми, у них был один ребенок, и десять лет назад они развелись с шумным скандалом.

Сам Фред был высок и худ, за исключением лишних двадцати фунтов веса в районе живота. Его огненно-рыжие волосы порядком выгорели на солнце из-за того, что работал он в дорожной службе нашего муниципалитета. По словам Фреда, четверть месячного жалованья уходила у него на содержание дочери, хотя бывшая жена позволяла им видаться редко. Еще Фред говорил, что любит дочку, и однажды в воскресенье привел ее познакомиться с нами. У Сэнди была точно такая же, как у ее отца, ярко-рыжая шевелюра.

— Готово, — сказал Фред, опуская монету в прорезь и быстро нажимая на кнопки.

— Так что это за случай? — спросил я. По спине у меня пробежал холодок. Неужели я потеряю и Фреда? Может, не предупреждать его, что он может изменить свое прошлое, пока звучит песня, и потому должен действовать быстро?

— Это тот самый случай, когда я потерял невинность, — сказал он улыбаясь, — и нечаянно породил Сэнди.

Боже мой, что я с ними делаю! Хороши подарочки!

— Стаут! — окликнул меня Дэвид. — С тобой все в порядке? Ты бледный, как привидение.

Я кивнул ему и взглянул на Фреда.

— В твоём распоряжении только время звучания песни. Две с половиной минуты. Запомни это!

Джесс хохотнул.

— Времени, чтобы Фред потерял невинность, более чем достаточно.

Фред шагнул, готовясь напасть на обидчика, но тут зазвучала песня Джин Отри, и он исчез.

Снежинки, крутясь в воздухе, били Фреда в лицо, когда он, лавируя в потоке встречных прохожих, пробирался к аптеке Абрахамса. Зазвенел подвешенный над дверью колокольчик. В аптеке царила чистота, и витал еле уловимый запах лекарств. Блестели кафельные полы.

Старик Абрахамс сидел за прилавком в белом халате. Его молодая помощница Джуди обслуживала за кассой грузного джентльмена, покупавшего микстуру от кашля. В зале негромко звучала рождественская песенка «Рудольф, красноносый северный олень». Та самая песня, которую он выбрал в «Зимнем Саду» всего мгновение назад. Какого дьявола! Как это удалось Редли Стауту? Что вообще здесь

происходит?

Фред оглядел себя. Он был мальчиком, мальчиком в школьной форме! Этого не могло быть! Он только что сидел за выпивкой в «Зимнем Саду», он старше на восемнадцать лет! Кто-то его разыгрывает. Но так просто это Джессу не сойдет. И Стауту тоже!

Фред уже повернул назад, чтобы снова окунуться в снежную метель, как вдруг к воспоминаниям зрелости добавились совсем недавние, он вспомнил, зачем оказался здесь. Чтобы купить резинку! Презерватив.

Он зашел в аптеку по дороге к дому Алисы. Ее родители отправились в гости праздновать Рождество и вернутся не скоро. Они с Алисой начнут с того, что, сидя на кушетке, сидят смотреть телевизор, а кончат голыми на полу. Для обоих это было впервые, и из-за того, что он сдрейфил и не осмелился по дороге к ее дому спросить в аптеке презерватив, Алиса забеременела, и им пришлось пожениться сразу после окончания школы. А еще через три месяца на свет появилась Сэнди.

Он схватился за ручку двери, а потом дотронулся до бутылочки с бальзамом, стоявшей на полке рядом. И дверь и бутылочка были твердыми, осязаемыми! Будь он проклят, если понимает, что происходит!

Сидя за прилавком, старик Абрахамс наблюдал за ним. Неудивительно, что он сдрейфил! За последние двадцать лет он покупал презервативы сотни раз, но сейчас снова стеснялся, как мальчик. Хотя какого дьявола может сделать ему старик! Фред покачал головой. Ему не хотелось об этом думать.

Он набрал воздуха в грудь и двинулся к прилавку.

— Что вам угодно? — спросил уставившийся на него со своего насеста Абрахамс — нечто среднее между Господом Богом и отцом Фреда.

— Мне хотелось бы... — голос изменил ему, и он прочистил горло, чтобы взять тоном пониже, — мне хотелось бы приобрести...

Он оглянулся. Джуди улыбалась, наблюдая за ним. Она ему страшно нравилась вот уже несколько лет. Неудивительно, что его юное «я» так опростоволосилось.

— Итак, молодой человек?

Фред снова повернулся к Абрахамсу. Он чувствовал, как краска заливает ему лицо. Если он не осмелится, и не спросит, что ему нужно, Алиса забеременеет, и им придется пожениться. И последствия будут много хуже, чем те, что угрожают ему, если он произнесет сейчас простую и совсем нестрашную фразу. Гораздо хуже. Они выльются в долгие годы криков, брани и ненависти — станут грязью унылого быта, которым обернется их брак. Единственное светлое пятно на этом фоне — Сэнди. Но кто знает, чем отзовется в ее душе их безобразное супружество с Алисой?

Он взглянул на Абрахамса.

— Мне... Мне хотелось бы приобрести презерватив.

Вот так. Он все-таки победил себя!

Старик Абрахамс нашел в себе силы не рассмеяться. Но Фред знал, что он с трудом сдерживает улыбку.

— Хорошо, сынок. Они продаются пачками по три, шесть и двенадцать штук.

— Шесть штук, — быстро решил Фред. Совсем незачем без необходимости подвергать себя этой пытке снова уже в ближайшее время. А попросить двенадцать — могло показаться хвастовством.

Абрахамс кивнул головой и порылся под прилавком.

— Какого сорта вы предпочитаете?

Джуди хихикнула, а Фред почувствовал, как пылают его лицо и шея. Его юное «я» стремилось кинуться из аптеки куда глаза глядят. Он не посмеет больше взглянуть в глаза Джуди.

Но более поздний опыт остановил его.

— Я... Мне все равно. Самого лучшего.

Абрахамс кивнул еще раз.

— Я дам вам «Троянцев». — И он пустил к нему по прилавку коробочку. — Заплатите у Джуди.

Проклятый старик! Он это нарочно. У него за прилавком был кассовый аппарат. Он мог принять деньги сам. Джуди опять хихикнула, а Фред, взяв коробочку, повернулся к ней. Как раз в этот момент он заметил, что песня подходит к концу, и еще подумал, что лицо у него, должно быть, не менее красное, чем нос у пресловутого Рудольфа.

Он вынул из кармана пятидолларовую банкноту и кинул ее на тарелку кассы.

— Сдачи не надо.

Не взглянув на Джуди, он кинулся к двери и шагнул в метель. Теперь, по крайней мере, у него есть выбор, он сам может решить, заводить ему Сэнди или нет. И он серьезно над этим подумает.

Но как только дверь за ним захлопнулась и звуки песни пропали, память о предстоящем решении, о Сэнди, об их с Алисой отношениях и о последующих двадцати годах жизни поблекла, а потом стерлась совсем.

Когда слабое сияние воздуха померкло, я снял руку с музыкального ящика и зашел за стойку. Оказавшись у раковины, я осторожно вылил в нее остатки выпивки Фреда и поставил его стакан на полку рядом со стаканом Карла. Так сильно я давно не уставал.

— Удачи вам, парни, — тихо сказал я, глядя на эти два стакана. — Может, на этот раз вам повезет больше.

Теперь у меня за стойкой сидели только двое. Я мог бы прекратить все это. Остановить, пока у меня еще оставались друзья.

— Что делать с монетами? — спросил Джесс. — Пора возвращаться домой. Как бы моя стерва не отгрызла мне голову.

Я взглянул на Джесса, а потом на Дэвида. Дэвид был явно не в своей тарелке.

— Истратьте их на музыку. И покончим с этим. — Я махнул рукой в сторону музыкального ящика. — Но найдите такую песню, которая вызывала бы яркие воспоминания!

Я перевел дух. Пожалуй, Джессу я могу сделать настоящий подарок.

— Ты, Джесс, вполне мог бы заказать песню, которую слышал, когда впервые встретился со своей женой.

Джесс засмеялся.

— Чего ты от меня хочешь?

— Верь мне! — сказал я. — Найди эту песню! — И я плюхнулся на табурет, стараясь дышать глубоко: мне не хотелось думать о том, что случилось с Карлом и Фредом.

— С тобой все в порядке? — спросил Дэвид. Я взглянул на его встревоженное лицо. Что бы я делал все эти годы без дружбы с Дэвидом? И как буду обходиться без нее? Если дам и ему проиграть его песню?

— Я просто устал. Ничего страшного.

Я поднялся и начал готовить яичный коктейль, искоса посматривая,

как Джесс выбирает песню. Джесс был большим мастером на розыгрыши. Он обычно оправдывал их тем, что они позволяют ему сохранять рассудок даже при такой стерве жене, какая досталась ему. На вопрос, почему он тогда не уйдет от жены, он отвечал, что, женившись на ней, совершил столь крупную ошибку, что не вправе перекладывать ее на чужие плечи. Это не в его правилах. Затем он обычно отпускал какую-нибудь шутку и переводил разговор на другую тему.

— Я нашел песню, — сказал Джесс, держа монету наготове. — Ты хочешь, чтобы я ее включил?

— Да. Но сначала скажи нам с Дейвом, какие воспоминания она у тебя вызывает?

Джесс опустил монету в прорезь и, нажав на две кнопки, привел механизм в действие.

— Вы помните песенку «Снупи против Рыжего Барона»?

Мы с Дэвидом кивнули.

— Как раз ее исполняли по радио, когда я делал моей жене предложение. Похожая ситуация, правда?

Дэвид засмеялся.

Но мне было не до смеха. Теперь я точно знал, что потеряю и Джесса тоже.

— Помни, в твоём распоряжении только то время, пока длится песня. Ни секундой дольше. Понял?

Джесс пожал плечами и направился к бару.

— Что ты хочешь этим?.. — он не успел договорить фразу. Из музыкального ящика уже лились звуки песни.

— Какого черта!.. — воскликнул Дэвид и бросился к музыкальному ящику.

Я взял почти допитый стакан Джесса и пошел ставить его на полку за баром.

Дэвид взглянул на стоявшие там стаканы Карла и Фреда, перевел взгляд на такой же стакан в моей руке, а потом — на то место на полу, где только что находился Джесс.

— Ты объяснишь мне, что за дьявольщина здесь происходит?

Я слишком устал, чтобы спорить, и согласно кивнул головой.

— Но прежде подойди сюда и положи руку на музыкальный ящик. Это единственный способ сохранить память.

Снупи и Рыжий Барон только-только начали свой дуэт по встроенному в джессовском «форде-65» радио, как Джесс обнаружил, что сидит лицом к лицу со своей будущей стервой женой Мери.

— Какого?..

— Что-нибудь не так, Джесс, милый?

Ладонь Мери поглаживала его руку — вверх-вниз, вверх-вниз. Такой красивой она еще никогда не была. От Мери исходил запах удивительной свежести, словно она провела целый день за городом. Но он знал, что ее красоты и свежести надолго не хватит. Через шесть месяцев после свадьбы она добавит пятьдесят фунтов, а еще через несколько лет — сотню. Но пока что — неважно, во сне или наяву — в этом платье с глубоким вырезом она выглядела чертовски аппетитно.

Джесс откинулся назад и осмотрелся. В самом деле, он сидел в собственном автомобиле. В том, который потом продал в семьдесят первом. В том, где они с Мери в первый раз занимались любовью. Он

провел рукой по рулевому колесу, проверяя, не во сне ли все это видит. Нет, руль был вполне ощутимый, а машина стояла в конце тенистой улицы, на которой стоял дом Мери.

Как Стауту удалось такое выкинуть? Сон это или галлюцинация? Стаут, наверно, загипнотизировал его, и он по-прежнему сидит в «Зимнем Саду», в то время как друзья смеются над ним. Но это им даром не пройдет!

Мери придвинулась ближе и приятно навалилась ему на бедро, вызвав немедленную и желательную для нее реакцию.

— Ты хотел меня о чем-то спросить? — сказала она, глядя на него карими, широко распахнутыми глазами.

— Хотел.

Он отлично помнил, как именно в этот момент спросил у нее, не согласится ли она выйти за него замуж? Через миг его молодое «я» повторит то же самое. Он снова был студентом-второкурсником юридического факультета и даже отлично помнил прослушанную утром лекцию. Но он помнил также, что минуту назад сидел с друзьями в «Зимнем Саду», отмечая канун Рождества, которое состоится только через двадцать лет. Странно. Слишком, черт побери, странно.

В песенке, которую крутили по радио, Рыжий Барон только что пристрелил Снупи. Стаут говорил, что в его распоряжении только то время, пока звучит песня. Значит, во сне или наяву, у него остается минута с небольшим. Мери, слегка касаясь ногой бедра Джесса, ждала. Она вплотную подвела его к желаемой точке.

Но на этот раз ее ожидает сюрприз. Что бы ни происходило на самом деле, эту ситуацию он использует на все сто процентов. После многолетнего супружеского ада он это маленькое удовольствие заслужил.

— Я хотел спросить у тебя... — Джесс сделал паузу. И очень крепился, чтобы не расхохотаться.

Снупи и Рыжий Барон уже пили за Рождество.

— Да? — голос Мери звучал хрипло, чувственно. И выглядела она что надо. В тот вечер он не разглядел скрывавшееся за ослепительным обличьем безобразие. А потом было уже слишком поздно.

— Я хотел спросить, не будешь ли ты возражать, если я пересплю еще с парой-тройкой бабенок? Чтобы, так сказать, перебеситься, прежде чем осесть своим домком?

Сработало! Знойная страсть мгновенно испарилась с ее лица, словно стертая влажной салфеткой. Теперь это лицо украшала та самая стержовозность, к которой он так привык.

— Что ты сказал? — слова звучали очень отчетливо, в них слышалась угроза. Этот тон был ему знаком. Даже слишком.

Он улыбнулся, расслабился и потянулся к ней, изображая прилив чувств.

— Я подумал, что какое-то время — лет этак пять или десять мы могли бы поддерживать свободные отношения. Я бы не прочь порой поиметь еще кого-нибудь. Мы бы оба от этого только выиграли. По крайней мере, это было бы честно. Наверно, тебе не нужно объяснять, что такое свободная любовь.

Он придвинулся, словно хотел поцеловать ее, но Мери отшатнулась, как от привидения.

— Тебе тоже, наверное, было бы интересно поразвлечься с другими мужчинами. Мы бы приобрели опыт, а потом спокойно жили вместе

долгие годы. Как говорится, старый башмак не жмет.

Джесс знал, что последнее ее доконает. Он слышал от нее сотни раз, как претит ей одна мысль о сожительстве. Для нее существовал только брак. Он едва удерживался от смеха. Как трудно, оказывается, не смеяться. Спасибо, Стаут! Это лучший рождественский подарок, какой я когда-либо получал.

— Ты рехнулся! — завопила она. — Ты болен! Болен!

Джесс скорчил на лице невинную и расстроенную гримасу.

Улетая на радиоволнах, Снупи славил в песне милосердное Рождество, а Мери, рванувшись к дверце, распахнула ее и побежала по тротуару.

— Спасибо тебе, Редли Стаут! Я мечтал об этом долгие годы.

Но песня кончилась.

И вместе с ней ушла память.

Я медленно перешел за стойку бара, вылил остатки виски и поставил стакан Джесса к другим на заднюю полку бара.

— У тебя там целая коллекция, — сказал Дэвид, возвращаясь на табурет. — Значит, Карл и Фред были моими друзьями? На другой линии времени?

Я отхлебнул солидный глоток коктейля и утвердительно кивнул. Дэвид продолжал:

— Музыкальный ящик перенес Джесса в тот момент жизни, к которому относились его воспоминания, и он изменил прошлое так, что его жизнь пошла по другим рельсам. И на этот раз судьба не привела его в «Зимний Сад». Правильно? И у него не осталось воспоминаний об этом баре, потому что он никогда в нем не был.

Я еще раз кивнул головой и допил коктейль.

Дэвид подобрал лежавший перед ним двадцатипятицентовик и взглянул на музыкальный ящик.

— Ты знаешь, подобные желания возникают время от времени у каждого. Как же тебе самому удалось?

— Я не удерживался. Когда я выяснил, на что способна эта машинка, я побывал в прошлом не один, а даже два раза. Но я ничего в нем не менял. Наверно, боялся. И еще, наверно, потому, что причин жаловаться на жизнь у меня нет, — я кивнул головой на пустые стаканы. — Или, по крайней мере, до сегодняшнего вечера не было.

Дэвид отхлебнул виски и посмотрел на свое выгравированное на стакане имя.

— И Ты подарил друзьям на Рождество возможность прожить жизнь заново?

Я засмеялся.

— Мне это показалось хорошей идеей. Я не думал, что могу потерять их. Честно говоря, сам не знаю, о чем я думал.

— Я-то ведь пока с тобой.

Я взглянул на своего лучшего друга. Он был вице-президентом местного банка, а по выходным дням обожал летать на своем личном маленьком самолете. Но двадцать с лишним лет назад он с молодой женой Элайн ехал домой, возвращаясь с рождественской вечеринки. Весной он должен был закончить летную школу и мечтал водить большие воздушные лайнеры.

В тот вечер Дэвид выпил лишнего, не удержал машину на повороте

скользкой дороги и врезался в ограждение. Элайн погибла, а Дэвид искалечил на всю жизнь правую руку. Это положило конец занятиям в летной школе и мечтам.

Я потянулся вперед и щелчком отправил монету Дэвиду.

— Твоя очередь.

Дэвид покачал головой.

— Не выйдет. Я не брошу тебя после всего, что ты сделал для Джесса и других наших парней. — И он указал на стоявшие за баром стаканы.

Я издал смешок, показавшийся горьким даже мне самому.

— Я не сделал ничего. Просто помог им изменить жизнь. Будем надеяться, к лучшему. Но тебе-то музыкальный ящик может только помочь. — Я нагнулся над стойкой бара и потрепал его по изуродованной руке. — Возвращайся обратно в прошлое и спаси Элайн! Да и самого себя тоже.

Дэвид встрепенулся, словно о такой возможности даже и не подозревал.

— Ты видел, машина действует, — продолжал я. — Чем бы это для тебя ни кончилось, попытаться ты должен. И потом, ты можешь ничего не менять в прошлом. Отправляйся назад, чтобы повидать Элайн. Ты можешь вернуться обратно.

Он выглядел ошарашенным.

— Могу не менять?..

Я кивнул, подобрал монету со стойки и вложил четвертак Дэвиду в левую руку.

— Иди! Повидайся с женой!

Все так же недоумевая, он медленно встал и двинулся к музыкальному ящику.

— Это возможно?

— Да, — ответил я. — Только выбери правильную песню.

Повернувшись к музыкальному ящику, он стал изучать список. Распущенный галстук свободно свисал с его шеи, правая рука беспомощно покоилась на стекле машины.

У меня засосало под ложечкой, и я отпил еще немного коктейля. Как только он увидит Элайн, он не сможет не изменить прошлого. Я терял моего лучшего друга. Но, возможно, я увижу его когда-нибудь снова — шагающим по аэропорту в форме пилота. На это стоило посмотреть.

— Я нашел песню, — сказал он и, повернувшись, задержал на мне взгляд.

— Тогда вперед! — сказал я.

Дэвид медлил, словно хотел сказать что-то еще. Потом отвернулся к машине, опустил монету в прорезь и нажал на две кнопки.

— А воспоминания? — напомнил я. — По правилам ты должен сказать, о чем вспомнил.

Он улыбнулся.

— Эта песня напоминает мне о ночи, когда погибла моя жена.

— Удачи! Привет от меня Элайн!

— Обязательно передам, — пообещал он. — Я вернусь.

— А если нет, я сохраню на память о тебе этот стакан и музыкальный ящик.

Он еще раз улыбнулся.

— Спасибо!

Песня началась, и он исчез.

Дворники на стеклах старого «форда» работали вовсю. Шел легкий снег. Дэвид с Элайн мчались по грунтовой дороге к далеким огонькам города.

Радиоприемник на переднем сиденьи между ними передавал рождественскую песню «Тихая ночь». Элайн подпевала. Голос ее звучал ясно и чисто, хотя чувствовалось, что она немного выпила. Вечеринка у друзей, живших за городом у подножья холмов, удалась на славу, и они засиделись в гостях дольше, чем рассчитывали.

Дэвид искоса взглянул на молодую жену. Они были женаты всего шесть месяцев. У Элайн были каштановые волосы, волной падавшие на спину, и темно-зеленые глаза. Когда она смеялась, на лице появлялись ямочки. Пока Дэвид не закончил летной школы, она работала в магазине готового платья. В будущем она мечтала стать модельером, и Дэвид был уверен, что она добьется успеха... Или добилась бы...

— Сукин сын Стаут, — вырвалось у него, — знал, что говорил.

— Кто такой Стаут? — спросила Элайн и, не дожидаясь ответа, снова принялась подпевать и отвернулась к окну — за улетающей назад пеленой снега мелькал зачарованный лес.

Дэвид еще раз взглянул на Элайн и снова посмотрел на дорогу. Он не даст ей погибнуть, и Стаут об этом знал.

Дэвид затормозил и остановил машину на обочине. Потом выключил зажигание, вынул из замка ключи и вышел. Изо всей силы размахнувшись, он бросил ключи в сторону леса. В тишине ночи было слышно, как они, падая, задели за ветку.

Других ключей у него с собой не было. Теперь он бесповоротно лишил себя возможности вести машину.

— Дэвид, — спросила Элайн, выбравшись из машины и подойдя к нему, — что это ты сделал?

— Я спас нам жизнь, — сказал он. Он обнял Элайн и тесно прижал ее к себе, наслаждаясь ее близостью, по которой тосковал долгие годы. Он так и не женился во второй раз, потому что ни одна женщина не вызывала в нем ничего подобного. Ни одна.

Из машины доносилась тихая музыка. Песня дошла до середины. Времени оставалось немного.

— Что с тобой? — спросила Элайн. — Почему ты выбросил?..

— Со мной все очень хорошо. Я же сказал тебе, я спасал нашу жизнь. А теперь, пока песня не кончилась, мне нужно спасти дружбу. Дружбу с человеком, который значит для меня очень много. И мне понадобится твоя помощь.

Моя рука соскользнула с музыкального ящика в миг, когда последние звуки растаяли в тишине опустевшего «Зимнего Сада». Я все еще сжимал стакан Дэвида и, взглянув на него, только теперь ощутил, до чего он тяжел.

Скорее всего, Дэвид предотвратил аварию.

— Ладно, Стаут, — сказал я самому себе, чтобы нарушить повисшую в зале тишину. — Похоже, ты наконец сделал, что хотел.

Я неторопливо перешел за стойку бара и поставил стакан Дэвида к другим. Выгравированные имена поблескивали золотыми буквами.

— Придется оборудовать вам особое место, — рассмеялся я, — чтобы вы напоминали мне о событиях, которых не было.

Тишина, казалось, звенела. В этом году у меня будет очень долгое и очень тихое Рождество. Я еще раз наполнил свой бокал яичным коктейлем и сел на любимый табурет Дэвида. Музыкальный ящик манил: «Подойди и включи меня, мистер Редли Стаут! Подойди и снова встретиться со своей подружкой! Сделай ей предложение! Тебе это не повредит!»

— Нет! — сказал я вслух, и эхо метнулось между пустых столов и бутылок. Как раз напротив меня на задней полке бара стояли четыре стакана. Приветствуя их, я поднял бокал.

— Доброго вам Рождества, друзья! — сказал я и добавил чуть слышно, — где бы вы ни были.

Пустые стаканы на полке никак не отозвались на мой тост и я выпил в одиночку. Похоже, подумал я с отвращением, мне не раз еще придется произносить такие безответные тосты.

Я допил коктейль и уже собирался закрывать зал, как вдруг кто-то постучал в парадную дверь.

— Закрыто! — крикнул я. — Доброго вам Рождества! — Принимать посетителей мне не хотелось.

Но человек, стоявший снаружи, продолжал стучать.

— Хорошо, хорошо! Сейчас отопру!

Я зашел за стойку бара и, стараясь не смотреть на четыре стакана, выстроившиеся наподобие надгробий в одну линию, снял ключи и отправился к двери.

Распахнув ее я услышал:

— С Рождеством, мистер Редли Стаут!

Передо мной под руку стояли Дэвид и женщина одного с ним возраста. На Дэвиде был летный китель, на ней — элегантный кожаный жакет.

— Дэвид? — сказал я. — Откуда?

Он высвободил из-под локтя женщины руку и протянул ее мне — абсолютно здоровую правую руку.

— Рука?.. — пробормотал я. — Так с ней ничего... — я запнулся. Если ни аварии, ни увечья не было, он не мог о них знать. Их и в самом деле не было!

— Познакомьтесь с моей женой Элайн, — сказал Дэвид.

— Не знаю, что и сказать. — Я взял ее руку. У меня было чувство, будто я здороваюсь с призраком. — Пожалуйста, входите! — Я отступил назад, пропуская их и ощущая головокружение от нереальности происходящего.

Дэвид с Элайн направились к бару. И первым делом подошли к музыкальному ящику.

— Каким образом тебе удалось вспомнить? — спросил я, подходя к ним сзади.

— А он ничего и не помнит, — засмеялась Элайн. Дэвид кивнул и повернулся ко мне.

— Это произошло двадцать лет назад в сочельник. По словам Элайн, я внезапно выкрикнул имя «Стаут» и остановил машину. А потом выбросил ключи от зажигания в лес. Сам не знаю, что на меня нашло.

Я засмеялся.

— Зато я знаю. Это хорошая выдумка, чтобы уж наверняка в эту ночь не двинуться с места.

— Но зачем это мне было нужно? — спросил Дэвид. — И откуда это известно вам? Я ломаю над этим голову уже двадцать лет.

— Сейчас объясню. А пока рассказывайте.

Элайн полезла в бумажник и, достав оттуда несколько ветхих листочков, протянула их мне.

— Выбросив ключи в лес, Дэвид стал лихорадочно исписывать эти листы и одновременно повторял ваше имя и название этого бара. Он хотел, чтобы я их запомнила. И заставил меня пообещать, что даже если он сам ничего не будет помнить, мы все равно придем в ваш бар именно в нынешний сочельник и именно к этому часу, чтобы с вами встретиться. Ни минутой раньше и ни минутой позже.

Дэвид взглянул на меня и пожал плечами.

— Будь я проклят, если понимаю, что делаю. Я ничего не помню. Рехнулся я тогда, что ли?

— Что-то вроде того, — согласился я.

— Вы знаете, что он еще сказал? — спросила Элайн. Она взглянула на Дэвида, и он сделал ей знак, чтобы она продолжала.

— Он тогда сказал, что это вам от него рождественский подарок.

Дэвид взглянул на меня.

— Ну как?

Я кивнул головой, боясь что-либо произнести. Но чувствовал, как мои губы невольно раздвигаются в широченную улыбку. И через миг мы все трое хохотали из-за этого. Какая прелесть эти новые друзья!

Радужным жестом я пригласил их к бару.

— Мне есть о чем вам рассказать. Вы удивитесь.

А потом, как мальчишка, бегом рванул за стойку и схватил с полки стакан с его именем.

— Это лично тебе, Дэвид, — сказал я, протягивая им стакан так, чтобы они смогли разглядеть гравировку. — Мой рождественский подарок. Я предлагаю наполнить его и выпить за дружбу.

Майк Резник Зимнее солнцестояние²⁴

Нелегко жить в обратном времени, даже если ты — Мерлин Великий. Иной подумал бы, что это не так, что все чудеса будущего сохранятся в твоей памяти... однако воспоминания тускнеют и исчезают гораздо быстрее, чем можно было надеяться. Я знаю, что Галахад победит в завтрашнем поединке, но имя его сына уже выветрилось, исчезло из моей памяти. Да и будет ли у него сын? Проживет ли сей рыцарь достаточно долго, чтобы передать свою благородную кровь потомству? Сдается мне, проживет — вроде бы я качал на колене его внука, — но и в этом я не уверен. Воспоминания ускользают от меня.

Когда-то я знал все тайны Вселенной. Одним лишь усилием мысли я мог остановить Время, повернуть его течение, обмотать его шнурком вокруг пальца. Одной лишь силой воли я мог бродить среди звезд и галактик. Я мог сотворить живое из ничего и обратить в прах целые миры живого.

Время шло — хотя и не так, как идет оно для вас — и больше эти чудеса не были мне подвластны. Однако я все еще мог выделить молекулу

ДНК и прооперировать ее, вывести уравнения, которые позволяли путешествовать в космосе, вычислить орбиту электрона.

Опять-таки текло время, и эти дары покинули меня, но все же я умел выделять пенициллин из плесени, понимал общую и специальную теории относительности и летал между континентами.

Но и это ушло безвозвратно, осталось сновидением, которое я вспоминаю лишь изредка, если вообще могу вспомнить. Была когда-то — нет, будет, вам еще предстоит повстречаться с ней — болезнь стариков, когда постепенно, частица за частицей, исчезают разум и память, все, что ты передумал и переживал — пока не остается лишь зернышко первичного «я», беззвучно вопиющего о тепле и благодати. Ты видишь, как исчезают частицы тебя, ты пытаешься спасти их из небытия, но неизменно терпишь поражение, и все это время ты осознаешь, что с тобой происходит, пока не исчезает и это осознание... Я оплачу вас в грядущем тысячелетии, но сейчас ваши мертвые лица исчезают из моей памяти, ваше отчаяние покидает мой разум, и очень скоро я даже не вспомню о вас. Ветер уносит все, ускользая от моих безумных попыток поймать, удержать, вернуть...

Я пишу все это затем, чтобы когда-нибудь кто-то — быть может, даже и *ты* — прочтет эти записи и поймет, что был я человеком добрым и нравственным, что старался, как мог, исполнять свое предназначение, и даже самый пристрастный Бог не потребовал бы от меня большего, что даже когда имена и события исчезали из моей памяти, я не уклонялся от своего долга — я служил сородичам своим как мог и умел.

Они приходят ко мне, мои сородичи, и говорят: мне больно, Мерлин. Сотвори заклинание, говорят они, и прогони боль. Мой ребенок горит в лихорадке, говорят они, а у меня пропало молоко. Сделай что-нибудь, Мерлин, говорят они, ты же величайший маг в королевстве, во всем мире, и нет равного тебе среди живущих. Уж верно, ты можешь сделать хоть что-нибудь!

Даже Артур ищет моей помощи. Война идет плохо, признается он. Язычники воюют с христианами, среди рыцарей раздоры, он не верит своей королеве. Он напоминает, что именно я когда-то открыл ему тайну Эскалибура (но это было много лет назад, и я, конечно же, ничего пока о том не знаю). Я задумчиво гляжу на него и, хотя мне уже ведом Артур, согбенный годами и измученный причудами Рока, Артур, потерявший свою Джиневру, и Круглый Стол, и мечтанья о Камелоте, — я не могу отыскать в себе ни приязни, ни сострадания к юноше, который сейчас говорит со мной. Я не знаю его, как не буду знать вчера и неделю назад.

Вскоре после полудня ко мне приходит старуха. Ее израненная рука налилась нездоровой бледностью и источает такую вонь, что у меня слезятся глаза; жужжащие мухи густо вьются над раной.

Мерлин, плачет она, я не могу больше сносить эту боль. Это похоже на роды, но только длится долго, чересчур долго. Мерлин, ты моя единственная надежда. Сотвори свое чародейское заклинание, требуй от меня, чего ни пожелаешь, только уйми эту боль!

Я смотрю на ее руку, которую разорвал клыками барсук, и меня тянет отвернуться, тошнота подкатывает к горлу. Все же я принуждаю себя осмотреть рану. Я смутно чувствую, что мне пригодилось бы нечто — не знаю даже, что именно — дабы прикрыть лицо, а если не лицо, то хотя бы рот и нос, — но не могу вспомнить, как это называется.

Рука распухла почти вдвое, и хотя сама рана посередине предплечья,

старуха кричит от боли, когда я осторожно шевелю ее пальцами. Надо бы дать ей что-нибудь, чтобы утишить боль. Смутные видения мелькают перед моим мысленным взором — нечто длинное, тонкое, как игла, вспыхивает и исчезает. Я могу что-то сделать для нее, думаю я, могу что-то дать ей, совершить чудо, которое совершал и раньше, когда мир был старше, а я моложе... но что это — я уже не помню.

Однако снять боль — этого еще мало; вовнутрь проникла зараза, это я еще помню. Я исследую рану, и вонь становится нестерпимей, старуха кричит. «Ганг»... внезапно приходит мне в голову. Слово, обозначающее состояние этой раны, начинается с «ганг», но что дальше — не помню... а если бы даже и вспомнил, я больше не могу лечить эту болезнь.

Но ведь надо же как-то прекратить мучения этой женщины. Она верит в мою мощь, она страдает, и сердце мое рвется к ней. Я бормочу заклятие, то шепчу, то монотонно напеваю. Старуха думает, что я призываю своих бестелесных слуг из Нижнего Мира, что я призываю свои магические силы, дабы помочь ей; а поскольку ей нужно верить во что-то, хоть во *что-нибудь* — я не могу сказать ей, что же я шепчу на самом деле. Господи, молюсь я, позволь мне вспомнить, хоть один-единственный раз. Когда-то много лет тому вперед, за миллионы лет в будущем я бы мог излечить эту женщину, верни же мне это знание хоть на час, хоть на минуту. Я не просил у Тебя участи жить обратно ходу Времени, это мое проклятие, и я готов нести его... но не дай из-за моего проклятия умереть этой старой женщине! Дай мне исцелить ее, а затем можешь сызнова обкрадывать мой разум и отбирать память.

Однако Господь не отвечает, а женщина все кричит и плачет, и наконец я осторожно залепляю рану грязью, чтобы мухи не кружились над ней. Должно быть какое-то лекарство — оно содержится во флаконах (Флаконы? То ли это слово?), но я не знаю, как изготовить его, не помню его цвета, запаха, состава, и я даю старухе корень, и шепчу над ним волшебные слова, и велю ей спать, положив этот корень меж грудей, и верить в его целительную силу — тогда боль скоро прекратится.

Она верит мне — не знаю, почему, но я вижу веру в ее глазах — и целует мне руки, и прижимает корень к груди, и наконец уходит; и, о диво, ей действительно как будто бы полегчало, хотя вонь из раны долго еще держится в комнате и после ее ухода.

Теперь очередь Ланселота. На будущей неделе или в будущем месяце он убьет Черного Рыцаря, но прежде я должен благословить его меч. Он толкует о том, что мы говорили друг другу вчера — я не помню этого разговора, зато помню, о чем мы будем говорить завтра.

Я пристально гляжу в его темно-карие глаза, ибо мне одному ведома его тайна, и я не знаю, сказать ли о ней Артуру. Я знаю, когда-нибудь они начнут войну именно по этой причине, но буду ли я тем, кто откроет тайну, или Джиневра сама покается в своей неверности — не помню, как не помню и того, чем закончится битва. Я пытаюсь сосредоточиться и узреть будущее — но вижу лишь город из стекла и стали, и в нем нет ни Артура, ни Ланселота, а затем видение исчезает, и я все еще не знаю, идти мне к Артуру со своим тайным знанием или же хранить молчание.

Я понимаю, что все это уже случилось, и что бы я ни сказал или сделал, и Круглый Стол, и рыцари, и сам Артур превратились в прах... но они живут по ходу Времени, и для них важно то, что на моих глазах распалось и ушло в небытие.

Ланселот говорит, и я изумляюсь силе его веры, чистоте его добродетели, пронизанной вечным сомнением. Он не боится погибнуть от руки Черного Рыцаря, но боится предстать перед Господом, если причина его смерти будет в нем самом. Я смотрю на него — человека, который изо дня в день чувствует, как крепнут узы нашей дружбы, в то время как я с каждым днем знаю его все меньше и меньше — и наконец кладу руку ему на плечо и говорю, что он победит, что мне было видение Черного Рыцаря, лежащего мертвым на поле боя, и над ним он, Ланселот, в победном торжестве подымлет свой окровавленный меч.

Ты уверен, Мерлин? — с сомнением спрашивает он.

Я говорю, что уверен. Я мог бы сказать и больше — что я вижу будущее, что теряю его с той же быстротой, с какой познаю прошлое, — но у него свои трудности, да и у меня, как я понимаю, тоже, ибо чем меньше я знаю, тем старательней должен прокладывать путь для Мерлина-юнца, который вовсе ничего не будет помнить. Это о *нем* я должен думать прежде всего — я говорю о нем в третьем лице, поскольку совершенно ничего о нем не знаю, да и он вряд ли помнит меня; тем более он не вспомнит ни Артура, ни Ланселота, ни мрачного злодея Модреда — ибо с каждым моим прошедшим днем, с каждым развернувшимся витком Времени он все меньше будет способен совладать со своими трудностями, даже определять их, не говоря уж о том, чтобы разрешать. Я должен оставить ему оружие, чтобы он мог защищать себя, оружие, с которым он справится, как бы мало он ни помнил меня, и этим оружием я избрал — суеверие. Когда-то я творил чудеса, записанные в книгах и обоснованные законами природы, теперь же, когда тайны тех чудес одна за другой исчезают в небытии, я должен заменить их чудесами, которые ослепляют зрение и поражают страхом сердца, ибо лишь обезопасив прошлое, смогу я обеспечить будущее — а его, будущее, я уже прожил. Надеюсь, я был добрым человеком, мне бы хотелось так думать, но так ли это на самом деле — не знаю. Я исследую мой разум, ищу слабости, как в телах моих пациентов ищу источники болезни — но я есть лишь сумма моего опыта и памяти, а то и другое бесследно исчезло, и остается лишь надеяться, что я не посрамил ни себя, ни Господа своего.

Ланселот уходит, а я поднимаюсь и иду бродить по замку, и странные видения наполняют мой разум, мимолетные картины, которые кажутся даже осмысленными, куда я не пытаюсь на них сосредоточиться — и тогда они становятся непостижимы. Я вижу, как бьются громадные армии, каждая из которых числом превосходит все население Артурова королевства, и я знаю, что в самом деле видел эти битвы, стоял на поле боя, быть может, даже сражался на той или иной стороне... но цвета их мне незнакомы, а оружие, которым они бьются, даже мне кажется настоящим колдовством.

Я помню огромные межзвездные корабли, которые без парусов и мачт бороздят небесные моря, и на миг мне кажется, что это сон, но почти тут же я вижу себя стоящим у оконца — я гляжу на звезды, мимо которых мы пролетаем, вижу каменистые лики и многоцветье далеких миров, а затем — миг спустя — я снова в замке, и боль безмерной потери терзает и мучит меня, точно я знаю, что даже этот сон никогда уже больше не придет ко мне.

Я решаю сосредоточиться, заставить себя вспомнить — но видения больше не появляются, и я чувствую себя старым дурнем. И зачем только я это делаю? Не знаю. Это не мог быть ни сон, ни воспоминание, ведь

всем хорошо известно, что звезды суть огни, которыми Господь освещает ночное небо, они прибиты к черному бархатному плащу... и в тот миг, когда я понимаю это, я больше уже не в силах вспомнить, как выглядели межзвездные корабли, и знаю, что очень скоро забуду даже, что когда-то они мне снились.

Я продолжаю бродить по замку и, дабы обрести уверенность, касаюсь знакомых предметов: вот эта колонна была здесь вчера, будет завтра и пребудет вовеки, ибо она вечна. Мне приятно постоянство вещей, предметов не таких эфемерных, как моя память, ведь их нельзя стереть с лица земли с той же легкостью, как из моего разума стирается прошлое. Я останавливаюсь около часовни и читаю надпись на настенной плите — по-французски она гласит, что «Часовню сию... Артур, король Бриттов». Третье слово мне незнакомо, и это беспокоит меня, ибо до сих пор я всегда мог прочесть надпись на плите, а затем я вспоминаю, что завтра утром спрошу у сэра Эктора, означает ли это слово «построил» или «возвел», а он ответит «открыл», и я запомню значение этого слова до конца моих дней.

Но сейчас меня охватывает панический страх, ибо вот я уже забываю не только образы и воспоминания, но и слова, и остается лишь гадать, не придет ли день, когда люди заговорят со мною, а я не пойму ни слова из их речи и буду лишь глядеть на них в немом смятении, глядеть большими, ласковыми и бессмысленными глазами теленка. Я понимаю, что пока потерял всего лишь одно французское слово, но и это тревожит меня, ибо в будущем я бегло говорю по-французски, и по-немецки, и по-итальянски, и... я знаю, есть еще язык, на котором я могу читать, говорить и писать, но вдруг это знание исчезает, и тогда я понимаю, что еще одно знание, еще одно воспоминание, еще одна часть меня канула в бездну, откуда нет возврата.

Я отворачиваюсь от плиты и иду назад в свои покои, стараясь не глядеть по сторонам — из страха увидеть здание или предмет, которого нет в моей памяти, что-то постоянное, но неведомое мне... а в покоях меня ждет судомойка. Она молода и весьма хороша собой, и завтра я узнаю ее имя, буду перекатывать его на языке и дивиться тому, как оно мелодично даже когда слетает с моих дряблых губ; но сейчас я смотрю на нее и осознаю, что не могу вспомнить, кто она такая. Я надеюсь, что не разделял с ней ложе — мне кажется, что чем моложе я буду становиться, тем больше буду склонен к сумасбродствам, — но надеюсь лишь потому, что не хочу задеть ее чувства; невысказанно было бы объяснить ей, что я никак не могу ее помнить, что восторги прошлой ночи, прошлого года мне еще неведомы.

Однако она явилась сюда не возлюбленной, но просительницей — у нее сын, который прячется в тени у моего порога, женщина зовет его, и он, хромая, подходит ко мне. Я смотрю на мальчика и вижу, что он колченог — лодыжка искривлена, ступня вывернута вовнутрь — и явно стыдится своего уродства.

Можешь ты помочь ему? — спрашивает судомойка. — Можешь ты сделать так, чтобы он бегал сломя голову, как другие мальчишки? Я отдам тебе все, что у меня есть, все, чего ты ни пожелаешь, только сделай его таким, как все.

Я смотрю на мальчика, на его мать и снова перевожу взгляд на мальчика. Он так юн, он почти не знает жизни, и мне так хочется помочь ему, но я уже не знаю — как. Когда-то знал... Когда-нибудь настанет

время и дети не будут идти по жизни, хромая, страдая от боли и унижения; я знаю, так оно и будет, я знаю, что когда-нибудь сумею излечивать и худшие болезни, чем колченовость; во всяком случае, я думаю, что знаю это, а наверняка знаю лишь одно — этот мальчик родился калекой, калекой он проживет жизнь и калекой умрет, и я ничего не могу с этим поделать.

Ты плачешь, Мерлин, говорит судомойка. Неужели вид моего сына так оскорбил тебя?

Нет, говорю я, не оскорбил.

Так почему же ты плачешь? — спрашивает она.

Плачу потому, что ничего другого мне не остается, отвечаю я. Плачу о жизни, которой не узнает твой сын, и о жизни, которую я забыл.

Не понимаю, говорит она.

Я тоже, отвечаю я.

Значит ли это, что ты не поможешь моему сыну? — спрашивает она.

Я не знаю, что это значит. Я вижу, как ее лицо становится старше, хуже и горестней, а потому знаю, что она еще не раз придет ко мне, но ее сына я вовсе не могу увидеть и не знаю, помогу ли ему, а если помогу, то как именно? Я закрываю глаза, вновь пытаюсь сосредоточиться и увидеть будущее. Можно ли излечить колченогих? Будут ли люди хромать и на Луне? Будут ли старики плакать оттого, что не в силах помочь? Я пытаюсь вспомнить — но воспоминания, как всегда, ускользают.

Мне надо все обдумать, говорю я наконец. Приходи завтра, может быть, я сумею тебе помочь.

Колдовством? — жадно спрашивает она.

Да, говорю я, колдовством.

Она подзывает мальчика, и они уходят вдвоем, и я понимаю, что ночью она вернется одна, во всяком случае, я почти уверен, что завтра узнаю ее имя. Мэриан, либо Миранда, или еще какое-то имя, начинающееся на «М», а может быть, Элизабет. Но я знаю, я почти уверен, что женщина вернется, ибо сейчас лицо ее кажется мне более реальным, чем когда я только увидел ее. Или я не видел ее прежде? Все труднее и труднее отделять события от воспоминаний, воспоминания от сновидений.

Я сосредотачиваюсь на ее лице, лице Мэриан либо Миранды, но видится мне совсем иное лицо, прекрасное лицо со светло-голубыми глазами, с высокими скулами и сильным ртом; лицо, обрамленное длинными каштаново-рыжими волосами. Это лицо некогда много значило для меня, и когда я вижу его, то ощущаю нежность, тревогу, боль потери, но почему — не знаю. Я инстинктивно чувствую, что это лицо значило... будет значить для меня больше, гораздо больше, чем другие, что оно принесет мне горе и счастье, подобных которым я не ведал ранее. Есть еще имя — не Мэриан или Миранда, как-то иначе; я пытаюсь вспомнить его, но бесполезно — чем ожесточеннее мои попытки, тем легче оно ускользает от меня.

Любил ли я ту, которой принадлежит это лицо? Принесем ли мы друг другу радость и счастье? Произведем ли на свет здоровых крепких ребятшек, чтобы утешали нас в старости? Не знаю, ведь моя старость прошла, а ее еще не наступила, и я забыл то, чего она еще не знает.

Я пытаюсь яснее представить ее лицо. Как мы встретимся? Что привлечет меня к тебе? Есть, верно, сотни мелких привычек, недостатков и достоинств, из-за которых я полюблю тебя. Какую жизнь ты проживешь,

какой смертью умрешь? Буду ли я при тебе, чтобы облегчить последние минуты, и кто облегчит мое существование, когда тебя не станет? К лучшему ли, что я не могу больше вспомнить ответа на эти вопросы?

Мне кажется, что если я сумею как следует сосредоточиться, то непременно вспомню все. Ничье лицо никогда не было так важно для меня, даже лицо Артура, и я отсекаю все прочие мысли, закрываю глаза и сотворяю ее лицо (ну да, *сотворяю* — в конце концов, Мерлин я или нет?) — но сейчас я уже не уверен, что это именно ее лицо. Такой ли формы был ее рот? Так ли светлы глаза, такого ли каштанового оттенка волосы? Сомнения овладевают мной, и я воображаю, что глаза ее темнее, волосы светлей и короче, нос тоньше; и тогда я понимаю, что никогда в жизни не видел этого лица, что мои же сомнения обманули меня, что память еще не окончательно мне изменила, и я снова пытаюсь воссоздать ее портрет на холсте моего разума, но ничего не выходит — пропорции неверны, цвета расплывчаты, — но все равно я цепляюсь за это сходство, ибо если я потеряю ее сейчас, то потеряю навеки. Я обращаю все внимание на глаза, делаю их больше, синее, светлее, и наконец остаюсь ими доволен, но теперь они на лице, которое совершенно мне незнакомо, а истинное ее лицо ускользает от меня с той же легкостью, что и ее имя, и ее жизнь.

Я прихожу в себя и понимаю, что сижу в собственном кресле. Я вздыхаю. Не знаю, сколько я просидел вот так, пытаюсь вспомнить лицо... лицо женщины, но теперь я и в этом не уверен... и тут я слышу деликатное покашливание, поднимаю голову и вижу, что рядом стоит Артур.

Нам нужно поговорить, мой старый друг и учитель, говорит он, придвигая другое кресло и усаживаясь.

Нужно? — переспрашиваю я.

Он твердо кивает. Круглый Стол распадается, говорит он серьезно. В королевстве неладно.

Так защити свои права и восстанови прежний порядок, говорю я, все еще не зная, что он имеет в виду.

Это не так-то легко, говорит он.

Это всегда нелегко, отвечаю я.

Мне нужен Ланселот, говорит Артур. Он лучший из лучших, и после тебя он самый близкий мой друг и советник. Он думает, я не знаю, что он творит, но я знаю, хотя делаю вид, что не знаю.

Что ты предлагаешь сделать? — спрашиваю я.

Артур оборачивается ко мне, в глазах его мука. Не знаю, говорит он. Я люблю их обоих, я не желаю причинять им боли, но самое главное — не я, не Ланселот, не королева, а Круглый Стол. Я создал его, чтобы он существовал вечно, и он должен уцелеть.

Нет ничего вечного, говорю я.

Есть, убежденно отвечает он. Идеалы. Есть Добро и есть Зло, и тех, кто верит в Добро, должно поднять и счесть.

Разве ты не сделал этого? — спрашиваю я.

Да, говорит Артур, но до сих сделать выбор было легко. Теперь я не знаю, какой путь мне избрать. Если я перестану притворяться незнающим, я должен буду убить Ланселота и сжечь королеву на костре, а это наверняка разрушит Круглый Стол. Он умолкает и глядит на меня. Скажи мне правду, Мерлин, говорит он. Будет ли Ланселот лучшим королем, нежели я? Я должен это знать, ибо если это спасет Круглый

Стол, я готов отступить, и он обретет все — трон, королеву, Камелот. Но я должен знать наврное!

Кто знает, что сулит будущее? — отзываюсь я.

Ты знаешь, говорит он. Во всяком случае, так ты говорил мне, когда я был еще мальчишкой.

В самом деле? — с любопытством спрашиваю я. Должно быть, я ошибался. Будущее так же непознаваемо, как прошлое.

Но ведь все знают прошлое, говорит он. Люди боятся именно будущего.

Люди боятся неведомого, в чем бы оно ни крылось, говорю я.

По-моему, говорит Артур, только трусы боятся неведомого. Когда я был молод и создавал Круглый Стол, я не ждал, когда настанет будущее. Я просыпался за час до рассвета и лежал в постели, трепеща от волнения, мечтая увидеть, какие новые победы принесет мне новый день. Вдруг он вздыхает и словно начинает стареть у меня на глазах. Но я уже не тот, продолжает он после глубокомысленного молчания, и теперь я боюсь будущего. Я боюсь за Джиневру, за Ланселота, за Круглый Стол.

Ты не этого боишься, говорю я.

О чем ты? — спрашивает он.

Ты боишься того, чего боятся все люди, говорю я.

Не понимаю, говорит Артур.

Верно, отвечаю я. А теперь ты боишься даже признаться в собственном страхе.

Он делает глубокий вдох и прямо, не мигая, смотрит мне в глаза, ибо он воистину храбр и честен Ладно, говорит он наконец. Я боюсь за *себя*.

Это же естественно, говорю я.

Он качает головой. Мерлин, говорит он, это чувство *неестественно*.

Вот как, говорю я.

Я потерпел неудачу, Мерлин, продолжает он. Все распадается вокруг меня — и Круглый Стол, и причины, по которым я его создал. Я прожил лучшую жизнь, какую только мог прожить, но, видно, вышло это недостаточно хорошо. Теперь мне осталось только умереть — он неловко умолкает — и я боюсь, что умру не лучше, чем жил.

Сердце мое рвется к нему, юноше, которого я не знаю, но когда-нибудь узнаю, и я ободряюще кладу руку ему на плечо.

Я король, продолжает он, а если король ничего иного не делает, он должен умереть достойно и благородно.

Государь, говорю я, ты умрешь достойно.

Правда? — неуверенно переспрашивает он. Погибну ли я в бою, сражаясь за свою веру, когда другие покинут меня — или я умру дряхлым, болтливым, выжившим из ума стариком, который не осознает, что творится вокруг?

Я решаю еще раз заглянуть в будущее, чтобы успокоить его. Я закрываю глаза и смотрю перед собой, но вижу не безумного лопочущего старца, а бездумного лепечущего младенца, и этот младенец — я сам.

Артур пытается заглянуть в будущее, которого он боится, а я, живущий в обратном направлении, гляжу в будущее, которого боюсь я... и я понимаю, что различья между нами нет, что именно в таком унижительном состоянии человек вступает в мир и покидает его, и лучше бы ему научиться сполна использовать время между приходом и уходом, ибо ничего иного не дано.

Я повторяю Артуру, что он умрет смертью, о которой мечтает, и

наконец он уходит, а я остаюсь наедине со своими мыслями. Надеюсь, что смогу встретить свою кончину с той же отвагой, с которой Артур готов встретить свою... но сомневаюсь, что мне это удастся, ибо Артур может лишь догадываться, в каком обличье придет к нему смерть, а я вижу свой конец с ужасающей ясностью. Я пытаюсь вспомнить, как же умрет Артур, но и это воспоминание исчезло, растворилось во мгле Времени, и я понимаю, что осталось совсем немного частиц меня, которым суждено распасться — и я превращусь в того самого младенца, знающего только голод и страх. Не конец мучает меня, но осознание конца, ужасное понимание того, что это происходит со мной — а я лишь бессильно наблюдаю за распадом того, что некогда сделало меня Мерлином.

Юноша проходит мимо двери и машет мне рукой. Я не помню, чтобы видел его раньше.

Сэр Пеллинор останавливается, чтобы поблагодарить меня. За что? Не помню.

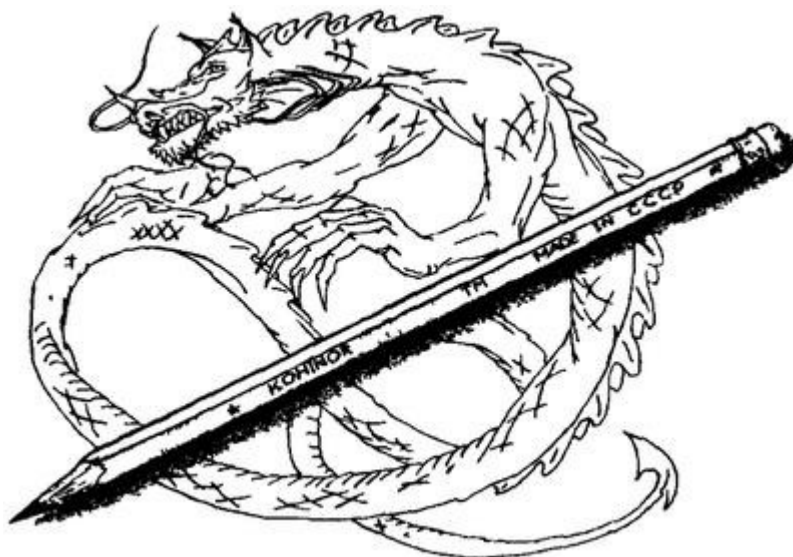
Почти стемнело. Я жду кого-то. Я полагаю, что это женщина; я почти вижу ее лицо. Верно, надо приготовить спальню до ее появления... и вдруг я понимаю, что забыл, где находится спальня. Надо поскорее записать все, пока еще я не лишился дара письменности.

Все исчезает, ускользает, уносится с ветром.

Пожалуйста, кто-нибудь, помогите мне.

Мне страшно.

Средиземье — Земноморье — Лукоморье

Зинаида Бобырь
История — Сага — Поэзия

«Большая книга вышла в свет — целый мир образов, мыслей и настроений. Ее покупали, читали и откладывали».

Этой цитатой из гамсуновской «Виктории» можно — хотя и далеко не в полной мере — охарактеризовать тетралогия Джона Рональда Руэла

Толкина (Tolkien) — «Туда и обратно» и «Повесть о кольце». Это действительно «большая книга», и в ней заключен целый мир, обширный и разнообразный, имеющий не только собственную историю, географию и пестрое, необычайное население, но и свою систему ценностей и свою моральную атмосферу. И об этой книге мало сказать, что ее «покупали и читали», нет, ее расхватывали, ею увлекались, когда она только что вышла, — в середине 50-х годов, — расхватывают и увлекаются сейчас: в первые же пять лет она выдержала восемь изданий и продолжает выходить и поныне.

Джон Рональд Руэл Толкин принадлежит к тем ученым-писателям, кому их специальность в науке дает стимул к художественному творчеству. Родившись в первых числах января 1892 года, к началу первой мировой войны он окончил Эксетерский колледж в Оксфорде и в 1924 году стал профессором английского языка в Лидсе, а затем перешел на ту же должность в Оксфорд.

Толкин являлся вице-президентом Филологического общества в Англии, почетным доктором литературы и философии университетов Дублина и Льежа, членом нескольких ученых обществ в Англии и за ее рубежами, специализируясь на филологии раннего германского Средневековья. Интересом к фольклору севера Европы объясняются многие черты тетралогии, особенно же — ее центральный миф.

Общая атмосфера «Повести» — это атмосфера *долга* и *подвига*. Выполнение своей миссии, несмотря ни на какие препятствия; дружба и привязанность, не признающие племенных преград, не останавливающиеся ни перед какими жертвами; настойчивость в борьбе с Врагом, столь могучим, что самая борьба кажется бесполезной, если не опирается на моральные факторы; способность сострадать и щадить, исключаящая бесполезную жестокость; истинно рыцарская любовь, не внешне галантная, — все это есть в «Повести», и совокупность этих черт придает ей неотразимую привлекательность.

Мир, созданный Толкином, увлекает нас в бездны древности, к тому, что он называет Третьей эпохой Среднего Мира. Этот мир населен густо, и Люди — не единственные его разумные обитатели. Вернее будет сказать, что в ряду разумных существ они занимают промежуточное положение. Выше Людей стоят Кудесники и Эльфы, обладатели сил и способностей, которые мы, за неимением лучшего термина, называем магическими, так как у нас их нет. Несколько ниже Людей стоят Коротыши — человечки небольшого роста, «добродушный и трудолюбивый народец, отнюдь не наделенный в избытке духом предприимчивости и отваги». Но в центре событий «Повести» становятся представители именно этого скромного племени; именно они совершают то, что не под силу ни могучим Людям, ни вооруженным магическими силами Эльфам и Кудесникам.

Толкин рисует свой мир подробно и всегда в тонах совершенной достоверности. Не всякому автору удастся добиться такого «эффекта присутствия», а тем более — в фантастическом сюжете. Читая «Повесть», невозможно не верить в ее обстановку и события. Этот мир необычаен, но он управляется строгими законами. В нем нет зыбкости сна, нет произвольных допущений; это не Страна Чудес, как у Кэрролла, и не Страна Оз, как у Фрэнка Баума: это *настоящий* мир, хотя и отличающийся от нашего. Он поразительно целен и конкретен. Мы можем представить себе его протяженность; можем — и один из критиков

сделал это — определить его размеры, высчитать длину пути Фродо от начала до конца; мы ясно видим структуру общества в этом мире, уровень его технического развития. Эльфа, Орка, Коротыша — каждого можно узнать с первого взгляда, каждый занимает свое место, и — в противоположность любой Стране Чудес — никогда один не превращается в другого.

2

По своей структуре тетралогия несколько сходна с Песней о Нибелунгах: в центре сюжета стоит магическое кольцо, дающее целому свое имя. Но в разработке темы магического кольца Толкин идет своими путями.

Основной движущей силой тетралогии является Кольцо Власти: это могущественный талисман, созданный задолго до начала событий Сауроном, повелителем темных сил, владыкой Страны Мрака — Мордора. Кольцо дает своему носителю огромную власть над миром, исполняет все его желания — но вместе с тем развращает его мысль и волю, обращает все его замыслы и действия во зло и в конце концов превращает его самого в призрак, всецело покорный злой воле Саурана. В результате целого ряда сложных событий, частично изложенных в «Туда и обратно», Кольцо попало к Коротышу по имени Фродо, не знающему о его силе ничего, кроме того, что оно способно делать своего носителя невидимым. Некогда Саурон лишился своего талисмана, но с тех пор все время разыскивал его и наконец узнал, где он находится. Уже он высылает за ним своих страшных, темных слуг; а если Кольцо вернется к нему, то даст ему полную и вечную власть над всем миром. И вот перед Фродо — скромным Коротышом — встает огромная, почти невыполнимая задача: во имя спасения своей страны и всего остального мира уничтожить Кольцо Власти. А это можно сделать, только бросив его в огненный зев Горы Ужаса в самом сердце страны Всеобщего Врага.

Итак, по совету своего друга и покровителя, доброго кудесника Гандальфа, Фродо покидает свой родной дом и родной край и уходит на восток — направление, всегда считавшееся страшным и опасным. В пути его сопровождают трое друзей — Сэм, Пиппин и Мерри — не знающие о действительной цели путешествия; позже к ним присоединяется Человек, по имени Арагорн, и скрытыми путями, много раз спасая от опасностей, ведет их в долину Ривенделля, где обитает со своим племенем Эльфов мудрый Эльронд. В стычке с загадочными преследователями — черными всадниками на черных конях, посланцами Саурана — Фродо тяжело ранен; в Ривенделле его привозят почти мертвым, и Эльронду лишь с большим трудом удается спасти его. В Ривенделле происходит совещание, на котором Фродо (и с ним читатель) узнает всю историю Кольца и начинает постигать его значение как угрозы для всего мира. Проблема спасения от этой угрозы рассмотрена на совещании со всех сторон, но решение для нее есть только одно: Кольцо нужно уничтожить. Другого выхода нет. Для выполнения этой невероятно трудной задачи Эльронд мог бы назначить кого-нибудь из своих родичей — Эльфов, но Фродо берет ее на себя, и берет добровольно. Таков его первый шаг на пути к подвигу.

Из Ривенделля Фродо выходит в сопровождении целого отряда, в котором есть представители всех разумных и добрых племен Среднего Мира: от Людей — Арагорн и Боромир, от Эльфов — Леголас, от Карликов

— Гимли. Во главе отряда становится Гандальф; но он впоследствии погибает, ценою собственной жизни спасая остальных от подземного чудовища — Огнемрака.

После гибели Гандальфа вождем Отряда становится Арагорн; продолжая путь на восток, он приводит своих спутников в Лориен — страну золотолиственных лесов, обиталище Эльфов, которыми правит мудрая Галадриэль. После недолгого отдыха в этой благословенной стране, где «все прекрасно, как в первый день мироздания», где «каждый миг словно превращается в вечность, а то, что было, не исчезает», Отряд отплывает по Андуину — Великой Реке, отделяющей Страны Запада от Стран Востока, — на юг, в сторону, где лежит Мордор. На прощание все его участники получили от Эльфов драгоценные подарки. Самый драгоценный достался Фродо, как Кольценосцу: хрустальный флакон, наполненный звездным светом и таящий в себе часть магической силы Повелительницы Эльфов. Эта «звездная склянка» в дальнейшем несколько раз помогает ему в Стране Мрака.

На десятый день плавания Отряд достиг места, где его участники должны выбрать свой дальнейший путь: будут ли они сопровождать Кольценосца дальше на восток, в Мордор, или же останутся на западном берегу Реки и примут участие в борьбе Стран Запада против Темного Владыки. И здесь впервые проявилась открыто злая сила Кольца: Боромир стал уговаривать Фродо не нести Кольцо в Мордор, а отдать ему и использовать для борьбы с Сауроном; а когда Фродо отказался наотрез, Боромир напал на него, чтобы отнять талисман силой. Фродо спасся, только уйдя в невидимость, даваемую Кольцом; но он тут же решил покинуть отряд и уйти в Мордор:

«Я пойду один. Кое-кому я не могу доверять, а те, кому могу, слишком мне дороги: Сэм и Мерри, и Пиппин. И Странник тоже...»

К Страннику — это другое имя Арагорна — Фродо успел за это время привязаться, хотя сначала не хотел брать его себе в спутники.

Правда, уйти одному Фродо не удалось: к нему присоединяется — сначала против его воли — Сэм. Вдвоем они переправились через Реку и стали искать путей, которые повели бы их дальше на восток. Так заканчивается первая часть «Повести».

В дальнейшем повествование начинает двоиться и даже троиться, так как члены первоначального Отряда рассеиваются небольшими группами и каждый из них идет своими путями. Но цель у них одна — борьба с одним Врагом, — и в результате различных сложных событий все они (кроме Боромира, в начале второй части погибающего в стычке с Орками), собираются в белокаменном многобашенном Минае Тирите, столице Гондора, против которого Враг уже двинул свои грозные силы.

Война, о которой глухо говорилось на совещании в Ривенделле, пришла, и, несмотря на фантастичность сюжета и обстановки, она описана вполне реалистично, похожа на ту, которую пережили мы сами. Конечно, здесь нет ни танков, ни артиллерии. Зато здесь есть и непонятное для непосвященного передвижение войск, и бегство горожан, и ужасы блокады, и внезапно вспыхивающие порывы фронтовой дружбы. Весь воздух содрогается от стука подков, от боевых кличей, от лязга оружия. И в то же время далеко от полей битвы, среди зловещих утесов Эфель Дуата, а потом среди мрачных теней Мордора, две крохотных, слабых фигурки, напрягая остатки сил, пробираются все ближе и ближе к Горе Ужаса. И мы верим и знаем, что судьбы всего мира зависят от этих

двоих в гораздо большей мере, чем от доблести защитников Гондора. Этот контраст — поразительная структурная находка, во много раз усиливающая пафос, величие и иронию всей вещи.

На своем пути от Парт Галена к востоку Фродо и Сэм столкнулись с Голлумом, жалким, злобным, вечно голодным существом. Голлум когда-то тоже владел Кольцом Власти, но потом лишился его (об этом подробно рассказано в «Туда и обратно»), и с тех пор жаждет вернуть себе. Он выследил Кольценосца еще в подземельях Мориа, но не решился приблизиться и оставался для него и для всего Отряда невидимым. Встретив Голлума, Фродо победил и укротил его собственной духовной силой, хотя и с помощью Кольца. Голлум ведет их через обширные, мрачные Болота Смерти, а потом вдоль подножия Эфель Дуата к перевалу, где есть потайной вход в Мордор, якобы никому, кроме него, не известный. И тут злобная природа снова берет в нем верх: заманив Коротышей в подземный лабиринт, он предает их Шелоб — «чудовищу в образе паука», пожирательнице всего живого. Фродо укушен ею и падает замертво; Голлум исчезает, и Сэм, с риском для жизни ранивший и отогнавший Шелоб, остается на рубежах Мордора один.

Здесь, когда его дружбе с Фродо приходит видимый горький конец, о терзаниях бедного Сэма нельзя читать без волнения. Все попытки оживить Фродо остаются тщетными. Одну за другой перебирает Сэм оставшиеся ему возможности: должен ли он мстить за Фродо, или покончить с собой («это значило бы не сделать ничего, даже для скорби»), или вернуться в Лориен за помощью и советом. И, отвергнув все это, он принимает решение взять Кольцо у Фродо и продолжать Миссию самому.

Решение поистине героическое, так как к этому моменту Сэм уже знает всю силу, все возможности и всю опасность талисмана; но привязанность к Фродо и сознание долга не позволяют ему отступить. И это решение оказывается правильным, так как проникнув в крепость, Сэм находит там унесенного Орками Фродо, живого, очнувшегося от действия яда. Они вместе бегут из крепости и начинают пробираться к Горе Ужаса.

В конце концов, ценой крайних усилий им это удастся. Фродо достигает Огненной Пропasti. Но здесь, в самом конце опасного пути, победив всех врагов и все препятствия, он сам оказывается побежденным силою Кольца, непрестанно возраставшей по мере приближения к своему источнику. Вместо того, чтобы бросить Кольцо в огонь, Фродо надевает его на палец и объявляет: «Кольцо принадлежит мне», не сознавая, что отныне он сам принадлежит Саурону.

И в этот момент приходит неожиданное спасение: Голлум, выследивший Кольценосца и в Мордоре, накидывается на него, пытаясь отнять Кольцо; а когда это ему не удастся, откусывает его у Фродо вместе с пальцем, но, торжествуя победу, падает со своей добычей в пропасть. Таким образом Миссия все же выполнена, и вместе с гибелью своего талисмана гибнет и Саурон.

В последних главах «Повести» Коротыши возвращаются в свой родной Шир, наводят в нем прежний порядок, — так как за это время страна была захвачена Орками, нахлынувшими с севера, — и возвращают ему процветание. Сэм, Мерри, Пиппин — все они так или иначе находят свое счастье. Но для Фродо счастья больше нет, как нет и спокойствия; последний жест, завершающий Миссию, был сделан не им, а кроме того, он несет на себе три неисцелимых раны: от клинка Черных Всадников, от

жала Шелоб, от зубов Голлума. Он переменялся настолько, что ему больше нет места в жизни. И Эльфы, отплывая на свою таинственную родину где-то далеко за морем на западе (это заменяет им смерть), берут его с собой туда.

3

Таков скелет «Повести о Кольце», но никакой скелет не может дать понятия о богатстве и великолепии живой плоти, которой он служит опорой. Толкин неистощимо изобретателен в придумывании ситуаций и эпизодов, в изображении пейзажей, в переплетании мотивов и событий. Он умеет рисовать как страх, уродство, ужас, тревожное напряжение (например, в эпизоде с Шелоб), так и красоту, смех, благородство, радость; а в искусстве давать имена с ним едва ли может сравниться какой-либо из известных писателей, живых или мертвых. Его стиль всегда логичен и убедителен, графически четок в описаниях, иногда с оттенком суховатого, «профессорского» юмора; его язык поразительно сдержан и почти лишен литературных украшений. Приведу для примера хотя бы описание Мордора, каким видит его Сэм с перевала на Эфель Дуате:

«Суровой, и мрачной, и безотрадной была страна, представшая его взгляду. У самых его ног высочайший гребень Эфель Дуата круто обрывался огромными утесами в темное ущелье, по ту сторону которого поднимался другой гребень, гораздо ниже; его рваный, иззубренный край словно скалился клыками, черными на фоне красного отсвета позади: то были мрачные Моргай, внутреннее кольцо. Далеко за ними, но почти прямо впереди, за обширным, усеянным крохотными огоньками озером мрака, пылал словно великий костер; а из него поднимались столбы вьющегося дыма, тускло-красные у основания, черные вверху, где они сливались с клубящимся покровом, нависающим над всей проклятой страной».

Одна любопытная особенность стиля Толкина состоит в том, что, подробно описывая пейзажи и обстановку, он почти ничего не говорит о внешности своих персонажей. Вернее, говорит самыми общими словами. Портреты даны очень бегло — Арагорн — «высокий и темноволосый», Эомер — «выше всех ростом», Фарамир — «высокий и статный», как и его воины, Эовин — «высокая и стройная». Но в своих речах и поступках они индивидуальны, и спутать одного с другим — очень трудно.

Примечателен в этом отношении образ Голлума, существа отвратительного и одновременно притягательного. Но даже он не описан подробно. Его портрет дается словно пунктиром: упоминаются то его бледно светящиеся глаза, то неестественная худоба, то длинные цепкие руки, то острые зубы; но по этим отрывочным деталям, по манере говорить, шипящей и свистящей, особенно по поведению, его можно представить себе отчетливо и во всех подробностях.

Всего поразительнее здесь образ Саурона, Темного Владыки, повелителя Мордора и всех темных сил в Среднем Море. У Кольца Власти, в числе прочих свойств, есть одно необычное: оно превращает своих носителей в призраки, ибо лишает их того, что для живых существ всего драгоценнее — неповторимой индивидуальности. В Сауроне эта черта доведена до предела — он в совершенстве описан тем, что не описан вовсе. Единственное, что мы видим от него — это Кольцо, как отражение его сущности, и огненное Око, как некую дань физической природе

(таким его видит Фродо в магическом Зеркале Галадриэль). И больше ничего. Он — олицетворение Зла, и потому у него нет никакой индивидуальности.

Эта потеря своего лица, потеря слугами Зла своей индивидуальности связана с чрезвычайно последовательно проводимой у Толкина концепцией: свободу выбора и возможность духовного развития сохраняет только тот, кто в каждой данной ситуации активно избирает путь Добра; но кто выбирает Зло, тот теряет внутреннюю свободу и становится рабом. Чтобы свернуть с такого пути, нужно сделать сознательное внутреннее усилие, на которое не всякий способен. Это хорошо видно на примерах Голлума и Сарумана. В одной из самых глубоких по значению сцен «Повести» (во второй части) Гандальф предлагает Саруману полную свободу — включая свободу уйти в Мордор — в обмен на отказ от коварных козней. Саруман «изменил Западу, примкнув к Темному Владыке, но изменил и Мордору, ибо стремился сам завладеть Кольцом». Для него самого было бы благом, если бы он принял условия, поставленные ему Гандальфом; но он уже слишком поддался злу, чтобы принять предложенную ему свободу, и остается рабом своих дурных склонностей.

Путь Сарумана — это путь деградации. Лишенный Гандальфом магических сил, изгнанный из своей твердыни, он опускался все ниже и ниже — к разбойничьему захвату беззащитного Шира, а позже — к предательскому покушению на жизнь Фродо, который, победив, только что пощадил его. Убитый своим спутником, с которым его связывает лишь взаимная ненависть, он почти мгновенно превращается в кучку костей, сухих, «словно смерть уже давно владела ими». Символика этой сцены ясна — кто подчиняется Злу, тот мертв, хотя бы и казался живым.

В противоположность Саруману, Гандальф совершенно лишен эгоизма и властолюбия. Могучий Кудесник, обладающий силами и знаниями, ставящими его гораздо выше Людей, а иногда и выше Эльфов, отдает их на службу всему миру, стремясь сохранить его и спасти от угрозы Саурана. В Мориа он ценой собственной жизни спасает Отряд от гибели, и этот акт самоотвержения поднимает его на еще более высокую ступень — он не только возвращается к жизни, но и приобретает новое могущество.

Активный выбор Добра как условие духовного роста яснее всего виден на примере самого Фродо. Он отнюдь не принадлежит к героическому типу, как Арагорн или Фарамир, или даже Гандальф; страшная задача — уничтожить Кольцо — обрушивается на него неожиданно, и в первый момент он пытается отказаться от нее. Но уже само решение взять ее на себя придает ему сил. Закон активного выбора Добра начинает действовать. В дальнейшем этот выбор встает перед Фродо не раз: в дебрях Туманных гор, в Ривенделле, в Лориене — каждый раз ему приходится решать, продолжать ли борьбу со Злом или отказаться от нее. Очень остро встает этот выбор в драматическом эпизоде с Боромиром, когда, чтобы продолжать борьбу, Фродо решает покинуть своих друзей и идти в Мордор один. Но еще более драматичный выбор между Злом и Добром в эпизоде укрощения Голлума, когда Фродо находит в себе силы пощадить это коварное и жалкое существо, жалостью привлечь и даже как-то привязать его к себе.

Концепция активного выбора в пользу Добра приводит нас к одной из самых своеобразных черт Среднего Мира: при общем высоком морально-

этическом уровне, он совершенно безрелигиозен. В нем нет никаких божеств — ни добрых, ни злых; даже Саурон, несомненно сатанинский по характеру и функции (недаром его имя напоминает о Змее), не всемогущ и не бессмертен. Нет ни молитв, ни каких бы то ни было культовых действий: обращаясь к Огнемраку на мосту Хаазад-дум в Мориа, Гандальф говорит с ним от своего собственного имени, а не от имени какой-либо высшей силы. А обряд, выполняемый перед трапезой Фарамиром и его воинами, похож больше на акт учтивости, чем на культовый акт. Противники Саурона черпают силы для борьбы с ним в себе самих, а не в общении с каким-нибудь потусторонним миром, и это только возвышает их в наших глазах. Нет здесь и таких элементов религии, как понятие о грехе и загробном воздаянии. Система моральных ценностей настолько очевидна, что не нуждается в понятии греха, а о загробной жизни нет даже представления. Смертны все племена в Среднем Мире, смертны даже могучие кудесники. Одни только Эльфы не умирают, но, покидая этот мир, возвращаются на свою таинственную родину, где-то далеко на Западе, за Великим Морем. По аналогии с этим можно представить, что и Люди, и Коротыши, и Карлики — все равно смотрят на смерть, как на возвращение к некоему исходному состоянию, где не может быть речи ни о награде, ни о каре. Высокий этос сторонников Добра не обусловлен никакой религией; но, может быть, мир, в котором есть такое олицетворение Зла, как Саурон, и такие носители Добра, как Эльфы и Кудесники — такой мир и не нуждается в формальной религии.

4

Борьба Добра со Злом есть основная идея «Повести»; в ходе этой борьбы проявляется характер каждого из персонажей. Заметнее всех прочих развиваются на протяжении сюжета характеры Коротышей, особенно Фродо и Сэма.

В начале «Повести» Фродо — это простой Коротыш, чуждый «духу предприимчивости и отваги». В нем нет ничего героического, его первая реакция на проблему Кольца — страх. Но взяв на себя задачу доставить Кольцо в Ривенделль, «на консультацию» — как сказали бы мы теперь — к мудрому Эльронду, он уже поднимается на первую ступень к героизму и открывает в себе силы, о которых не мог даже подозревать. «Где я найду отвагу, чтобы продолжать путь?» — жалобно восклицает он в беседе с Гильдором, и Эльф отвечает ему «Отвагу часто находят там, где не ждут». Фродо и находит ее там, где не ждал — в самом себе. На совещании в Ривенделле он ясно видит всю угрозу Кольца и всю тяжесть предстоящей задачи. Он испуган, ему хотелось бы остаться здесь, под кровом прекрасного и мудрого правителя Эльфов, но, преодолев страх, он заявляет о готовности взять отчаянную Миссию на себя. Он и в дальнейшем неоднократно признается, что испуган. Он трепещет от страха в подземельях Мориа и с дрожью ужаса смотрит на мрачные равнины Мордора. Но снова и снова находит в себе силы преодолеть страх, бороться с опасностями и побеждать их. Трижды проходит он сквозь смерть, но познав смерть, он познает и ценность жизни. И если опасности закалили скромного Коротыша, то страдания научили сострадать. Услышав о Голлуме впервые, он говорит: «Какая жалость, что Бильбо не убил эту гнусную тварь!» Но сам, встретившись с Голлумом, жалеет и щадит его, а позже заступает за него перед Фарамиром. Он

щадит и Сарумана, даже после того, как бывший кудесник хотел предательски убить его. Он находит доброе слово даже для ставшего жалким Гримы. Но это вовсе не мягкотелость: в стычках с Орками он так же беспощаден, как и все прочие, потому что Орки — враги жизни.

Столь же заметно изменяется на протяжении сюжета характер Сэма. Садовник и сын садовника, он сначала занимает при своем друге несколько подчиненное положение. Но уже во второй части он становится гораздо активнее, особенно в отношениях с Голлумом, а после столкновения с Шелоб активная роль окончательно переходит к нему. Теперь он — не просто помощник Кольценосца, но его единственная поддержка и «движущая сила» — без него Фродо, измученный гнетом Заклятого Кольца, нарастающим по мере приближения к своему первоисточнику, не смог бы сделать ни шагу. Сэм ведет его, ободряет, поддерживает, отдает ему последние капли воды в безводной пустыне вокруг Ородруина. Сэм, напрягая последние силы, помогает ему подняться на Гору Ужаса, а потом старается спасти его во время катаклизма и готов погибнуть вместе с ним. А когда оба они спасены и возвращены к жизни, Арагорн воздает должное неожиданному для него самому героизму Сэма: «Долг был путь для всех нас, — говорит он, — но твой был самым долгим». Вершиной этого пути духовного развития нужно считать эпизод с Голлумом на склоне Ородруина, когда Сэм готов был убить это коварное существо, но ему помешала жалость, доселе незнакомая:

«Рука у Сэма дрогнула. Душа у него кипела от гнева при воспоминании о претерпленном ими зле. Было бы только справедливо убить это злобное, коварное создание, — справедливо и многократно заслуженно; и это казалось единственным верным поступком. Но в глубине сердца у Сэма было нечто, удержавшее его руку: он не мог ударить это существо, распростертое в пыли, побежденное, одинокое, разбитое до конца. Он сам, хоть и недолго, был Кольценосцем, и теперь он смутно догадывался о муках иссохшего тела и души Голлума, поработленного Кольцом, неспособного больше найти в жизни успокоение или отдых. Но у Сэма не было слов, чтобы выразить свои чувства.

— Ох, будь ты проклят, вонючая тварь! — сказал он. — Убирайся! Прочь отсюда! Я тебе не доверяю, я хотел бы пнуть тебя. Но уходи, иначе я сделаю тебе больно, да, холодной, острой сталью!»

Даже в этот миг крайней опасности он находит в себе силы, чтобы передразнить повизгивающую речь своего недруга.

Арагорн, Фарамир, Гандальф — это герои, так сказать, по праву рождения. Но Фродо становится героем в силу обстоятельств, в которых очутился, а на Сэма героизм буквально наложен извне и, в сущности, остается ему чуждым, так что в дальнейшем Сэм без труда сбрасывает его с себя. Вернувшись в Шир, он возвращается и к прежней роли садовника — восстанавливает сады и леса, уничтоженные врагами, и это занятие более ему по душе, чем героические подвиги.

Изменяются, развиваясь, и другие характеры. Беспечный Мерри находит в себе силу и отвагу, чтобы сразить Вождя Призраков. Взрослеет, теряя свою детскую строптивость, проказливый Пиппин. О деградации Сарумана и росте Гандальфа уже говорилось. Но всего разительнее — если не считать Кольценосца и его спутника — перемены в характере Эовин. Вначале холодная, как «раннее утро ранней весны», воительница, задыхающаяся в стенах девичьего терема и мечтающая только о боевых

подвигах (и в обличье юного воина совершающая их), смертельно раненная Королем-Призраком, но возвращенная к жизни Арагорном, которого она безнадежно любит, — впоследствии, встретив «серьезного и ласкового» Фарамира, она постепенно оттаивает и даже отказывается ради него от прежней воинственности.

5

Любовь, в различных своих видах вообще играет большую роль в атмосфере «Повести». Мы видим здесь героическую любовь к родине; отеческую любовь Гандальфа к Коротышам и их сыновнее отношение к нему; любовь как сострадание и жалость — «дар мягкого сердца», по выражению Фарамира; любовь-дружбу как исключительную привязанность одного существа к другому (она возможна даже между такими разнородными существами, как Гимли и Леголас). Карлик, традиционный враг Эльфов, Гимли «отдает свое сердце» прекрасной Галадриэль — повелительнице Эльфов; это приводит его к ссоре с Эомером — ссоре, заканчивающейся самым изящным примирением, какое можно только придумать. И дружба с Эльфом, и любовь к Царице Эльфов снискивают Гимли самую высокую в Среднем Мире награду: он не умирает, но отплывает вместе с Эльфами на их Блаженные Острова.

Что касается любви между мужчиной и женщиной, то мы видим в «Повести» две четы: Арагорна и Арвен, Фарамира и Эовин.

О любви Арагорна и Арвен сказано мало. Они обещаны друг другу с юности, но Арагорн должен выказать себя достойным женихом для дочери мудрого Эльронда. Этим и объясняется его роль в «Повести». Он — типичный Герой, завоевывающий свою Прекрасную Даму, и в развитии сюжета его подвиги важнее, чем его чувства.

Но между Фарамиром и Эовин отношения складываются иначе. Воительница из Рохана полюбила сначала Арагорна, но, не встретив взаимности, стала искать смерти. В Доме Исцеления она залечивает только свои телесные раны, но душа у нее остается смертельно раненой, и от окончательной гибели ее спасает только встреча с Фарамиром и его любовь, на которую она, в конце концов, отвечает любовью. Описание развития этого чувства, от несмелого зарождения до пышного расцвета, занимает в «Повести» всего несколько страниц; но эти страницы относятся в ней к самым поэтическим, едва ли можно найти в мировой литературе более чистое и благоуханное изображение любовного чувства.

6

Конечная победа сил Добра над Сауроном обусловлена не только (и не столько) превосходством сил Добра, но и внутренней неизбежной слабостью Зла. При всем своем могуществе Саурон не в силах поставить себя на место своих противников, не умеет представить себе иных, чем его собственные, мотивов действия. «Обо всех сердцах он судит по своему», говорит о нем Гандальф, а Эльфы в Лориене добавляют: «Мрак не может заглянуть в сердце Света». И эта слепота к Свету — слабое звено в могуществе Саурана, источник его поражения. Он не допускает даже мысли, чтобы тот, к кому попало Кольцо Власти, захотел уничтожить его.

Другое неизбежное свойство Зла — это бесцельная, бессмысленная

жестокость, садистское наслаждение чужими страданиями, не знающее меры и затемняющее разум.

И наконец, третьей слабой стороной Зла является непрочность и ненадежность всех заключаемых с ним союзов, ибо все они основаны на алчности или страхе, а не на любви, и разрываются при первой же возможности. Таким был для Саурона союз с Саруманом.

О самом Кольце Власти, о его символике и значении можно написать — и уже написано — многое. Можно считать его чем-то чисто материальным, каким-то еще неизвестным для нас прибором, расширяющим возможности своего владельца, но и разрушающим его психику. Можно видеть в нем символическое изображение тех сил, которыми человек овладевает, но которые неминуемо приведут его к гибели, если он не «укротит их своей волей» и направит к Добру, а для этого он должен стоять выше их. Любопытно в этом отношении, что некоторые критики усматривают в Кольце Власти символ ядерной энергии, могущей дать человечеству всяческие блага — или уничтожить его. А можно увидеть в нем и чисто психологический аспект: все мы знаем, что власть, какой бы малой она ни была, действительно *может* «развратить мысль и волю своего носителя», — тем легче, чем более он «слаб духом и темен разумом», как несчастный Смеагол, но тем страшнее для него и для окружающих, чем он сильнее и умнее.

Но Кольцо Власти способно дать не только власть. У него есть еще одна особенность, делающая его искушение могучим даже для того, кто не жаждет власти. Оно дает своему носителю необычайно долгую жизнь; а это значит, что оно словно вырывает его из нормального течения времени или останавливает время для него. Для всякого живого существа это — заманчивая перспектива; но для мира в целом она губительна, так как обрывает смену поколений, прекращает ход эволюции и заводит жизнь в тупик. А это — Зло, ибо это противоестественно. Вот почему от него отказываются и Гандальф — Кудесник, и Правители Эльфов — Эльронд и Галадриэль.

7

По сути своей Тетралогия безусловно реальна (ибо что может быть реальнее борьбы Добра и Зла), но реальная жизнь отражается в «Повести» так, как в Зеркальном озере — окружающая местность:

«Сначала он (Фродо) не увидел вообще ничего. Потом в глубокой синеве внизу медленно проступили окружающие горы и снежные вершины, и небо над ними. Но в этом небе мерцали звезды, хотя день был ясный и солнечный. И только своих отражений они не видели в дремлющей воде. «Это озеро прекрасно и необычайно», — произнес Гимли».

Точно так же, вчитываясь в «Повесть о Кольце» — книгу, которую вполне можно назвать «прекрасной и необычайной», — мы увидим в ее глубине наш мир, а кроме того, еще нечто, более возвышенное, и не увидим только себя самих; но это только поможет нам лучше понять то, что мы видим.

Дж. Р. Р. Толкиен
Побоище в присной низине
(«Неоконченные предания Нуменора и Средиземья», ч. 3)

После падения Саурона Исильдур, сын и наследник Элендила, вернулся в Гондор. Там он как князь Арнора принял Элендильмир²⁵ и объявил себя полновластным повелителем всех дунаданов Севера и Юга; ибо был он человеком великой силы и гордости. Еще год пребывал он в Гондоре, восстанавливая порядок и защищая границы²⁶, но большая часть войска дунаданов возвратилась в Эриадор по нуменорскому тракту, что вел от Бродов Исен в Форност.

Когда же наконец Исильдур счел возможным вернуться в свои владения, то очень спешил и хотел сначала побывать в Имладрисе, ибо там оставил он жену и сына²⁷, а еще хотел Исильдур спросить совета у Эльронда. А потому решил он двинуться в путь от Осгилиафа вверх по Долине Андуина к Кириф-Форн-эн-Андраф, высокогорному северному перевалу, что вел к самому Имладрису²⁸. Те края Исильдур знал хорошо, ибо часто бродил там перед Союзнической Войной, и этим же путем шел на войну с Эльрондом и воинами Восточного Арнора²⁹.

Это был долгий поход, но единственный другой путь — на запад, а потом на север, до перекрестка в Арноре, а оттуда на восток, к Имладрису был еще дольше³⁰. Второй путь был удобней для конных, но у Исильдура не было коней, годных под седло³¹; второй путь в прежние дни слыл куда

25 Элендильмир упомянут в Приложении А (Т. 1(3)) к «Властелину Колец»: князя Арнора носили не корону, а «белый алмаз Элендильмир, Звезду Элендила, укрепленный на серебряной ленте». К слову сказать, это имя носили два камня, а не один.

26 О чем говорится в «Повести о Кирионе и Эорле», основанных на давних, ныне большей частью утерянных источниках, в которых повествуется о событиях, что привели к клятве Эорла и союзу Гондора с роандийцами. (Примеч. авт.).

27 Младшим сыном Исильдура был Валандиль, третий князь Арнора. См. «О Кольцах Власти» в «Сильмариллионе»; в приложении А (1, (2)) сказано, что родился он в Имладрисе.

28 Эльфийским именем перевал этот назван только здесь; в Светлояре много лет спустя гном Гимли называл его Высоким: «Если бы не беорнинги, путь из Дола в Светлояр был бы закрыт давным-давно. Они доблестные воины и хранят Высокий перевал и переправу у горы Каррок» («Братство Кольца», т. 2, гл. 1). Именно на этом перевале Торин Дубоцит и его сотоварищи были схвачены орками («Хоббит», гл. 4). *Андраф*, без сомнения, означает «долгий подъем».

29 См. «О Кольцах Власти» в «Сильмариллионе»: «(Исильдур) ушел из Гондора на север по пути, которым пришел Элендиль».

30 Три сотни лиг или чуть больше (то есть, длина пути, который намеревался избрать Исильдур), и большей частью по бездорожью; в те дни единственными нуменорскими дорогами были большой тракт, связывавший Гондор и Арнор, — он шел через Каленардон, потом на север, пересекал Гватло у Тарбада и доходил наконец до Форноста; и Восточно-Западный Тракт — из Серебристой Гавани в Имладрис. Эти тракты пересекались в точке (Усад) к западу от Амон-Сула (Заверти), в трехстах девяноста двух лигах от Осгилиафа, а от Имладриса в ста шестнадцать, если мерить нуменорскими мерками: всего пятьдесят восемь лиг. (Примеч. авт.)

31 В родных краях у нуменорцев были кони, которых они почитали (см. «Описание

безопаснее, но теперь-то Саурон был побежден, и обитатели Долины Андуина были в союзе с победителями. Исильдур не опасался ничего, кроме плохой погоды и усталости, а те, кого нужда посылает в долгий путь по Средиземью, издревле должны уметь претерпевать их³².

Так и вышло — говорят предания позднейших времен, — что, когда второй год Третьей Эпохи клонился к закату, в первые дни иваннефа³³ Исильдур вышел из Оспиляфа, намереваясь достичь Имладриса за сорок дней, к середине нарбелефа, прежде, чем с севера придет зима. Ясным утром, у Восточных Врат Моста прощался с ним Менэльдиль³⁴. «Ступай же, и поспеши, и да не затмится до конца твоего пути солнце, что взошло сейчас!» — произнес он в напутствие.

Нуменора»), но в войнах ими не пользовались, так как все войны нуменорцы вели за морем. К тому же, их рост и сила были велики, и их воины в полном вооружении носили тяжелые доспехи и оружие. В поселениях на берегах Средиземья они держали и разводили коней, но почти никогда не ездили на них верхом, разве только для удовольствия или в состязаниях. На войне их использовали только курьеры и легковооруженные лучники (часто не нуменорцы). В Союзнической Войне большинство нуменорских коней погибло, и лишь в Оспиляфе несколько сохранились. (Примеч. авт.)

32 В краю негде было найти приют, и им пришлось нести вещи и съестные припасы с собой, так как они рассчитывали повстречать поселения людей или эльфов только в самом конце похода — во владениях Трандуила. На марше каждый воин нес с собой двухдневный запас еды (не путать с неприкосновенным запасом, упомянутым в тексте легенды); все прочее и другую поклажу везли небольшие выносливые лошадки, подобные тем, что, судя по рассказам, некогда паслись, дикие и вольные, на равнинах к югу и востоку от Зеленого Леса. Они были укрощены, но хотя и перевозили шагом тяжелые грузы, не позволяли никому садиться на них верхом. В отряде этих лошадок было всего десять. (Примеч. авт.)

33 То есть, 5 иваннефа. Иваннеф, он же йаванниэ — по «Нуменорскому Королевскому Летоисчислению» не совсем соответствует Летоисчислению Края. Этот месяц соответствовал Сытню, нашему сентябрю, а нарбелеф — нашему октябрю. Сорока дней (с 5-го иваннефа до 15-го нарбелефа) должно было хватить на дорогу, если бы все пошло хорошо. Пешего пути было там по меньшей мере три сотни и еще восемь лиг; но воины-дунаданы, высокие, сильные и выносливые, привычны были в полном вооружении с легкостью проходить в день по восемь лиг: они делали восемь переходов с короткими остановками после каждой лиги (*лар* , на синдарине — *даур* , краткая остановка, перерыв) и часовым привалом в полдень. Таким образом, из десяти с половиной часов «на марше» в день, шли они восемь часов. С такой скоростью они могли шагать очень долго. При нужде скорость эта немного возрастала — до двенадцати лиг в день (а если нужно — и больше), но на краткое время. В день побоища на широте Имладриса (к которому они приближались) световой день в открытой местности длился одиннадцать с небольшим часов, а зимой — менее восьми. Поэтому на Севере с начала хифуи (хисимэ, ноябрь) до конца нинуи (нэнимэ, февраль) длительные походы не предпринимались. (Примеч. авт.) — Детальное описание Календарей Средиземья дано в Приложении Д к «Властелину Колец».

34 Менэльдиль был племянником Исильдура, сыном его младшего брата Анариона, павшего при осаде Барад-дура. Исильдур утвердил Менэльдила королем Гондора; тот был человек обходительный, но прозорливый и весьма умело скрывал свои мысли. Кстати сказать, он был весьма доволен уходом Исильдура с сыновьями и надеялся, что дела надолго удержат их на севере. (Примеч. авт.) — В неопубликованных заметках, касающихся Элэндила и его сыновей, сказано, что Менэльдиль был четвертым сыном, что родился он в 3318 году ВЭ и что он был последним человеком, родившимся в Нуменоре. Приведенное выше примечание — единственное место, где упоминается о его характере.

С Исильдуром шли трое его сыновей, Элендур, Аратан и Кирион³⁵, а также его гвардия — две сотни рыцарей и солдат, суровые мужи Арнора, закаленные во многих битвах. Никто не знает, что было с ними в пути, пока они не пересекли Дагорлад и не двинулись на север, по обширным и пустынным землям южнее Великого Зеленолесья. На двадцатый день, когда вдаль показались вершины гор, увенчанные лесом во всем блеске золота и багреца иваннефа, небо затянули тучи, и ветром принесло с Восточного Моря дождь. Ненастье длилось четыре дня, а потому, подойдя ко входу в Долины между Лориэном и Амон Ланком³⁶, Исильдур ушел от Андуина, воды которого вздулись и ускорили бег, и поднялся по крутому восточному берегу на древнюю тропу Лесных Эльфов, что шла близ опушек Великого Леса.

Под вечер тридцатого дня похода отряд миновал северную границу Ирисной Низины³⁷, двигаясь по тропе, что вела к тогдашним владениям Трандуиля³⁸. Дивный день близился к концу; над дальними горами

35 Все трое были в Союзнической Войне, но Аратан и Кирион не участвовали ни во вторжении в Мордор, ни в осаде Барад-дура, потому что Исильдур отослал их укрепить свою крепость Минас Ифилъ, дабы Саурон не ушел от Гиль-галада и Элендиля и не сумел пробиться через перевал Кириф-Дуаф (прозванный позже Кириф-Унголом), чтобы отомстить дунаданам прежде, чем его низвергнут. Элендур, любимый сын Исильдура и его наследник, прошел рядом с ним всю войну (не считая последнего боя на Ородруине) и пользовался доверием отца. (Примеч. авт.) — В упомянутых выше заметках сказано, что старший сын Исильдура родился в Нуменоре в 3299 г. ВЭ (сам Исильдур родился в 3209 г.).

36 Амон Ланк, Нагой холм, был самым высоким в холмистой гряде на юго-западе Зеленолесья, а имя свое он получил за то, что ни одного дерева не росло на его вершине. Позднее там поднялся Дол-Гулдур, первая твердыня, где после возрождения утвердился Саурон.

37 Ирисная Низина (Лоэг Нинглорон). В Предначальную Эпоху, когда лесные эльфы впервые поселились там, она была озером около семидесяти миль длиной в глубоком распадке, в которое на пути с севера вливался Андуин, смешивая там свои струи со струями реки Кувшинницы, что бежала с гор. Западнее Андуина, где склоны долины были круче, озеро расширялось, а на востоке оно, вероятно, простиралось до самого Леса, до его холмистой, тогда еще заросшей опушки, и озерный камыш упирался в ее пологий склон как раз над тропой, которой шел Исильдур. Озеро стало большим болотом, через которое мимо островков, зарослей тростника и рогоза пробиралась река; полчища желтых ирисов, порой выше человеческого роста, дали имя всему тому месту и реке, что текла с гор — в ее нижнем течении эти цветы разрослись особенно быстро. Но на востоке болото отступало, и у подножия склонов были обширные места, поросшие травой и низким камышом, где мог пройти человек. (Примеч. авт.)

38 Задолго до Союзнической Войны Орофер, владыка лесных эльфов, что жили к востоку от Андуина, встревожась слухами о растущей силе Саурона, оставил древнее поселение вокруг Амон Ланка, напротив Лориэна, где жили их родичи. Трижды отходил он к северу и к концу Второй Эпохи поселился в теснинах Эмин Дуира, а народ его заселил леса и долины от самого Андуина на западе и от древнего Гномьего Тракта (Мен-и-Наугрим) — на севере. Он вступил в Союз, но был сражен в штурме Врат Мордора. Его сын Трандуиль возвратился с остатками воинства лесных эльфов за год до похода Исильдура.

Эмин Дуир (Темное Взгорье) — группа высоких холмов на севере-востоке Леса, названных так из-за густого хвойного леса, которым поросли их склоны; в имени этом нет лиха. Позже, когда тень Саурона накрыла Великое Зеленолесье, сменив его имя с Эрин Гален на Таур-ну-Фуин (в переводе — Лихолесье), Эмин Дуир стало логовом множества лиходейских тварей и зовется с тех пор Эмин-ну-Фуин, Лихолесское взгорье. (Примеч. авт.) Об Орофее см. Приложение Б к «Истории Галадриэли и Целеборна» — там в одном из абзацев говорится, что Орофер отступил на север, в глубь зеленолесья,

собирались тучи, и лежал на них красный отблеск мглистого закатного солнца. Дно долины уже затопила тьма. Дунаданы пели, ибо дневной переход близился к концу, и позади уже были три четверти долгого пути до Имладриса. Справа над их головами высился Лес на вершинах крутых склонов, сбегаящих к тропе, слева отлогие скаты вели в долину.

И вдруг, когда солнце скрылось за тучей, воины услышали жуткие вопли орков — те высыпали из Леса и с боевыми кличами скатывались вниз по склонам³⁹. В тускнеющем свете нельзя было сразу сосчитать их, но числом они явно во много раз — более, чем вдесятеро — превышали дунаданов. Исильдур приказал построить тангайл⁴⁰ — стену из щитов и двух сомкнутых шеренг, что могли при ударах с флангов загигаться внутрь, пока, при нужде, не образовывали сомкнутое кольцо. Будь земля ровной или владей Исильдур склоном — он построил бы отряд дирнайфом⁴¹ и атаковал орков всей мощью дунаданов и силой их оружия, надеясь пробиться через врагов и обратить их в бегство; но сейчас

чтобы быть подальше от гномов Казад-Дума, а заодно уж — и от Галадриэли и Целеборна.

Эльфийские названия гор Лихолесья нигде больше не встречаются. В Приложении Е (2) к «Властелину Колец» Лихолесье по-эльфийски названо Таур-э-Ндаэдэлос, «лес великого страха»; название, данное здесь — Таур-ну-Фуин, «лес под покровом тьмы» — было в Предначальную Эпоху названием Дортониона, лесистого нагорья на северных границах Белерианда. После окончания Войны за Кольцо Трандуиль и Целеборн снова переименовали Лихолесье, назвав его Эрин Ласгален — Зеленолистый Лес (Приложение Б к «Властелину Колец»), Мен-и-Наугрим, Гномий Тракт — это старый лесной тракт, описанный в «Хоббите», гл. 7. В ранней редакции этого отрывка есть кусок о «древнем Лесном Тракте, что ведет от Имладриса и, пересекая Андуин по мосту (расширенному и укрепленному для Союзнических войск), через долину уводит в Зеленолесье. Ниже по течению мост через Андуин нигде нельзя было навести: несколькими милями ниже Лесного Тракта течение реки становилось слишком быстрым и замедлялось лишь в Присной Низине. После Низины оно ускорялось вновь, и река делалась огромным потоком, в который впадало множество речек, чьи имена ныне забылись, кроме самых крупных — Кувшинницы (Сир Нинглор), Серебрянки (Келебрант) и Светлимки (Лимлайт)» В «Хоббите» Лесной Тракт пересекает Великую Реку по Старому Броду, и там не сказано, был или не был когда-нибудь на переправе мост.

39 В главе «О Кольцах Власти» («Сильмариллион») дано иное описание событий: «Исильдур был побежден ордой орков, что ждала в засаде в Мглистых Горах; они внезапно напали на него, когда он стал лагерем между Зеленолесьем и Великой Рекой близ Лозг Нинглорон, Присной Низины, ибо он беззаботно не выставил стражи, всех врагов рассеянными».

40 Тангайл — «ограда из щитов» — название этого построения на синдарине, разговорном языке народа Элендила. Его «официальное» название на квэнья было сандастан — «щитовой заслон», происходящее от древнего *танда* — «щит» и *стама* — «преграда, окружение» В синдаринском варианте названия иной второй корень: *каиль*, ограда или палисад из кольев и острых палок. Это слово в изначальной форме *кегиэ* произошло от корня *кег* — «острие, коряга»; тот же корень можно видеть в древнем *кегиа* — «ограда», откуда синдаринское *каи* (Моргай в Мондоре).

41 Дирнайф — квэнийское *нернехта*. «копьеносец» — называлось клиновидное построение, применяемое на небольшом расстоянии против врага многочисленного, но неорганизованного, или чтобы расцезь защитное построение на ровном месте. Квэнийское *нэхта*, синдаринское *найф* применялись к любой заостренной на конце вещи: копью, изгороди, узкому мысу (корень *нек* — «узкий»), Ср. *Найф* в Лориэне — коса между Келебрантом и Андуином, где место слияния рек на самом деле было более узким и острым, чем видно на небольшой карте. (Примеч. авт.)

сделать это было невозможно, и тень недоброго предчувствия легла на его душу.

— Месть Саурона жива, хотя он, может быть, и умер, — сказал он Элендуру, что стоял позади его. — Здесь чей-то замысел — и хитроумный! На помощь у нас надежды нет: Мория и Лориэн теперь далеко позади, а до Трандиуля четыре дня пути.

— И с нами ноша, коей нет цены, — добавил Элендур, который был в доверии у отца.

Орки были уже близко. Исильдур повернулся к оруженосцу.

— Охтар⁴², — промолвил он, — вот это я ныне вверяю тебе на хранение, — и протянул ему большие ножны и обломки Нарсила — меча Элендила. — Спаси его от пленения любыми средствами, какие изыщешь, и любой ценой; даже если тебя назовут трусом за то, что бросил меня. Возьми с собой спутника и беги. Беги! Я приказываю!

Тут Охтар преклонил колено, поцеловал руку Исильдуру — и двое юношей сбежали по скату во тьму долины⁴³.

Если зоркоглазые орки и заметили их бегство, то не обратили на это внимания. Они замерли на миг, готовясь к атаке. Дождь стрел посыпался на дунаданов, а затем орки с оглушительным воем всей ордой бросились вниз по склону на воинов, рассчитывая пробить стену их щитов — так поступил бы и сам Исильдур. Но дунаданы стояли нерушимо. Стрелы орков были бессильны против нуменорских доспехов. Рослые люди были выше самых высоких орков, а их мечи и копья разили быстрее, чем оружие их врагов. Атака захлебнулась, сломалась — и орки отхлынули, оставив защитников почти целыми, легко раненными и непоколебленными за грудой павших орков.

Исильдуру показалось, что враг отходит к Лесу. Он оглянулся. Алый край заходящего за горы солнца взблескивал среди облаков; скоро опустится ночь. И Исильдур приказал немедленно возобновить поход, но двигаться теперь вниз, к более пологим и ровным местам, где у орков не будет преимущества⁴⁴. Возможно, он счел, что после столь сокрушительного отпора орки отступятся от дунаданов — пусть даже их разведчики и станут преследовать отряд ночью и следить за лагерем.

Это было в обычае орков — они всегда терялись, если жертва сумеет обернуться и укусить.

Однако Исильдур ошибся. В атаке орков была не только хитрость, но

42 Охтар — единственное упоминаемое легендами имя, но, возможно, это лишь звание того, к кому Исильдур, скрывая чувства под этикетом, обратился в тот трагический миг. Охтар — «воин, солдат» — было названием всех, кто, будучи достаточно опытным, не удостоился тем не менее звания *роквэна*, «рыцаря». Но Охтар был родичем Исильдура и мил его сердцу. (Примеч. авт.)

43 В первоначальном наброске Исильдур велит Охтару взять с собою двух товарищей. В главе «О Кольцах Власти» («Сильмариллион») и в «Братстве Кольца», кн. 2, гл. 2 сказано, что лишь «трое возвратились из-за гор». В приведенном здесь тексте говорится, что третьим был Эстэльмо, оруженосец Элендура, уцелевший в битве.

44 Они миновали глубокий распадок Ирисной Нилины, за которой земли к востоку от Андуина, текшего в глубоком русле, становились тверже и суше, потому что берег вокруг менялся, неуклонно повышаясь к северу, пока, подходя к Лесному Тракту и владениям Трандиуля, не сравнивался с опушками Великого Леса. Это Исильдур хорошо знал (Примеч. авт.)

и ярость, и неумемная ненависть. Горных орков подгоняли и направляли черные слуги Барад-дура, задолго до того высланные следить за проходом в долину, а кольцо, двумя годами раньше сорванное с черной руки Саурана, по-прежнему несло в себе Его лиходейскую волю и взывало ко всем слугам Врага о помощи, хотя прислужники Его о том и не знали⁴⁵. Дунаданы отошли едва на милю, когда орки явились вновь. На сей раз они не бросились в атаку, а напали всеми силами. Они спускались широким фронтом, который загибался вовнутрь полумесяцем, пока не замкнулся вокруг дунаданов неразрывным кольцом. Теперь орки молчали и держались на расстоянии — вне досягаемости страшных нуменорских Луков⁴⁶; а впрочем, свет быстро убывал, да и у Исильдура было слишком мало лучников⁴⁷. Он остановился.

На какое-то время все замерло, хотя самые зоркие дунаданы говорили, что орки осторожно, шаг за шагом, подкрадываются все ближе. Элендур подошел к отцу, который угрюмо стоял поодаль, словно не зная, что ему делать.

— *Атаринья*, — промолвил он, — что думаешь ты о мощи, которая смирила бы этих мерзких тварей и подчинила бы их тебе? Неужто и она бессильна?

— Увы, *сэнья*. Я не могу воспользоваться кольцом. Меня страшит боль от прикосновения к нему. А я не нашел еще в себе силы, чтобы подчинить его своей воле. Ему нужен иной господин — куда более великий, чем я. Гордыня моя пала, и кольцо отныне должно уйти к

45 Нет сомнений, что Саурон, будучи хорошо осведомлен о Союзе, послал, сколько смог, своих орков, чтобы перехватывать любые отряды, которые попытались бы сократить путь, перевалив через горы Во время войны главные силы Гильгалада вместе с Исильдуром и частью воинов Арнона перешли через перевалы Имладриса и Карадрас, и орки были рассеяны и попрятались. Но бдительности они не потеряли и оставались настороже, готовые напасть на любой немногочисленный отряд людей или эльфов Трандуиля они пропустили, потому что даже сильно поредевшее его войско было все же слишком сильно для них-но орки ждали своего часа; большая часть их таилась в лесу, а кое-кто рыскал по речным берегам Вести о падении Саурана вряд ли достигли их ушей, ведь он был очень плотно обложен в Мордоре, а воинства его уничтожены Если кто-нибудь и спасся, то бежал далеко на восток вместе с кольценосцами Небольшой северный отряд, без сомнения, был забыт Возможно, орки сочли, что Саурон победил и разбитая армия Трандуиля отступает, чтобы укрыться в лесных твердых Это воодушевило и погнало завоевывать награду, получить которую им хотелось, хоть они и не были в главной битве Но, доживи хоть один из них до его возрождения — то, что он получил бы, вряд ли можно было бы счесть наградой Ни одна попытка не утешила бы гнева Саурана на тупоголовых скотов, упустивших величайшее сокровище в Средиземье, даже если они и не знали о Кольце Всевластья, о котором, кроме Саурана, ведомо было лишь Девяти Кольценосцам Однако многие считают, что ожесточенность нападения орков на Исильдура и то, что выбрали они именно его, отчасти объясняется влиянием Кольца Немногим более двух лет назад соскользнуло Оно с Вражьего пальца, и хотя быстро остыло, было все еще полно Его злобной волей и искало любую возможность вернуться к своему Господину (что пытались сделать еще раз, когда он возродился и сменил укрытие) А потому, полагаем мы, вожаки орков, хоть и не сознавая того, были исполнены яростной жажды уничтожить именно дунаданов и захватить их вождя Как бы там ни было, из этого события явствует, что в Побоище в Ирисной Низине была проиграна Воина за Кольцо (Примеч. авт.).

46 О нуменорских луках см «Описание Нуменора»

47 Как говорят, не более двадцати, ибо нельзя было ожидать, что они понадобятся (Примеч. авт.).

Хранителям Трех⁴⁸.

В этот миг завопили рога, и орки, сомкнувшись, с отчаянной яростью со всех сторон ринулись на дунаданов. Настала ночь, и надежда угасла. Люди гибли: самые крупные орки кидались на них, порой двое на одного, и, живые или мертвые, своим весом увлекали дунаданов вниз, чтобы крепкие когти других могли утащить и добить пленников. С каждым дунаданом гибло пять орков, не меньше, но и этот обмен доставался людям слишком дорого. Так погиб Кирион, а Аратан был смертельно ранен, когда пытался спасти его.

Элендур, пока еще невредимый, искал Исильдура. Тот вел в битву людей на восточном фланге, где атака была яростней всего, но орки по-прежнему трепетали перед Элендильмиром, сиявшим на его челе, и избегали его. Элендур коснулся его плеча — и вождь яростно обернулся, решив, что это орк подобрался к нему сзади.

— Мой король, — сказал Элендур, — Кирион мертв, Аратан умирает. Твой последний советник не приказывает — советует тебе сделать то, что ты приказал сделать Охтару. Беги! Возьми свою ношу и любой ценой доставь ее Хранителям Трех — даже ценой потери своих воинов и меня!

— Сын короля, — отвечал Исильдур, — я знал, что должен поступить именно так, но боялся лишь боли. И без твоего дозволения я также не мог уйти. Прости меня и мою гордыню, что навлекла на нас эту гибель⁴⁹!

Элендур поцеловал его.

— Беги! — сказал он. — Беги же, не медли!

Исильдур повернулся к западу, извлек Кольцо из мешочка, что висел на цепочке у него на шее и, вскрикнув от боли, надел Кольцо на палец — и с той поры ни один человек в Средиземье не видел его. Но Элендильмир Западный притушить было невозможно — он вспыхнул вдруг кроваво и гневно, подобный пылающей звезде. Люди и орки отпрянули в страхе; Исильдур натянул на голову капюшон и исчез в ночи⁵⁰.

О судьбе дунаданов известно лишь вот что: вскоре все они пали в бою, все, кроме одного — южного оруженосца, который был оглушен и погребен под трупами. Так погиб Элендур, которому должно было стать королем, одним из величайших королей (как предрекали все, кто его знал), ибо был он прекраснейшим среди потомков Элендила: могуч и мудр, величав и лишен гордыни⁵¹.

48 Сравните со словами свитка, в котором Исильдур описал Кольцо прежде, чем сам покинул Гондор и ушел в последний поход, его цитировал на Совете Эльронда Гэндальф («Братство Кольца», кн 2, гл 2)

49 Гордыня, что побудила его поступить против совета, данного Эльрондом и Цирданом, — уничтожить Кольцо в пламени Ородруина («Братство Кольца», кн 2, гл 2 и «О Кольцах Власти», «Сильмариллион»)

50 Из этого абзаца следует совершенно замечательный вывод, что свет Элендильмира пробивал невидимость надетого Кольца; но когда Исильдур накрыл голову капюшоном, свет камня померк.

51 Говорят, что позже те, кто, подобно Эльронду, помнили Исильдура, были поражены странным сходством, как телесным, так и духовным между ним и королем Элессаром, победителем в Войне за Кольцо, когда и Кольцо и Саурон сгнули навек. По хроникам дунаданов, Элессар был в тридцать восьмом колене наследником Валандила — брата Элендура. Вот сколько времени прошло прежде, чем он был отомщен (Примеч. авт.).

Об Исильдуре же рассказывают, что муки его тела и духа были велики — и все же до дна долины он мчался, как олень от гончих псов. Там он остановился, чтобы убедиться, что погони нет, ибо чтобы выследить беглеца, глаза оркам не нужны, они чувствуют его запах. Дальше шел он более осторожно, потому что на равнине, что простерлась перед ним во тьме, не было безопасных троп — зато было множество ловушек для пешего странника.

На исходе ночи, усталый, подошел Исильдур к Андуну — по такому бездорожью и дунаданы не прошли бы скорее, даже если бы они шли днем и без всякой остановки⁵². Быстро несла река свои темные воды. Один, в отчаянии, стоял над ней Исильдур. Затем он поспешно сбросил доспехи и оружие — кроме короткого меча у пояса⁵³ — и кинулся в воду. Немногие дунаданы могли бы сравниться с Исильдуром в выносливости и мощи, но даже у него было мало надежды достичь другого берега. Не успев отплыть далеко, он принужден был повернуть почти на север, против течения; и как он ни сильно греб руками, а течение сносило его вниз — к Ирисной Низине. Она была ближе, чем казалось Исильдур⁵⁴, и он уже чувствовал, что река мелеет, и почти добрался до берега, когда вдруг запутался в тростниках и цепкой траве. Тут, видно, он обнаружил, что Кольцо пропало. Случайно — или хорошо использовав случай — оно соскользнуло с пальца и ушло туда, откуда он уже никогда не мог бы его достать. Сперва потеря настолько оглушила Исильдура, что он перестал грести и неминуемо захлебнулся бы и утонул. Но мгновенно налетев, отчаяние так же мгновенно и схлынуло. Боль оставила его. Бремя свалилось с плеч. Ноги нащупали дно реки, и, выбредая из ила, Исильдур двинулся через заросли тростника к топкому островку. Там вышел он из воды — смертный человек, ничтожное создание, одинокое и забвенное в дебрях Средиземья. Но для орков, что несли там стражу, восстал он тенью грозной и ужасной, со сверкающим глазом во лбу. Выпустив в него отравленные стрелы, они бежали прочь. И напрасно: Исильдур, лишенный брони, был поражен в горло и сердце и, не вскрикнув, рухнул обратно в воду. Ни люди, ни эльфы не нашли потом его тела. Так ушла первая (и в эту Эпоху Мира последняя) жертва злобы Кольца, потерявшего Господина, — Исильдур, второй (и в эту Эпоху Мира последний) король всех дунаданов, владыка Арнора и Гондора.

ИСТОЧНИКИ ЛЕГЕНДЫ О ГИБЕЛИ ИСИЛЬДУРА

Этому событию были свидетели. Охтар и его спутник спаслись и унесли обломки Нарсила. Предание упоминает о юноше, который уцелел в побоище, — то был Эстэльмо, оруженосец Элендура. Он упал одним из последних, но был оглушен дубиной, а не убит, и его нашли живым под

52 Более семи лиг от места битвы. Когда он бежал, спускалась ночь; Андун он достиг в полночь или около того (Примеч. авт.).

53 Такой меч назывался *экет* — короткий, с широким обоюдоострым клинком в полтора фута длиной. Им можно было и рубить, и колоть (Примеч. авт.).

54 От последней стоянки до их северной кромки было чуть больше мили, но, возможно, во тьме он немного уклонился к югу (Примеч. авт.).

телом Элендура. Он слышал прощание Исильдура и Элендура. Были и спасители — они пришли поздно, но вовремя, чтобы разогнать орков и не дать им надругаться над мертвыми телами. Люди из Леса отправили гонцов к Трандуиллю и собрали свою рать, чтобы ударить на орков, но те учуяли их и разбежались; хоть они и победили, но потери их были велики, и почти все сильные орки погибли — долгие годы потом не решались они повторить такое нападение.

Рассказ о последних часах Исильдура основан на догадках — но догадках хорошо обоснованных. Во всей полноте легенда существует лишь с Четвертой Эпохи — со времен правления короля Элессара, — тогда были найдены новые свидетельства. До тех пор было известно, во-первых, что Исильдур владел Кольцом и бежал к Реке; во-вторых, что его кольчуга, шлем, щит и большой меч (но более ничего) нашлись на берегу чуть выше Ирисной Низины; в-третьих, что орки выслали стражей-лучников на западный берег перехватывать тех, кто сумеет вырваться из боя и бежать к Реке (были найдены следы их стоянок, одна неподалеку от Ирисной Низины); и в-четвертых, что Кольцо и Исильдур, вместе и отдельно, должны были сгинуть в Реке, ибо если бы Исильдур с Кольцом на пальце достиг западного берега, он избежал бы дозора, а человек столь выносливый и стойкий пришел бы тогда в Лориэн или Морию прежде, чем был настигнут, хотя путь этот и долог. Каждый дунадан носил на поясе в запечатанном кошельке маленькую склянку с медом и лепешками — не истинные *мирувор*⁵⁵ и *лембас* эльдаров, но нечто подобное им, потому что целительство и другие знания Нуменора не были еще позабыты. Ни пояса, ни кошелька не было среди доспехов, оставленных на берегу Исильдуrom.

Долгие годы спустя, когда Третья Эпоха близилась к концу и надвигалась Война за Кольцо, Совет Эльронда узнал, что Кольцо найдено — оно утонуло близ Ирисной Низины, рядом с восточным берегом; но тела Исильдура так и не нашли. Тогда же узнали, что Саруман втайне ведет поиски в тех краях; но хоть Кольца он и не нашел (его давно выловили), в Совете даже не предполагали, что он мог отыскать нечто другое.

Однако, когда короля Элессара короновали в Гондоре, он начал переустройство державы, и одним из первых его дел было восстановление Ортханка, где он намеревался снова поместить *палантир*, бывший у Сарумана. Тогда-то и раскрылись все тайны башни. Было найдено много ценного — драгоценности и реликвии дома Эорла, похищенные из Эдораса с помощью Червослова, когда Теоден впал в помрачение, и другие вещи, древние и дивные, из курганов и отдаленных гробниц. В падении своем Саруман стал не драконом, но сорокой. В конце концов, за потайной дверью, которую не могли бы ни найти, ни открыть, не помогай Элессару гном Гимли, обнаружился стальной шкаф. Быть может, он предназначался для хранения Кольца — но был почти пуст. В укладке на верхней полке лежали две вещи. Первая — золотая коробочка на тонкой цепочке; она была пуста, на ней не было ни руны, ни знака, — и все же нельзя сомневаться, что именно в ней нес некогда Кольцо Исильдура. Рядом с ней лежало сокровище бесценное и давно оплаканное, как

55 Баклажка с мирувором — «бальзамом «Имладриса» была дана Эльрондом Гэндальфу, когда отряд Хранителей выступал из Светлояра («Братство Кольца», кн 2, гл 3); см также сборник «Дорога вдаль и вдаль ведет»

ушедшее навек, Элендильмир, эльфийская алмазная звезда на мифрильной ленте⁵⁶, унаследованная Элендилем от Сильмариэн и принесенная им как знак королевского достоинства в Северное королевство⁵⁷. Все короли и вожди Арнора, вплоть до самого Элессара, носили Элендильмир; но хотя это и был прекрасный алмаз, созданный для Валандила эльфами-кузнецами Имладриса, он не обладал ни силой, ни красою того, прежнего Элендильмира, который вместе с Исильдуром навсегда канул во тьму.

Элессар с благоговением принял Элендильмир и, когда вернулся на север и вновь принял правление Арнором, Арвен возложила алмаз на его чело, и народ потерял дар речи, изумленный его красотой. Но Элессар не стал вновь подвергать Элендильмир опасностям и носил его только в самые великие для Северного Королевства дни. В другие же дни, даже в королевском облачении, он носил другой Элендильмир, перешедший к нему по наследству. «И это тоже вещь достойная, — говорил он, — и я не стою ее; до моей головы она венчала целых сорок»⁵⁸.

Когда изучили спрятанные сокровища более внимательно, люди пришли в смятение, ибо стало ясно, что вещи эти могли быть найдены лишь на теле утонувшего Исильдура; однако если бы он погиб на глубине, то течение со временем унесло бы все прочь. А это означало, что Исильдур пал на мелководе, там, где вода не доходила ему даже до плеч. Почему же тогда, хотя прошла целая Эпоха, его кости не были найдены? Нашел ли их Саруман и надругался над ними — сжег с бесчестием в

56 Ибо этот металл был найден в Нуменоре (Примеч. авт.). — В «Родословном древе наследников Эльроса» Тар-Телемайта, пятнадцатый король Нуменора назван так — «среброрукий» — именно за любовь к этому металлу «и он повелел своим слугам повсюду искать мифриль» Однако Гэндальф говорит, что мифриль был найден лишь в одном месте в мире — в Мории («Братство Кольца», кн 2, гл 4)

57 В «Повести об Алдарионе и Эрендис» сказано, что Эрендис повелела укрепить алмаз, который привез ей Алдарион, «как звезду, на серебрянной ленте, и по ее просьбе Алдарион сам возложил на ее чело эту ленту» Именно поэтому ее стали звать Тар-Элестирнэ — «Владычица со звездой во лбу», и «именно отсюда, говорят, пошел обычай у королей и королев носить вместо короны белый алмаз в виде звезды». Нельзя не сопоставить этого обычая с Элендильмиром — алмазом-звездой, что носили как знак власти правители Арнора; но истинный Элендильмир, каково бы ни было его происхождение, находился в Нуменоре, поскольку принадлежал Сильмариэн; было это до того, как Алдарион привез для Эрендис алмаз из Средиземья, и это, конечно, совершенно разные алмазы.

58 Фактически — тридцать восемь, поскольку второй Элендильмир был сделан для Валандила (ср. примеч. 26). В «Повести Лет» из Приложения Б к «Властелину Колец» запись, относящаяся к году 16 Четвертой Эпохи (по Летоисчислению Края — 1438), отмечает, что когда король Элессар пришел к Брендидуимскому Мосту приветствовать друзей, он отдал Звезду Дунаданов Управителю Сэммиусу, дочь которого Эланор стала фрейлиной королевы Арвен. Основываясь на этой заметке, м-р Роберт Форест в «Полном Путеводителе по Средиземью» пишет, что «Звезда (Элендила) сияла во лбу королей Северного Королевства, покуда Элессар не отдал в 16 г. ЧЭ Сэму Гискри». Объяснение данной цитаты — в том, что король Элессар хранил Элендильмир, сделанный для Валандила; и мне кажется сомнительным, что даже и высоко ценя Управителя Края, он мог сделать ему подобный дар. Элендильмир известен под несколькими именами: Звезда Элендила, Звезда Севера, Звезда Северного Княжества; Звезда же Дунаданов (упомянутая лишь в этой записи в «Повести Лет»), кажется мне, была чем-то иным. Я не нашел никаких ссылок на это, но почти наверняка могу сказать, что это именно так и что Мастер Сэммиус получил какую-то иную (и более уместную) награду.

одной из своих печей? Если так, позорное это деяние — но не худшее из его дел.

Перевела Н. Эстель

Н. Эстель Возвращение

Посвящается Дж. Р.Р.Т.

Сереже исполнилось двадцать пять, и первая четверть жизни была безвозвратно потеряна. Благополучно избежав службы в армии, он закончил экономический и был направлен в институт, занимавшийся подсчетами, к которым допуск имел разве что «большой дом на Лубянке». Через полгода благополучная Сережина судьба резко вильнула, и он оказался за порогом почтенного института, а заодно и родительской квартиры. Виной всему был внезапно проявившийся неукротимый Сережин нрав. Бросив работу и вдребезги разругавшись с матерью, Сережа после двух месяцев полуголодной жизни пристроился в отдел писем молодежного журнала, и приятель-геолог приютил его в двухкомнатной развалюшке на улице Фрунзе, бывшей Знаменке. Приятель девять месяцев в году проводил в поле, и личная жизнь Сережи текла без особых осложнений. Звонила мать и, не слушая его, кричала в трубку: «Ты меня убиваешь! Тебя видела на Сретенке тетя Валя, а ты с ней даже не поздоровался, дикарь! Твоих грошей не хватит даже на сигареты!» «Угу», — флегматично соглашался Сережа, голодными глазами следя за кофеваркой. «Какая девка тебя там держит?! Я ее уволю с работы, я устрою ей желтую жизнь!» «Ага», — подтверждал Сережа, нетерпеливо покачивая ногой. «Что — ага?! Ты меня не слушаешь!» «Слушаю, мам», — говорил Сережа и вешал трубку. Угрозы матери были не пустыми словами — работа в исполкоме наделила ее вполне реальным могуществом. По счастью, санкции применять было не к кому: девушки редко возникали в Сережиной жизни и очень быстро исчезали.

Сережа до двадцати трех лет жил с матерью. Об отце ему было сказано категорически: «Подлец». Сереже было уже пятнадцать, и со сказанным он не мог так просто примириться. Проявив недюжинные детективные способности, Сережа разыскал мать отца — худощавую, строгую и величественную женщину семидесяти двух лет, которую язык не поворачивался назвать бабушкой. Она обошлась с ним вежливо и как-то отчужденно. «Похож», — заметила она, бросив взгляд на фотографию в строгой ореховой рамке. На фотографии коротко стриженный, повзрослевший и серьезный Сережа обнимал за плечи свою молодую бабушку. «Его звали Алексеем, — сухо сказала бабушка. — Надеюсь, отчество она тебе сохранила?» Сережа оскорбленно протянул метрику, украденную из материнского стола. Бабушка взяла метрику, и вдруг что-то сломалось в ней, слезы поползли по мгновенно одрябшим щекам. Отец, которого звали Алексеем, погиб два года назад — разбился на обледеневшем шоссе. «В нашем роду все мужчины умирали не своей смертью», — вздохнула бабушка. Они проговорили почти всю ночь. Матери Сережа дерзко соврал, что был на вечеринке. Помогло, что бабушка угостила рюмкой наливки. Мать так и не узнала ничего. Она не

знала, что из налаженной жизненной колеи Сережу выбила смерть бабушки. Тетя Женя, престарелая бабушкина дочь, отдала ему связку бумаг и зеленую картонную коробочку. В бумагах было то, что бабушка по деликатности своей не рассказала при жизни, — история того, как мать отняла Сережу у отца. В коробочке, в бархатном гнезде лежало гладкое, с темным блеском золотое кольцо, похожее на обручальное. В него была продета золотая же цепочка. «Носи на шее», — сказала тетя Женя. «Зачем?» «Ты последний мужчина в нашем роду, — величественно пояснила тетя Женя, на мгновение становясь похожей на бабушку. — Носи». Через два дня Сережа ушел с работы и из дома. Бумаги он сжег, матери не объяснил ничего. Ему было жаль ее, но простить ей отца и бабушку он не мог.

Был холодный и грустный сентябрьский вечер, и холщовую куртку, коробом стоявшую на Сереже, насквозь продирали ветер. Под рубашкой болталось в такт шагам кольцо на цепочке и билось о твердые Сережины ребра, обжигая каждым прикосновением. Сережа стискивал зубы, а ветер дул все сильнее, ероша отросшие волосы, из-за которых арбатские хиппи считали Сережу вполне своим. Знаменка превратилась в аэродинамическую трубу. Мелко трясясь всем телом, Сережа ворвался в парадное и через три ступеньки помчался наверх.

Дверь отворилась, проныв обычную песню, и Сережа ввалился в переднюю. Рука его потянулась к выключателю, и тут же он вспомнил, что утром вылетели пробки. Сережа чертыхнулся и наощупь побрел в комнату, спотыкаясь о невидимые предметы. И тут на мгновение остолбенел, потому что из-за плотно закрытой двери пробивался странный густо-желтый свет.

Сережа помотал головой и на всякий случай сильно ткнулся лбом о косяк. Стук вышел отменный, но наваждение не пропало.

— Войдите, — сказал приятный, чуть хриплый голос.

Сережа толкнул дверь. На подоконнике, среди раздернутых занавесок горела толстая полуоплывшая свеча. Человек сидел в глубоком продавленном кресле, из-за которого они с Борькой соперничали в зимние месяцы. Он был одет в длинный желтый свитер и черные брюки неопределенного фасона. Волосы у него были темные, зачесанные назад, меж колен зажата суковатая палка.

— Э-э... Вы к Борьке? — неловко спросил Сережа и тут же вспомнил, что Борька со вторым ключом от квартиры третий месяц в Джекказгане. Ему стало нехорошо.

Человек повернул к нему голову и доброжелательно взглянул темными, слегка выпуклыми глазами.

— Я в некотором роде к вам, юноша, — церемонно сообщил он. — Присаживайтесь без колебаний.

— Вы... — запнулся Сережа.

— Я совсем не то, что вы думаете, — вежливо перебил незнакомец. — Надеюсь, Кольцо при вас?

Слово «Кольцо» явственно прозвучало с большой буквы, и Сережа невольным жестом сердечника схватился за грудь.

— Так, чудесно, — удовлетворенно сказал незнакомец. — Я вижу, вы умеете с Ним обращаться.

— Да какое вам... — начал Сережа.

— Самое непосредственное, — отвечал незнакомец. — Разумеется, я не вашего рода и не оспариваю ваших прав... Если только

кто-то может объявлять права на него. Но я рад узнать, что Оно в надежных руках.

— Послушайте, — твердо сказал Сережа, — я не знаю, как вы сюда попали, и что вам нужно, но если вы немедленно не объясните...

— Не спешите, юноша, — сказал незнакомец. — Разумеется, я объясню... Но не все же сразу.

— Почему? — задиристо спросил Сережа.

— Да потому что лишь божествам доступно в одно мгновение охватить взглядом века! Вы же, юноша, принадлежите к несомненно славному, но безусловно человеческому роду.

— В этом я не сомневаюсь, — буркнул Сережа. — А вы, случайно, не из этих... божеств?

Человек негромко засмеялся.

— Вы молодец, юноша. Клянусь честью, в вас ясно видны фамильные черты. И это весьма кстати. Можете именовать меня божеством, если вам так угодно. Там, откуда я пришел, меня величают магом.

— Магом? — Сережа недоверчиво оглядел желтый свитер, вытянувшийся на локтях. Незнакомец перехватил его взгляд.

— По-вашему, я должен был явиться в остроконечной шапке со звездами и при волшебном посохе? — он задумчиво покосился на свою палку. — Не знаю, не знаю... Каковы времена, таковы и маги, юноша. В Энноре ваш костюм выглядел бы весьма экзотично.

— Где?!

— В Энноре, в Мидгарде, в Средиземье, если угодно. Неплохой, кстати, перевод... — незнакомец покивал головой. — Словом, в том мире, откуда родом Кольцо.

— Это сказка — осведомился Сережа, устраиваясь поудобнее на диване. — Тогда валяйте.

— Божественный стиль, — одобрил незнакомец. — Впрочем, я бы предпочел, чтобы это было сказкой и чтоб я рассказывал ее вам у камина за чашкой чая и трубочкой. Но рассказывать сказки тому, кто владеет Кольцом Всевластья...

Сереже наконец-то стало жарко. Он расстегнул ворот куртки, дернул застрявшую молнию, но она не поддавалась.

— Кольцо Всевластья? Погодите, что-то я об этом читал.

— Правда? — искренне обрадовался незнакомец. — Вот и замечательно! Гораздо меньше придется объяснять. Знаете ли, начинать чуть ли не с сотворения Арды...

— Что такое Арда?

— М-м, — застонал незнакомец. — Может быть, опустим эти ненужные подробности? Тем более, что если все удастся, вы сами узнаете.

Сережа растерянно почесал в затылке.

— Что-то я слабо понимаю, — сознался он. — Вы хотите сказать, что вот это колечко, — он двумя пальцами выудил цепочку из-за пазухи, — что это то самое Кольцо, которое отковал Сау...

— А без имен вы не можете? — осведомился незнакомец.

— Ну знаете! — Сережа пожал плечами. — Здесь Москва, в конце концов.

— Но ведь Кольцо тоже здесь, — мягко заметил незнакомец. — И кто поручится, что Оно не привлечет за собою прочие творения... м-м... упомянутого вами господина?

Сережа откинулся, больно стукнувшись затылком о стену, сцепил пальцы на коленях. В голове у него был сумбур.

— Вы хотите сказать, что все это... существует?

Незнакомец сощурился и неожиданно озорно улыбнулся:

— Разумеется. Если уж мы с вами существуем...

— Бред какой-то, — неуверенно сказал Сережа. — Тогда что же... Вы — Гэндальф? Ну, извините...

— Пожалуйста, — любезно разрешил незнакомец. — Произношение, конечно, ужасное...

Сережа помолчал, прикрыв глаза.

— Как бы я не спятил, — сказал он задумчиво. — Является к тебе, скажем, Мерлин, и говорит, что ты — король Артур...

— Отнюдь, — возразил слегка задетый Гэндальф. — Мерлин и король Артур принадлежат исключительно этому миру. А я — посланец Средиземья.

— А Я? — угрюмо осведомился Сережа.

— М-м... С вами сложнее. Придется нам забраться в теологические дебри.

— Придется, — согласился Сережа. — Вы, случайно, есть не хотите?

— Случайно, хочу. Маги, юноша, тоже люди. В некотором роде...

Сережа побрел на кухню. Роясь в холодильнике, он слышал, как Гэндальф негромко насвистывает, чем-то шурша. Потом послышался грохот. Вернувшись с тарелкой бутербродов, Сережа обнаружил, что этажерка странно опустела, а на полу лежит груда книг. Стоя над нею, Гэндальф рассеянно листает какую-то книжку.

— Надеюсь, вы простите мне этот разгром? — сказал он, не оборачиваясь. — Я тут обнаружил кое-что интересное...

Сережа заглянул ему через плечо и прочел: «Старшая Эд-да».

Гэндальф захлопнул книжку.

— Что же, не будем отвлекаться. Я сейчас все это уберу...

— Не извольте беспокоиться, — фальшиво-любезно проговорил Сережа, и тут нежданная мысль пришла ему в голову. — А может быть, вы... так... мановением руки?..

— Юноша, — с сожалением оглядывая Сережу, сказал Гэндальф, — разве стали бы вы, к примеру, семейным мечом рубить... м-м... колбасу?

Он на удивление быстро собрал книги и расставил их по местам, куда Сережа сновал из комнаты в кухню с чашками. Потом Гэндальф вернулся в кресло и благосклонно принял дымящуюся Борькину чашку. «Сейчас он скажет: «Недурно», — подумал Сережа.

— Недурно, — констатировал Гэндальф, отхлебнув. — Юноша, не улыбайтесь, в самом деле неплохой чай. Так на чем мы остановились?

— На теологии, — ехидно подсказал Сережа.

— Угу... — Гэндальф задумчиво откусил половину бутерброда. — Я полагаю, вам известно, что эльфы отнюдь не бессмертны.

— Разве?

— Во всяком случае, это не то бессмертие, которого жаждут люди. Эльфы живут очень долго, потом умирают, потом возрождаются... все это очень сложно. Но они в любом своем существовании остаются в Средиземье, не выходя из этого Круга Мира. Люди — иное дело, раз умерши, они исчезают из Средиземья навсегда...

— Интересно, — вежливо вставил Сережа. — И куда же они деваются?

Гэндальф взглянул на него, приподняв брови:

— Деваются? М-м, как ни странно, сюда. В этот мир.

— Это что же — з-загробный мир? — заикнулся Сережа. — Ничего себе...

— Да бог с вами, — добродушно сказал Гэндальф. — Люди попросту перевоплощаются. И проживают здесь вторую жизнь.

— А потом?

— Не торопитесь, юноша, — вздохнул Гэндальф, — все это очень сложно и грустно, и я ничего не могу вам обещать...

— А я и не тороплюсь, — заверил Сережа. — Мне пока и в этом мире неплохо.

— Не сомневаюсь. — Гэндальф отставил чашку на подоконник. — Я и не тревожил бы вас, если б ваш предок, уходя из Средиземья, не унес с собою Кольцо Всевластья.

— Разве такое возможно?

— Как правило нет, — Гэндальф задумчиво вертел в руках палку. — Но Кольцо есть Кольцо... Исильдур ли слишком желал Его, Оно ли хотело сокрыться на время, или то была воля Его господина — трудно сказать. Но Кольцо покинуло Средиземье и очутилось здесь.

Сережа проглотил слюну. О чае он прочно забыл.

— Значит мой предок — Исильдур? Послушайте, это невозможно!

— А это? — Гэндальф кивнул на Кольцо. — Юноша, я не меньше вашего хотел бы ошибиться.

— Но ведь Кольцо здесь не опасно?

— Вы полагаете? — Гэндальф, шурясь, глядел на огонь свечи. — В каждом Круге Мира есть своя магия, а в Кольце воплощено такое зло, что и в чужом мире... — он оборвал себя. — Да и не только в этом дело. Видите ли, юноша, Кольцо необходимо вернуть.

— Да пожалуйста! — Сережа поспешно стащил с шеи цепочку, протянул Гэндальфу. Тот предостерегающе поднял руку:

— Нет! Я не могу взять Его, и вы должны это помнить. Только вы можете это сделать.

Сережа держал перед глазами ладонь с Кольцом, как лягушонка, собиравшегося прыгнуть.

— Остается пойти и отдать, — нарочито небрежно сказал он. — Спрашивается — как? И кому?

— Да уж не Ему, — хмыкнул Гэндальф. — А как? Видите ли, юноша...

— Ну?

— Я полагаю, что после смерти люди возвращаются в Средиземье.

Сережа зажмурился и вновь открыл глаза. Кольцо темно поблескивало на ладони.

— По-ла-га-ете?

— Я же говорил вам, что ничего не могу обещать.

Гэндальф ссутулился и стал как-то старше. Свеча горела, потрескивая в тишине.

— Вы мне предлагаете... помереть? — шепотом спросил Сережа.

— Решение за вами.

— А если я не попаду туда?

— Вполне возможно.

— А если Оно останется здесь?

— Тоже вероятно. Наши шансы ничтожны, юноша.

— Весело, — сказал Сережа, и они замолчали надолго. Потом

Гэндальф поднялся, стукнув палкой об пол.

— Мне, пожалуй, пора, — сказал он.

— А как же я? — растерянно, по-детски спросил Сережа.

Гэндальф грустно улыбнулся.

— Так ведь я ничем не могу вам помочь. И вынуждать не могу. Все решаете вы. Прощайте.

— Погодите! — Сережа вскочил, запихнул Кольцо в карман, спохватился, натянул на шею цепочку, едва не ободрав уши. — Я... Я провожу вас.

Но Гэндальф уже открыл дверь и исчез за нею. Сережа схватил с подоконника свечу и бросился следом.

В коридоре никого не было. Сережа со вздохом привалился к косяку.

— Наваждение, — пробормотал он.

Зазвонил телефон. Мать всегда звонила по вечерам, приходя с работы. А может, это была и не мать. Сережа прошел мимо телефона и вернулся в комнату. Подошел к окну. Телефон все трезвонил и вдруг, поперхнувшись, смолк. Свеча оплывала на руку горячими каплями, но Сережа не чувствовал этого. Ему вдруг ужасно захотелось взглянуть на Кольцо. Дрожащими пальцами он выбрал цепочку. Кольцо чуть светилось — легкое, прохладное, гладкое, удивительно красивое. Сережа с усилием спрятал его и дернул створку окна. Рама не поддавалась. Он рванул сильнее — и окно распахнулось с грохотом, сметая на пол миски и чашки. Сережа отбросил свечу и вскарабкался на подоконник. Ветер обдал его холодом. Сережа чуть качнулся. За спиной, в коридоре, опять зазвонил телефон. И тогда Сережа шагнул из окна в пустоту.

Ледяная черная вода захлестнула его.

«Я выплыву, — подумал он. — Выплыву».

...Ноги нащупали дно реки, и, выбредая из ила, Исильдур пошел через заросли тростника к топкому островку. Там вышел он из воды — смертный человек, ничтожное создание, одинокое и забвенное в дебрях Средиземья. Но для орков, что несли там стражу, восстал он тенью грозной и ужасной, со сверкающим глазом во лбу. Выпустив в него отравленные стрелы, они бежали прочь. И напрасно — Исильдур, лишенный брони, был поражен в горло и сердце и, не вскрикнув, рухнул обратно в воду. Ни люди, ни эльфы не отыскивали потом его тела.

Москва, 3-4 января 1990 г.

Константин Заводских **Сага про хитрую Элберет и простодушных гимли**

Фрагмент 1

Происходит интересная вещь. За четыре года с момента издания роман «Властелин Колец» оказал такое сильное воздействие на умы нашей общественности, какое не оказывало, пожалуй, ни одно из произведений со времен Октябрьской революции.

У нас любили разные книги. Но представьте себе...

Например — Воланд-кон. Это, должно быть, где-то в Казани. Сначала черная месса. Дальше — оргия. Весьма обнаженные ведьмочки,

прыгающие с горящими глазами по сцене, претендуют на звание Маргариты Года. Между пьяными и веселыми участниками снуют адепты в черных плащах. Они продают индульгенции на совершение добрых дел в будущем году и проводят подписку на участие во всероссийском шабаше. Хлопают пробки от шампанского. Произносятся речи. Народ веселится вовсю.

— Фантастика.

Давайте попробуем по-другому Пологий речной берег, переходящий в лес. В виду горящей модели черного бронехода подразделения поют гимн игрищ — «Белая субмарина». Свежий ветер треплет штандарты над стройными рядами. Дым стелется над рекой... Пока под звуки аккордов адмирал Островной империи произносит речь о героизме, на заднем плане Неизвестные Отцы сгружают с грузовиков тяжелые длинные ящики темно-зеленого цвета.

Лица у тех, кто в рядах, — серьезные. Они догадываются, что в ящиках.

— Фантастика опять.

А вот уроки эльфийского — не фантастика.

И компьютерные психотесты на содержание у тебя хоббичьих, гномичьих и эльфийских генов — не фантастика.

И когда множество народу со всей России бежит с топорами и мечами по лесам, изображая из себя хоббитов с эльфами — это тоже не фантастика.

Как это могло произойти? Чего же такого заложил Толкин в свои вещи, что сводит наших людей с ума?⁵⁹

Данная статья является попыткой ответа на этот вопрос.

Фрагмент 2

Когда среди толкинистов заходит речь о причинах популярности творений Профессора, обсуждение вскоре приобретает настрой, хорошо передающийся в приводимой ниже цитате.

«...иногда кажется, что переводчики действуют в рамках орковских инструкций, с теми же ограничениями, но и с тем же непонятным желанием поглумиться. Но хоббиты в конце концов сбежали и вышли из окружения несломленными. Так и книги Толкина, несмотря на все помянутые недостатки переводов, получили огромную популярность у русского читателя, а герои пользуются настоящей народной любовью».

Налицо появляются, во-первых, глумящиеся переводчики, во-вторых, — замечательные книги Толкина, которых им не удалось окончательно испортить.

Поскольку отечественный толкинизм обязан своим возникновением переводам В. Муравьева и А. Кистяковского, вышедшим ранее всех в издательстве «Радуга», то, в рамках поставленной задачи, показать, как и над чем «глумятся» переводчики мне представляется логичным именно на их примере.

59 Для воинствующих толкинистов — здесь: «Сводить с ума» — надлежит воспринимать не ругательно, а романтически, как во фразах: «Любовь свела его с ума», «Тыводишь меня с ума, дорогая» и т. д.

Фрагмент 3

Если вы имеете обыкновение не пропускать при чтении предисловий, то можете узнать из «Предыстории» В. Муравьева, что Толкин написал свою первую средиземскую книгу «для того, чтобы... (это он в письме) можно было ее просто посвятить Англии, моей стране». А после прочтения «Предыстории» вам станет ясным, что долгая работа автора над миром Средиземья привела к тому, что история, названия, фольклор и речь сказочных народов несут там глубокую смысловую нагрузку.

Надо теперь сказать, эти две вещи связаны. Ох-х, и как же они крепко связаны! Настолько крепко, что у жителя восточных земель (читайте — Ostland) при чтении оригинальных текстов мороз по коже пробегает.

Впрочем, будем осторожны.

Приступая к анализу текста, имеет смысл выяснить серьезность авторских намерений. Иначе можно сделать массу далеко идущих выводов на основе сказки типа «Курочки Рябы».

Толкин в предисловии к «Властелину Колец», адресуясь к критикам, пишет:

«Я недолюбливаю аллегорию во всех ее проявлениях, недолюбливаю в особенности с тех пор, как состарившись, стал подозрителен и легко обнаруживаю ее присутствие. Мне больше нравится история, правдивая или вымышленная, с ее разнообразной применимостью к мыслям и опыту читателя. Мне кажется, что многие склонны путать применимость с аллегорией, однако, если первое означает свободу читательского воображения, то вторая полностью зависит от взглядов и пристрастий автора».

К сожалению, в чем именно автор видел разницу между «аллегорией» и «применимостью» на уровне текста из фрагмента понять невозможно. Высказываться же более определенно он в предисловии нужным не считал.

Попробуем выяснить это, используя другие источники.

Из работы С. Килби «Толкин и Сильмариллион» (2), содержащей личные впечатления автора от общения с Профессором, можно узнать следующие подробности:

«В телефонном разговоре с Толкином Генри Резник спросил, что было к западу от Руна и к югу от Харада, на что Толкин ответил — Рун по-эльфийски Восток. Азия, Китай, Япония и все то, что люди на западе считают очень далеким. А южнее Харада Африка, жаркие страны. Тогда Резник поинтересовался: «В таком случае Средиземье, это, должно быть, Европа?» И Толкин ответил: «Да, конечно...»

«...Когда я спросил его, были ли хоббиты в более ранних эпохах, он ясно ответил, что тогда их не было, потому что хоббиты — это англичане».

«Еще он рассказывал об одной старой мельнице в Бирмингеме, где жил мальчишкой, как о Ширской и был польщен замечанием, что ее стоило бы сохранить».

«Профессор Толкин выразился предельно ясно в отношении природы Гэндальфа. На мой вопрос он, не колеблясь, ответил: «Гэндальф — ангел».

В своей «Мифологии Средиземья» (3) Рут Ноэл также вполне категорична:

«Толкин оправдывает использование имен и сюжетов из мифологии во «Властелине Колец» на том основании, что в романе описываются реальные события, не ставшие достоянием исторических хроник».

Таким образом, не будет ошибкой принять, что во «Властелине Колец» автор все-таки выразил свое отношение к реалиям нашего мира.

Я бы предложил уважать волю Толкина и не называть это аллегорией. Назовем это символизмом, или применимостью, или как вам угодно.

«...сколько ни отнекивайся Толкиен, а «хоббит» все-таки сокращение двух слов ho(mo) (лат.), «человек» + (ra)bbit (англ.), «кролик».

В. Муравьев «Предыстория»

Фрагмент 4

Геополитические воззрения Толкина укладываются в стройную, внутренне непротиворечивую систему. Преследуя при написании «Властелина Колец» цели, главным образом, дидактические (4), он постарался, чтобы эта система легко прослеживалась даже при самом поверхностном прочтении его романа.

Именно благодаря этому для человека, знакомого с оригинальным текстом, следы ее присутствия еще угадываются в переводе. (Хотя, признаться, это больше напоминает метод реставрации вымершего животного по Кювье — знаете, когда берется кость, и по ней восстанавливается прижизненный облик ее обладателя.)

Для тех же, кто с оригиналом не знаком, ее существование после прочтения переводов В. Муравьева и А. Кистяковского так и останется загадкой.

Такие читатели, конечно, обратят внимание на то, что плохое в романе исходит с востока, а хорошее с запада. Но всякий раз при этом повествование будет носить либо совсем уж сказочно-несерьезный оттенок, либо заботливые⁶⁰ переводчики будут предлагать свое тому объяснение, следя за тем, чтобы доза идеологической нагрузки в тексте не была способна потрясти даже самую тонкую психику.

Сильно англизированное описание Шира в авторском тексте с самого начала переводит вышеупомянутую систему из плоскости сказки в плоскость жизненных аллюзий. И мистификации в переводе начинаются буквально с раскрытия книги.

Странно наблюдать, как вполне английский Шир (Shire) — «графство» (знаете: Девон-шир, Йорк-шир) становится Хоббитанией, дюжий герой хоббитских хроник Тук, легко ассоциирующийся с одним лихим монахом из баллад о Робин Гуде — Кролом, а пьяный Брендивин (Brandywine = бренди+вино) туманным по смыслу Брендидуимом, где «бренди» звучит как производное слова «взбрендить», если учесть странность тамошних жителей... Англосаксонский тан вдруг превращается в существо под названием Хоббитан. Типа — был хоббит, а стал — Хоббитан! Хоббитан-Хоббитан-Хоббитанище! Люди, именуемые хоббитами просто и без затей «Большой народ», становятся какими-то

60 Я не шучу.

Громадинами, и так далее, и так далее... Перечень можно продолжать бесконечно.

В результате из Англии получается детсад.

При этом, вполне логично, читателю предлагается воспринимать хоббитов как разновидность зайцев. Племена хоббитов (в переводе — породы) из шерстоногов, хватов и, м-м, дивно-власов превращаются во вполне зоологических лапитупов, струсов и беяков. Далее их вообще начинают называть зайцами без какой-либо оглядки на авторский текст:

«Вот растяпа! Заспешил! Приглашает ужинать! А зайчата — чуть живые, им умыться нужно. Ну-ка, милые, сюда. А плащи — снимайте. Есть и мыло и вода — умывайтесь, зайцы!»

Если сохранить рифмованность речи Бомбадила, то соответствующий фрагмент можно перевести, например, так:

«Том, ах, Том! Устали гости, как же ты забыл! Я, друзья,
пойти помыться вам бы предложил. Грязные плащи снимайте,
космы расчешите, смойте грязь с лиц и рук и к столу спешите!»

Алхимическая трансмутация авторского текста в яркие пассажи перевода может быть прослежена на примере следующего фрагмента:

«Эти древние ножи будут вам мечами, — сказал он. — Верные клинки нужны, если вы идете вдаль, на юг или восток, навстречу опасности». Затем он поведал им, что эти кинжалы давным-давно выковали Люди Западной Страны, враги Темного Властелина, что были разбиты зловещим королем Карндума из Земли Ангмар».

Вполне стандартный такой, мрачноватый фрагмент в стиле «мечей и колдовства».

Перевод:

«Впору малышам кинжалы, пригодятся как мечи, — сказал Том. — Не единожды, пожалуй, нападут на них в ночи злые слуги Властелина, что таится словно тать, у Огнистой. Но отныне их нельзя врасплох застать. Хоббит с арнорским кинжалом — он что кролик с тайным жалом: нападешь, а он ужалит... Заречешься нападать!»

«Он объяснил хоббитам, что клинки выкованы полторы тысячи лет назад оружейниками княжества Арнор, которое пало под натиском с севера: ратной силой его бы, может, и не одолеть, но одолело злое чародейство, ибо колдуны овладели тогда северным Ангмарским краем».

При чтении подобных пассажей произвольно приходит на ум приключенческая пьеса для младшего школьного возраста.

При переводе широких эпизодов в соответствие с нейтральной детсадовской концепцией приведены не только система имен собственных и общий стиль повествования, но и ряд особенностей сюжета.

Толкинские хоббиты, будучи, по определению, англичанами, и ведут себя по-английски. Слуга Сэм обычно обращается к Фродо и прочим хоббитам не иначе как «сэр». В оригинальном тексте это звучит как знаменитые фразы Бэримора из «Собаки Баскервилей». Переводчики, видимо, решив, что среди зайцев такая форма обращения неприемлема, переименовали ее в «сударь». Тот же самый «сэр» там, где это не создает

английских ассоциаций, оставлен без изменения⁶¹.

Всяческая проза жизни из текста про хоббитов улетучивается при переводе, как с белых яблонь дым.

«Сэквиль Бэггинсы обнаглели. Начали они с того, что стали предлагать ему низкие цены (как между друзьями) за разные ценные вещи, на которых и ярлыков то не было».

(Ну только представьте себе: друзья-зайки вместо того, чтобы делать друг другу подарки, вынимают кошельки и начинают пересчитывать деньги! Ужас!)

Конечно, они на такое неспособны.

«А Лякошели вели себя весьма напористо. Сначала они стали предлагать за разные вещи бросовые цены...»

Заканчивая с Англией и хоббитами, приведу пример, на мой взгляд, символический:

«В свое время им конечно, приходилось, как водится в нашем мире, постоять за себя».

Озадаченный смыслом этой фразы (т. е. они, что, дрались друг с другом?), я стал искать соответствующий фрагмент у автора. И выяснил, что переводчики имели в виду следующее:

«Во дни былые приходилось часто сражаться, чтобы выжить в суровом мире!»

Кстати, стоит упомянуть, что это обстоятельство у Толкина в известной степени отразилось и на именах хоббитов:

Изенгар — железное копье

Изенгрим — железная маска

Изембард — железнобородый

Изембольд — железный дом

Рудигар — кровавое копье

Сэмуайз — простак

Фердибранд — факел войны

Фредигар — копье войны

Фродо — мудрый; имя «Фрода» встречается в «Беовульфе»

Хильдигард — боевое копье

Хильдигрим — жестокий в битве

Хольман — святой

— подборка произвольная, перевод с древнеанглийского (2)

Таким образом, если вы, читая текст В. Муравьева и А. Кистяковского, вдруг уловите в названиях, или в характере персонажей, или где-нибудь еще что-нибудь заячье или нарочито несерьезное, то можете быть уверены, что к творчеству Толкина это отношения не имеет, — Толкин во «Властелине Колец» уже не байки травит. Он проповедует и шуточек не терпит.

Правда, иногда его пламенная любовь ко всему западному выходит из-под контроля, приводя ко всяким казусам. К примеру, в первой части трилогии фигурирует такая деревенька Пригорье. Она отличается тем,

61 При общении с Элрондом, Денетором и прочими.

что окна ее домов смотрят на запад. (В переводе — «большей частью».) Ну это еще можно худо-бедно объяснить — с востока у нее холм, он свет загораживает. (Правда, как быть с севером и югом, я, признаться, не знаю.) Но в попытке объяснить то, что и двери в этой странной деревеньке расположены с западной части домов, я не продвинулся дальше предположения, что у пригорян, как и у прочих примитивных народностей, действуют разные табу.

Переводчики, видимо, сочли это несуразным и о расположении дверей в Пригорье умолчали.

Как умолчали они про то, что язык всех положительных героев трилогии именуется «Языком Запада»⁶²

«В те далекие времена они, должно быть, освоили и письменность — на манер дунаданцев, которые когда-то переняли ее у эльфов. Скоро они перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду».

Между тем как у автора об этом написано так:

«В эти ранние дни хоббиты обзавелись письменностью и стали писать похоже на дунаданов, перенявших давным давно это искусство от эльфов. Они забыли свои древние языки и восприняли всеобщую речь, или, как она называлась, Язык Запада, что был в ходу по всей Земле Королей...»

То, что Люди Запада у Толкина лучше всех, из текста Муравьева еще как-то понять можно. Но там это совершенно по-другому объясняется.

В переводе Гэндальф (уже Белый), вразумляя Пиппина перед встречей с Правителем Гондора, сравнивает Теодена с Денетором как более простого конунга с искушенным в интригах правителем большого и древнего королевства.

«Это тебе не добродушный старец Теоден. Денетор — человек совсем иного склада, гордый и хитроумный, высокородный и могущественный властелин, хотя князем и не именуется».

Между тем в оригинале речь не идет ни о каком сравнении складов и нравов (параллель хитроумие-добродушие). Гэндальф подчеркивает высшее достоинство Денетора как потомка Людей Запада:

«Теоден — добрый старик. Денетор же — иной мерки, гордый и проницательный, человек более великого рода и мощи, хотя его и не называют королем».

Примечательно, что подобная оценка противоречит духу героического эпоса англосаксов — ценность человека там в первую очередь определяется его личностными достоинствами.

Мне кажется яснее всего об этом сказано в «Беовульфе»:

Каждого смертного
ждет кончина!
Пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!

62 Westron — от староангл. westren — в букв смысле «принадлежащий западу».

Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная! (5)

Позволю себе в связи с этим напомнить, что Теоден, который, по мнению Гэндальфа, не более чем «добрый старик», встречает смерть, выполняя клятву предков, во главе своего войска на поле битвы, в то время как властитель «более высокого рода и мощи» отсиживается за стенами неприступной цитадели, а потом, решив, что дела приняли плохой оборот, устраивает себе погребальный костер, предварительно попытавшись затащить туда раненого сына.

Пытаясь объяснить, как автор допустил в своем тексте столь явный ляп, невольно приходишь к выводу, что происхождение было для него качеством, настолько определяющим личность, что всякие прочие ее проявления он рассматривал уже как несущественные.

Но может быть, тому виной просто недосмотр? Или же предполагалось, что Гэндальф ошибся — по сюжету перед встречей он уже достаточно давно не видел Денетора.

Дальнейшее чтение разрушает иллюзии. После разговора с гондорским Правителем маг высказывается о нем еще определеннее:

«Он вообще не чета людям нашего времени. Пиппин, — какой бы ни была его родословная, случилось так, что кровь Западного Края проявилась в нем почти полностью, как, кстати, и в его другом сыне Фарамире, в отличие от Боромира, которого он больше любил».

Перевод не дает возможности по достоинству оценить эту откровенную манифестацию позиции автора. Смысл приводимой выше фразы в нем искажен с точностью до наоборот — кровь подменяется духом, культурным наследием.

«Он вообще не чета нынешним людям, Пин: случилось так, что если не по крови, то по духу он — истый потомок нуменорцев; таков же и младший сын его Фарамир, в отличие от Боромира, хотя тот и был любимцем».

Кровь «Высшей Расы»⁶³ и присущее ей высшее достоинство в волшебном мире Средиземья — качество, являющееся не только достоянием пыльных библиотек и долгой памяти эльфов, которое способен исчислить лишь Мудрый. Качество настолько магнетическое, что при первом взгляде распознается даже по-руссоистски наивным хоббитом и настолько важное, что чувства, которые оно при этом рождает, описываются у Толкина столь детально, как может описываться лишь деятельность рассудка.

Ниже я привожу один из наиболее интересных пассажей:

«Гордый и печальный, он задержался на мгновение, чтобы сказать что-то стражникам, и глазающий на него Пиппин ощутил, насколько он похож на своего брата Боромира, который пришелся ему по нраву с первого взгляда, вызвав уважение своей манерой поведения — величественной и доброй одновременно. Но вид

63 High Race — дословно.

Фарамира внезапно вызвал в глубине его сердца чувства, которые он раньше не испытывал. Ибо перед ним стоял тот, в котором ощущался дух высокого благородства, сродни временами вспыхивавшему в Арагорне, менее высокого, возможно, но и менее скрытого и отдаленного: один из королей рода людского, рожденный в позднейшие дни, но тронутый печатью мудрости и грусти древней расы».

С учетом приводимых выше евгенических разъяснений Гэндальфа внезапно возникшая в сердце хоббита иерархия приобретает следующий логически законченный вид:

Арагорн — прямой потомок нуменорцев, Фарамир — отдаленный, и Боромир — хоть и генетическая аномалия, но все еще свой мужик.

Прочитав соответствующий эпизод перевода, вы ни в жизнь ни о чем подобном не догадаетесь — высокая оценка героя там опять объясняется тем же самым культурным наследием.

«...В нем было высокое благородство, напоминавшее Арагорна, ну, может, менее высокое, зато ближе и понятнее: властитель иного склада, других времен, он все же наследовал и древнюю мудрость и древнюю скорбь».

Народы в романе ранжируются по тому же принципу.

На совете Светлых Сил, где решается судьба Кольца, государь Элронд в своем историческом экскурсе с грустью замечает:

«Но течение быстрых лет Средиземья подточило род Менельдила, сына Анариона, и Древо высохло, и кровь нуменорцев смешалась с кровью меньших людей».

Интересно, что это пресветлый государь имел в виду?

Не знаю, может быть тому виной многочисленные перепевы мифологических сюжетов в романе, но мне как-то сразу пришли на ум древние. На их барельефах и фресках властители всегда большие, а слуги маленькие-маленькие, ну ни дать ни взять...

Конечно, это всего лишь мои ощущения.

Однако переводчики, должно быть, тоже почувствовали в этой фразе определенный мировоззренческий заряд. Почувствовали — и решили, что нам забивать себе этим голову не след — в соответствующем эпизоде «Хранителей» о «меньших людях» нет ни слова:

«Но холодное дыхание всесильного времени притушило славу княжества Гондор. Одряхло и засохло Белое Дерево, а князь Менельдил, сын Анариона, умер, не оставив сына-наследника, и род князей-нуменорцев угас».

Как нет о них ни слова и в этом описании:

«Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы».

Авторский вариант:

«Серая фигура Человека — Арагорна, сына Араторна — возвышалась высока и сурова, как скала, на мече покоилась рука его, и выглядел он, словно король, что ступил из морских туманов на берега меньших людей».

Расовая сегрегация в Средиземье так и осталась бы совершенно неведомой для читателя, если бы Толкин, сочтя, что рассеянных по тексту

подобных замечаний не достаточно, не решил высказаться об этом вопросе с полной определенностью.

Благодаря чему в тексте перевода появился следующий любопытный эпизод:

«А надо вам сказать, что от истоков своих род людской, согласно нашим священным преданиям, делится на три клана: Вышний, Люди Западного Света, нуменорцы, Средний, люди Сумерек, как мустангримы и их сородичи, поныне обитающие на севере, и Отступный, Люди Тьмы».

Обратите внимание, как это подается: упоминание «священных преданий» придает сначала фразе возвышенность, после чего расслабившийся читатель уже с легкостью воспринимает содержательную часть, в которой «Вышний клан» потому именно «Вышний», что он клан Света, а «Отступный» — это всякая шушера, которая сама, типа, от Света и отступилась.

Вроде как звали их, звали...

Толкин в своей классификации в оправданиях не нуждается:

«Ибо так мы разделяем людей в наших знаниях: Высшие, или Люди Запада, нуменорцы, Средние народы, Люди Сумерек, как рохирримы и их сородичи, живущие на севере, и Дикие, Люди Тьмы».

Стоит отметить, что абзацем выше говорится о родстве северян с нуменорцами. С учетом этого обстоятельства иерархия получается следующая:

1. Люди Запада.
2. Их родичи.
3. Дикие.

То есть, если тебе не повезло с западными генами, то ты, согласно понятиям благородных эльфов и эльфинитов — Дикий. Не жди пощады, парень.

Ибо данная концепция в Средиземье служит оправданием для политики тотального геноцида в отношении Диких.

Следующая цитата относится к войне гондорцев и эльфов с Ангмаром. (Приложение 1; не переведено вовсе.)

«И так сокрушительно был разбит Ангмар, что к западу от гор в том королевстве не осталось ни орка, ни человека».

Орки, аллах с ними, а вот вырезанных ангмарских крестьян жалко. В особенности потому, что их последний феодал был тоже не сахар.

Фрагмент 5

Заканчивая, приведу оценку толкинской «дидактики» В.Шепса (6): «Если мы попытаемся перенести моральные критерии, присущие трилогии, на наш реальный мир, то обнаружим, что они подпадают под определение патерналистических, реакционных, антиинтеллектуальных, расистских, фашистских».

И из такого произведения у нас была сделана красивая сказка, пользующаяся заслуженной популярностью.

В. Муравьева, несомненно, надо поздравить с творческим успехом.

Прочих переводчиков — тоже, в большей или меньшей степени.

Библиография

1. **Жукова** Н., Виноградов Г. Хоббит среди орков. Хиппилэнд, 1993, N 1. (Спб).
2. **Kilby**, C. Tolkien and The Silmarillion. Berkhamsted, Lion publ., 1977.
3. **Noel**, Ruth S. The Mythology of Middle-earth. Boston. Mifflin, 1977.
4. **Tolkien**, J.R.R. Letters of J.R.R. Tolkien. London, Allen&Unwin, 1981.
5. **Беовульф** (Пер. В.Тихомирова. В кн.: Западноевропейский эпос. Л.: Лениздат, 1977).
6. **Sheps**, W. The Fairy-tale Morality of the Lord of the Rings. В кн.: A Tolkien Compass. Ed. by Jared Lobdell. La Salle, Open Court, 1975.

Татьяна Кухта Толкин в зеркале русской фэнтези

Перумов Н. Кольцо Тьмы. Средиземье 300 лет спустя; в 2-х т. — СПб: Северо-Запад, 1993.

Исаков Дм. Путешествие в мир Толкиена: Из цикла «Битвы во времени». В кн.: Исаков Дм. Акулу съели-2. — М: ТПО «Интерфейс», 1993.

Разнообразие переводов книг Дж. Р.Р. Толкина, изданных в нашей стране за последние годы, пополнилось двумя изданиями, которые примечательны уже одним своим появлением, даже если не упоминать ни словом их литературные достоинства. Эти книги вышли в свет почти одновременно, одна в Санкт-Петербурге, вторая — в Москве, и обе представляют собой любопытный образчик «околотолкиновской литературы», то есть пытаются на свой лад рассмотреть и продолжить события и идеи прежде всего эпопеи Толкина «Властелин Колец». Поскольку Н. Перумов пытался отнестись к своей задаче куда серьезнее, чем его московский собрат по перу, то и рассмотрим прежде всего результат его попыток — двухтомную эпопею под интригующим названием «Кольцо Тьмы: Средиземье 300 лет спустя».

Перед нами книга, которая одним своим внешним видом обещает весьма и весьма много. «Продолжение «Властелина Колец» — это уже серьезная заявка, хотя автор и предусмотрительно защитил себя уточнением «свободное». Любовь к Дж. Р. Р. Толкину в нашей стране родилась давно и все растет, невзирая на смены правительств и экономических формаций, а потому всякий, кто берется переводить ли, продолжать ли Толкина, взваливает на свои плечи немалую ответственность. Толкин ведь не просто писатель — он идеолог, вдохновитель, божество многочисленного и пестрого племени толкинистов, и каждый из них видит *своего* Толкина, *свое* Средиземье. Не так-то просто в их глазах оказаться достойным продолжателем Толкина! Тем большего ожидаешь от двух томов в суперобложке и с фирменным знаком хорошо известного всем любителям фэнтези издательства «Северо-Запад», да еще сопровождаемых в высшей степени лестным предисловием. «Средиземье 300 лет спустя» — это ли не

заманчиво?

И мы открываем первый том под названием «Эльфийский клинок». Вряд ли стоит здесь подробно пересказывать содержание книги в полторы с лишним тысячи страниц — занятие это неблагодарное, да и ненужное. Достаточно сказать, что здесь опять действует хоббит, потомок Мериадока Брендизайка, который вослед за гномом из уютной норки отправляется в широкий мир на поиски приключений; в Средиземье, благополучном внешне, снова поднимают голову темные силы, и на сей раз их вожак — человек, потомок злосчастливого Боромира; после множества битв и походов происходит генеральное сражение, и облик Средиземья меняется необратимо. Сюжет вполне в духе Толкина — однако на этом сходство с Толкином и заканчивается. Несмотря на средиземский фон, на котором разворачивается повествование, несмотря на обильные цитаты, прямые и косвенные, из «Властелина Колец» и постоянные обращения к историческим событиям, книга Н. Перумова очень и очень далека от того, что она именует своим первоисточником. И дело тут совсем не в том, насколько отстоят друг от друга во времени описываемые ими события.

Можно оспорить, а можно и принять перумовский вариант развития Средиземья в Четвертой Эпохе — в конце концов, и земная история знает немало случаев, когда высокоцивилизованные государства повергались в прах ордами варваров (а именно это и происходит с Гондором и Арнором в «Кольце Тьмы»); можно — со скрипом — согласиться и с тем, что варваров Востока против цивилизации Запада направляет Темная Сила, порожденная Сауроном. На нечто подобное намекал и сам Толкин, писавший, что через сто лет после победы над Сауроном среди людей Средиземья возродится его культ, а уж кому это знать, как не Дж. Р. Р.! Однако есть вещи, которые Толкин жестко оговорил и сурово на них настаивал: например, то, что с окончанием Третьей Эпохи все Великие Кольца и вся связанная с ними магия исчезли бесследно; Саурон, Саруман и назгулы сгинули *окончательно*; Гэндальф *никоим* образом не может вернуться в Средиземье. Казалось бы, тому, кто пишет продолжение, пускай и «свободное», следовало бы прислушаться к автору первоисточника.

Куда там! У Н. Перумова запросто возникает гномье Кольцо Трора, давным-давно захваченное и уничтоженное Сауроном; назгулы, погибшие вместе с Черным Властелином, разлетаются метеоритами по всему Средиземью, и Олмер — тот самый потомок Боромира — собирает по метеоритным кратерам их обуглившиеся Кольца, которые ничуть не потеряли своей магической силы; Саруман в облике полупризрачного чудища живет себе на Севере и даже ухитряется, шустрик, делать пакости жителям Арнора. Что до Гэндальфа, он хоть и не является во плоти, зато регулярно ведет спиритические беседы с юным хоббитом, при каждом откровенном вопросе: «Что же это творится в мире?» пускаясь в такие космогонические бредни, что рядом с ними бледнеют хитросплетения «Принцев Амбера хитроумного Железны!

Впрочем, автор, вероятно, приносит эти детали в жертву высокому философскому смыслу своей новорожденной эпопеи? Невозможно ведь продолжать Толкина, не продолжая его идей извечного противостояния Света и Тьмы, Порядка и Хаоса, Красоты и Уродства. В мире Толкина грань меж Добром и Злом ясна и непреступима, а необходимость все время делать выбор между ними, выбор, который всякий раз что-то

изменяет в избравшем, — неизбежна. Многие критики считают, что здесь отразилось католическое мировоззрение Толкина, но такая узость взгляда вряд ли правомерна — Добро и Зло, в конце концов, категории, родившиеся вместе с человеческим разумом, и нельзя, скажем, образ Эру — Единого, Илуватара — совмещать исключительно с христианским Господом... Ну да не в этом дело, а в том, что такая ясность позиции напрочь отсутствует в сочинении Н. Перумова, хотя книга и битком набита декларациями о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Видимо, одних деклараций недостаточно, а та спокойная, ясная убежденность в силе и конечной победе Добра, которая свойственна профессору Толкину, не свойственна, увы, его русскому продолжателю. В чем-то, видимо, это отзвук мятежного нашего времени, но ведь и в более бурные эпохи грань между Добром и Злом оставалась незыблемой, и были люди, умевшие хранить гармонию в душе — как профессор Толкин.

Так и выходит, что в «Кольце Тьмы» за многословной проповедью Добра правят бал насилие, кровь, вражда, непримиримость — причем и с одной, и с другой стороны, так что ни одна сторона не выглядит правой. Это, видимо, называется объективностью, но на деле это всего лишь еще один облик Зла, призванный исказить лик Добра, и очень жаль, что автор попался на эту старую, как мир, удочку. В итоге разорение Запада вызывает лишь мрачное удовлетворение: так им всем и надо, потому что ни на что другое они не годятся. И в самом деле, что хорошего в Гондоре с его замшелым королем и спесивой знатью, в Арноре с его бюрократией и разжиревшими от сытой жизни хоббитами? Куда приятней отважные хазги (с их милой привычкой вырезать у поверженных врагов нижние челюсти), доблестные Истерлинги (они же вастаки) и brave харадримцы — уж они вольют свежую кровь в жилы одряхлевшего Запада! Вообще, складывается ощущение, что автор с непримиримой враждебностью относится ко всем проявлениям мира, покоя, довольства и процветания — право, есть нечто от гордых речей горьковского Буревестника в том, как он расписывает гнуснеющих в сытости хоббитов или мирных крестьян, которые, вот горе-то, за мирной жизнью разучились воевать. Недаром же Олмер с такой садистской радостью ставит с ног на голову «задыхающийся от подаренной нам эльфами сытости мир Средиземья»; по всему чувствуется, что Н. Перумов со своим героем вполне согласен, хоть тот и отрицательный.

Об Олмере, как и о прочих героях книги — речь особая, хотя говорить о них трудно, главным образом потому, что не отличишь их друг от друга. Разве что по разговорам: «наши» поминают Манвэ, Элберет и весь Западный Пантеон кстати и некстати, «не наши» клянутся Великой Лестницей и Черным Властелином; первые твердят о добре, Дивном Народе и мире, вторые — о войне, предателях-эльфах и абсолютной свободе человека от всего-всего (плюс такие мелочи, как вера и совесть). Те и другие с одинаковым смаком рубятся, стреляют и просто бьют морды в бесчисленных драках, которым автор уделяет многие страницы описаний. При этом юный хоббит — по замыслу автора, трепетная и чистая душа — колет, рубит, режет так же лихо, как и все прочие, но поскольку ему положена чувствительность, после боя всякий раз вздыхает об убиенных душах. Еще главные герои, Фолко и Олмер, выделяются среди прочих неумеренным количеством колдовства, сосредоточенного в их руках. Выше уже говорилось, что Олмер собирает якобы уцелевшие Кольца назгулов; с их помощью он в итоге обретает

такую мощь, что все темные силы Средиземья приходят к нему на поклон, и сам развоплотившийся Саурон. видимо, смертельно завидует в своем небытии смертному, который так легко обрел мощь, равную богам. Довольно щедр автор и с хоббитом, видимо, опасаясь, что иначе тот и до Пригорья не добредет, так он юн и беззащитен; и так бы, собственно, и случилось, если б хоббит волей автора не оказался постепенно обвешан, как рождественская елка, разными волшебными предметами; а к ним прибавляется мощный провидческий дар, выражающийся в постоянных озарениях, действиях исключительно по наитию, и т. д. Если автором было задумано провести героя по трудному пути и показать его взросление, физическое и духовное, то это, к сожалению, не удалось: с самого начала Фолко так везет, что и последний дурак бы на его месте возмужал и повзрослел.

Увы, автору не хватает чувства меры, которое, опять же, отличает профессора Толкина. Тому свойственна строгая точность, и всякая тварь, всякий предмет у него на своем месте и играют отведенную им роль. Перумов же, вероятно, от бессилия построить связный сюжет, щедро рассыпает по страницам книги волшебные предметы и жутких тварей, и каждый крутой поворот истории обосновывает очередным «роялем в кустах», чудесным совпадением, чудесным спасением или новым талисманом, а то и прозорливостью всего того же хоббита. Одна диковина громоздится на другую, пока у читателя не возникает ощущения, что он участвует в компьютерной игре под названием «Кольцо Тьмы». Насколько Толкин умел одним-двумя словами выразить любое движение души, настолько навязчивая декоративность Перумова превращает персонажей в маски на ходулях, плащи, под которыми пустота — не хуже назгульей. Благие порывы, ярость, скорбь — все это словно нарисовано театральным гримом, и многословие описаний только усиливает это ощущение *ненастоящего*.

Вся «эпопея» выходит огромной, чудовищной в своей серьезности пародией на «Властелина Колец», начиная от искаженной идеи «quest»-а и кончая буквальным повторением некоторых сюжетных ходов трилогии, как то: схватка Фолко с Умертвием, которая превращается в вендетту, поход гномов в подземельях Мории, встреча с энтами и с эльфами — правда, далеко на востоке и с эльфами-авари. Пародией выглядят и бесконечные рассуждения о добре и зле, о мудрости валаров и человеческом первородном грехе, истории якобы из прошлого Средиземья, придуманные специально для того, чтобы обосновать очередной чудесный поворот в сюжете. За попытками выглядеть глубокомысленно — та же назгулья пустота.

О литературных достоинствах данного произведения говорить без кавычек невозможно, ибо не о чем. Мысль увязает в бесконечных периодах описаний, разговоров, рассуждений, пейзажей... так и чудится, что автор действовал по бессмертной фразе: «Сделайте нам красиво!» Эта рыхлая красивость, видимо, и помогла растянуть на два тома повествование, чья художественная структура от первого толчка разваливается на составные части. Однако умение составлять слова в предложения еще не делает романа, равно как использование материала «Властелина Колец» не делает эту книгу настоящим его продолжением.

Не хочется придирается к мелочам, но что делать? Славянские имена в Арноре, активные действия Кэрдана (Сэрдана) Корабела, который покинул Средиземье еще в конце Третьей Эпохи, поголовная грамотность

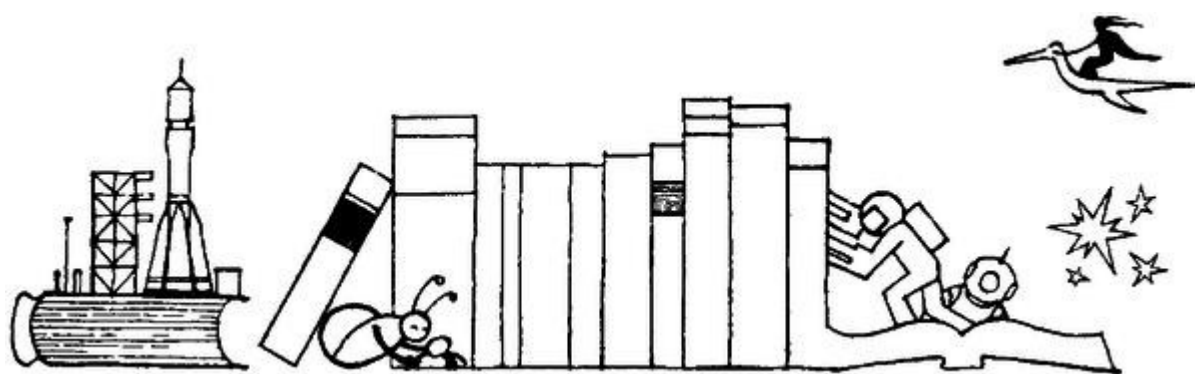
в эпоху раннего средневековья и тому подобные досадные детали можно было бы счесть придирками, если бы они так удачно не оттеняли общий облик этого гигантского винегрета из Толкина.

* * *

На фоне предыдущей книги «Путешествие в Мир Толкиена» Дм. Исакова кажется легким десертом, который съесть — и забыть. Впрочем, книга именно для этого и предназначена. Ни на глубину мысли, ни на точность изложения она не претендует, а с литературной точки зрения напоминает больше всего развеселые байки студента, изголодавшегося по стипендии. Сюжет незамысловат: бравый разведчик во времени, увлекшись Толкином, с благословения начальства отправляется, экипированный до зубов, в Средиземье, дабы навести там должный порядок... Простой человек посмеется непритязательным животным смехом, как на кинокомедии с де Фюнесом, а серьезного толкиномана лучше сразу предупредить: все это несерьезно, и не надо разыскивать автора, чтобы побить его свежеезданным произведением. Словом, к Толкину творение Дм. Исакова имеет только то отношение, что многострадальное Средиземье использовано здесь как фон. Всерьез анализировать данное произведение попросту невозможно.

Остается заключить, что Дж. Р. Р. Толкину в нашей стране и везет, и не везет — трудно понять, что больше. Его любят, переводят — но переводы большей частью неадекватны, а то и поделки куска хлеба ради. Его мир вдохновляет на создание новых книг — но каких!.. Остается только надеяться, что либо найдется русский писатель, способный действительно талантливо продолжить Толкина, либо русская фэнтэзи перестанет ходить чужими, пускай и заманчивыми путями и займется поиском собственного пути. Счастливого «quest»-а, господи!

Библиография

Татьяна Добрусина
Джон Рональд Руэл Толкиен на русском языке

1. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер. и авт. предисл. Н. Григорьева, В. Грушецкий. — СПб.: Северо-Запад, 1991. - VII, 1005 с. + прил. (С. 1010-1104). - (Библиотека «Звезда»), — Продолж. кн. «Хоббит, или Туда и обратно». 100 000 экз. Содерж.: 4.1: Братство кольца; 4.2: Две крепости; 4.3: Возвращение короля.

2. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер. В.А.М. — Хабаровск: Амур, 1991. - 462 с. — (Все звезды фантастики). 300 000 экз. Содерж.: Летопись 1: Содружество Кольца.

3. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер. В.А.М. — Хабаровск: Амур, 1991. - 399 с. — (Все звезды фантастики). 300 000 экз. Содерж.: Летопись 2: Две твердыни.

4. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер В.А.М. — Хабаровск: Амур, 1991 — 431 с — (Все звезды фантастики) — В прил Хроника королей и властителей Короли-нуменорцы, Род Эорла, Счет городов Хроника западных государств 100 000 экз. Содерж: Летопись 3 Возвращение короля

5. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер Н Григорьева, В. Грушецкий — СПб Северо-Запад, 1992 — 477 с 200 000 экз. Содерж. Ч 1 Братство кольца

6. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер Н Григорьева, В. Грушецкий — СПб Северо-Запад, 1992 — 350 с 200 000 экз. Содерж Ч 2 Две крепости

7. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец /Пер Н Григорьева, В. Грушецкий — СПб Северо-Запад, 1992 — 447 с 200 000 экз. Содерж Ч 3 Возвращение короля

8. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец Кн 1-3 /Пер Н Григорьева, В. Грушецкий, Пер стихов Н Гриншпун — М: ТОО «Издатель», 1993 — 444 с 50 000 экз

9. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец Кн 4-6 /Пер Н Григорьева, В. Грушецкий, Пер стихов Н Гриншпун — М ТОО «Издатель», 1993 — 359 с 50 000 экз

10. Толкин Дж.Р.Р. Возвращение Государя Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец» /Пер В Муравьев — М Радуга, 1992 — 351 с — Продолж кн «Две твердыни» 50 000 экз

11. Толкин Дж.Р.Р. Возвращение Государя Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец» /Пер В Муравьев — Новосибирск Новосибирск кн изд-во, 1993 — 332 с 60 000 экз

12. Толкин Дж.Р.Р. Волшебные истории — Хабаровск: Амур, 1992 — 159 с — (Все звезды фантастики) 100 000 экз Содерж Фермер Джайлс из Хэма, Кузнец из Большого Вуттона, Лист кисти Ниггля, О волшебных сказках

13. Толкин Дж.Р.Р. Две твердыни Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер В Муравьев М Радуга, 1990 -413 с — Продолж кн «Хранители» 200 000 экз

14. Толкин Дж. Р.Р. Две твердыни Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер В Муравьев М Радуга, 1991 -413 с — Продолж кн «Хранители» 100 000 экз

15. Толкин Дж. Р.Р. Две твердыни Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер В Муравьев — Новосибирск Новосибирск кн изд-во, 1992 — 383 с — Продолж. кн «Хранители» 100 000 экз

16. Толкин Дж. Р.Р. Дерево и лист" Сборник /Пер Н. Прохорова, С. Кошелева — М Прогресс Гнозис, 1991 — 140 с 50 000 экз Содерж О волшебных историях, Лист работы Мелкина

17. Толкин Дж. Р.Р. Кузнец из Большого Вуттона Сказка /Пер Ю. Нагибин, Е. Гиппиус, Авт. предисл. Ю. Нагибин — М Дет лит, 1988 — 58 с 100 000 экз

18. Толкин Дж. Р.Р. Кузнец из Большого Вуттона: Сказка /Пер. Ю. Нагибин, Е. Гиппиус; Авт. предисл. Ю. Нагибин. — М.: Сов. композитор, 1992. - 28 с. — (Круг чтения). 120 000 экз.

19. Толкин Дж. Р.Р. Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки /Сост. В. Бабенко. — М.: РИФ, 1991. - 298 с. — (Волшебный фонарь). 50 000 экз.

20. Толкин Дж. Р.Р. Повесть о Кольце: Роман: В 3 ч. /Пер. (сокр.) З. Бобырь. — М.: СП «Интерпринт», 1990. - 487 с. 150 000 экз.

Содерж.: Содружество Кольца; Две башни; Возвращение короля.

21. Толкин Дж. Р.Р. Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги: Сборник. — М.: ИнВектор, 1992. -251 с. 50 000 экз.

Содерж.: Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги; Лист Никля; Приключения фермера Джайлса; Кузнец из Большого Вуттона; О волшебных сказках.

22. Толкин Дж. Р.Р. Сильмариллион. — Б.м.: Изд-во Власова, 1992. - 275 с. 25 000 экз.

23. Толкин Дж. Р.Р. Сильмариллион: К 100-летию со дня рождения /Пер. Н. Эстель. — М.: Гиль-Эстель, 1992. - 414 с. 100 000 экз.

24. Толкин Дж. Р.Р. Сильмариллион: Роман /Ред. К. Толкин (сын). — Люберцы: Произв. — изд. комб. ВИНТИ, 1992. -285 с. 10 000 экз.

25. Толкин Дж. Р.Р. Сильмариллион: Роман. — М.: Фирма «Триллер», 1993. - 351 с. 5 000 экз.

26. Толкин Дж. Р.Р. Сильмариллион /Пер. Н. Григорьева, В. Грушецкий; Ред. К. Толкин. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 383 с. 100 000 экз.

27. Толкин Дж. Р.Р. Сказки: Для детей. — Екатеринбург: ТОО «Урал-рынок», 1993. - 179 с. 25 000 экз. Содерж.: Фермер Джайлс из Хэма; Лист; Кузнец из Большого Вуттона; Возвращение домой Бьортнота сына Бьортхельма; Драма; Приключения Тома Бомбадила и стихи.

28. Толкин Дж. Р.Р. Фермер Джайлс из Хэма /Пер. Г. Абрамян. — Петродворец: ММП «Петербург», 1991. - 63 с. 30 000 экз.

29. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно /Пер. Н. Рахманова. — Л.: Дет. лит., Ленингр. отд-ние, 1976. - 254 с. 100 000 экз.

30. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть-сказка /Пер. Н. Рахманова. — Л.: Дет. лит., Ленингр. отд-е, 1989. - 252 с. — (Библ. сер.). 300 000 экз.

31. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно /Пер. Н. Рахманова. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. -319 с. 100 000 экз.

32. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно /Пер. В. А. М. - Хабаровск: Амур, 1990. - 252 с. — (Все звезды фантастики). 300 000 экз.

33. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть-сказка /Пер. Н. Рахманова. — Л.: Дет. лит., Ленингр. отд-е, 1991. - 252 с. — (Библ. сер.). 150 000 экз.

34. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть-сказка /Пер. Н. Рахманова. — Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1991. - 286 с. 50 000 экз.

35. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть-сказка /Пер. Н. Рахманова. — СПб.: Северо-Запад, 1991. -351 с. 100 000 экз.

36. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть-сказка /Пер. Н. Рахманова. — СПб.: Лицей, 1992. - 252 с. 200 000 экз.

37. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Для детей. — М.: Ред. — изд. комплекс «Милосердие», 1992. - 219 с. 100 000 экз.

38. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно: Повести и сказки: Для сред, и ст. шк. возраста /Авт. послесл.

В. Гаков. — Минск: Вышейш. шк., 1992. - 332 с. 180 000 экз. Содерж.: Хоббит, или Туда и обратно; Кузнец из Большого Вуттона; Фермер Джайлс

из Хэма.

39. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно /Пер. Н. Рахманова. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 351 с. 100 000 экз.

40. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер. (сокр.) А. Кистяковский, В. Муравьев; Пер. стихов А. Кистяковский; Авт. послесл. В. Муравьев. — М.: Дет. лит., 1982. - 335 с. 100 000 экз.

41. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер. (сокр.) А. Кистяковский, В. Муравьев; Пер. стихов А. Кистяковский; Авт. послесл. В. Муравьев. — М.: Дет. лит., 1983. — 335 с. 100 000 экз.

42. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец». — М.: Радуга, 1989. - 493 с. 200 000 экз.

43. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер. А. Кистяковский, В. Муравьев; Авт. предисл. В. Муравьев. — М.: Радуга, 1990. - 493 с. 100 000 экз.

44. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер. А. Кистяковский, В. Муравьев; Авт. предисл. В. Муравьев. — М.: Радуга, 1991. - 493 с. 150 000 экз.

45. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелины Колец» /Пер. А. Кистяковский, В. Муравьев; Авт. предисл. В. Муравьев. — Новосибирск: Новосибирск, кн. изд-во, 1991. 475 с. 100 000 экз.

46. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» /Пер. А. Кистяковский, В. Муравьев; Авт. предисл. В. Муравьев. — Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1992. - 414 с. 60 000 экз.

47. Толкин Дж. Р.Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»: Роман /Пер. А. Кистяковский, В. Муравьев; Авт. предисл. В. Муравьев. — Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1993. - 343 с. 50 000 экз.

Инвариант

Алексис де Токвиль Демократия в Америке⁶⁴

Глава III ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ

Общественный строй обыкновенно возникает как следствие какого-либо события, иногда учреждается законодательным путем, а большей частью является результатом соединения этих двух обстоятельств. Однако, как только он сформируется, он сам начинает порождать большинство законов, обычаев и взглядов, определяющих поведение

64 Публикуется по изданию: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. Продолжение. Начало см.: Введение, гл. 1. Внешние очертания Северной Америки. — № 4 Гл. 2 Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5.

Перевел Виталий Олейник.

нации; то, что не является производным от него самого, он стремится изменить.

Следовательно, для того чтобы понять законодательство и обычаи того или иного народа, необходимо начать с изучения его общественного строя.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АНГЛОАМЕРИКАНЦЕВ — ЭТО ЕГО СУГУБО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Первые эмигранты в Новой Англии. — Равенство между ними. — Аристократические законы, введенные на Юге. Эпоха революции. — Изменение законов о наследовании. — Последствия этого изменения. — Равенство в самом полном объеме в новых штатах Запада. — Равенство в уровне образованности.

Можно было бы сделать немало важных замечаний по поводу общественного строя англоамериканцев, однако необходимо особо остановиться на самом важном.

Общественный строй англоамериканцев в высшей степени демократичен. Такой характер он Приобрел с момента основания колоний; в настоящее же время он стал еще более демократичным.

В предыдущей главе я говорил о том, что первые эмигранты, поселявшиеся на побережье Новой Англии, были во многих отношениях равны между собой. В этой части Союза никогда не чувствовалось ни малейшего влияния аристократии. Да здесь никогда и не могло быть никакого иного влияния, кроме влияния разума. Народ привык почитать некоторых знаменитостей как символы просвещенности и добродетели. Отдельные граждане приобрели над ним определенную власть, которую не без основания можно было бы назвать аристократической, если бы она неизменно передавалась от отца к сыну.

Так обстояло дело к востоку от Гудзона; на юго-западе от этой реки и вплоть до Флориды мы видим нечто совершенно другое.

В большинстве штатов, расположенных на юго-западе от Гудзона, поселились богатые землевладельцы. Они принесли с собой аристократические принципы и вместе с ними — английские законы о наследовании. Я говорил о причинах, препятствующих возникновению в Америке могущественной аристократии. Эти причины, хотя и существовавшие в местах поселений к юго-западу от Гудзона, все же имели там меньшее значение, нежели в восточных от реки территориях. На Юге один человек, используя труд невольников, мог обрабатывать огромные пространства земли. Как следствие, в этой части Американского континента жили в основном богатые землевладельцы. Однако они не пользовались тем влиянием, каким располагает аристократия в Европе, поскольку у них не было никаких привилегий; в результате того, что земля возделывалась с помощью рабского труда, они не имели арендаторов, и, следовательно, сама система патроната здесь отсутствовала. Тем не менее крупные землевладельцы, жившие к югу от Гудзона, представляли собой высшее сословие, которому были свойственны особые убеждения и пристрастия и которое становилось в центре политической жизни общества. Это была весьма своеобразная аристократия, мало отличавшаяся от основной массы населения, чьи

интересы и вкусы она легко воспринимала, не возбуждая ни у кого ни любви, ни ненависти, — иными словами, она была слаба и не слишком живуча. Именно этот класс и возглавил на Юге восстание: Американская революция обязана ему своими самыми великими людьми.

В эту эпоху все общество пришло в движение: народ, во имя которого велась война, народ, ставший могущественным, возжелал действовать самостоятельно; у него пробудились демократические инстинкты. Сломив иго метрополии, люди почувствовали вкус ко всяким проявлениям независимости: влияние отдельных личностей стало ощущаться все меньше и меньше и постепенно сошло на нет; и обычаи, и законы начали гармонично развиваться в едином направлении к общей цели.

Однако последним шагом к равенству стал закон о наследовании.

Меня удивляет тот факт, что юристы, как современные, так и прошлых времен, не признавали того огромного влияния, которое оказывали законы о наследовании⁶⁵ на развитие человеческих отношений. Верно, что эти законы относятся к гражданскому законодательству, но на самом-то деле их следовало бы поставить во главу угла всех политических установлений, ибо они самым непредвиденным образом воздействуют на общественный строй, при котором живут те или иные народы, тогда как политические законы являются простым отражением этого строя. Кроме того, законы о наследовании имеют бесспорное и постоянное влияние на все общество, они в некотором смысле воздействуют на целые поколения задолго до их рождения. Эти законы дают человеку почти божественную власть над будущим ему подобных. Законодатель, единожды установив порядок наследования имущества гражданами, затем отдыхает на протяжении столетий. Запустив механизм в действие, он может сидеть сложа руки: машина уже движется собственным ходом по намеченному заранее пути. Задуманная определенным образом, она объединяет, концентрирует, группирует вокруг отдельных лиц сначала собственность, а вскоре и власть; она в какой-то степени порождает земельную аристократию. Если же в конструкцию данной машины заложены другие принципы и если цель ее создания иная, то ее воздействие оказывается еще более быстрым: она разделяет, распределяет, размельчает имущество и могущество. Иногда случается так, что она наводит страх быстротой своего движения: уже и не надеясь приостановить ее ход, люди стараются по крайней мере как-то затруднить ее работу, воспрепятствовать ей; они делают попытки противостоять ее действию — но, увы, тщетные старания! Она дробит все, что ей ни попадается, на мелкие части, видны лишь разлетающиеся в стороны осколки. Она неустанно то поднимается вверх, то вновь опускается на землю до тех пор, пока эта земля не превратится в зыбкую и практически неосязаемую пыль, на которой устраивается поудобнее демократия.

В тех случаях, когда закон о наследовании позволяет и, тем более,

⁶⁵ Под законами о наследовании я подразумеваю все законы, главной задачей которых было определение судьбы имущества после смерти его владельца.

К их числу относится и закон о субституциях; этот закон, по правде сказать, хотя и препятствует собственнику распоряжаться своим имуществом при жизни, но одновременно обязывает владельца сохранять его только лишь для того, чтобы оно без ущерба перешло к наследнику. Основной целью закона о субституциях все-таки является распределение имущества после смерти владельца, остальное же есть лишь средство для достижения данной цели.

требует равного раздела имущества отца между детьми, последствия его применения могут быть двойными; необходимо четко различать их между собой, хотя цель у них одна и та же.

В соответствии с законом о наследовании смерть каждого владельца влечет за собой коренные изменения в собственности: имущество не просто меняет владельца, но меняет, так сказать, и свою природу, ибо оно беспрерывно дробится на все более и более мелкие части.

Именно в этом и заключается непосредственный, реально ощутимый результат применения данного закона. В тех странах, где законодательство устанавливает равенство при разделе наследства, имущество и особенно земельные владения должны, таким образом, постоянно сокращаться в размерах. Между тем последствия подобного законодательства становились бы заметными лишь спустя длительное время, если бы закон действовал только сам по себе, потому что редко какая семья имеет более двоих детей (например, в такой густонаселенной стране, как Франция, в среднем на семью приходится трое детей); разделив между собой состояния отца и матери, дети вряд ли окажутся беднее, чем каждый из родителей в отдельности.

Однако закон о равном разделе наследства оказывает свое воздействие не только на судьбу имущества: он влияет и на сами души владельцев, вызывая игру страстей, которая сказывается на его осуществлении. Таковы косвенные последствия закона, приводящие к быстрому разрушению крупных состояний, и в особенности крупных землевладений.

У тех народов, у которых закон о наследовании исходит из права первородства, земельные владения наиболее часто переходят от поколения к поколению, не подвергаясь дроблению. Таким образом, владение землей порождает фамильный дух. Семья — это земля, которой она владеет, земля — это семья; земля увековечивает фамилию рода, его происхождение, его славу, его могущество и его добродетели. Она является бессмертным свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода.

Закон о наследовании, устанавливающий равный раздел имущества, уничтожает ту тесную связь, которая существовала между принадлежностью к конкретному роду и сохранностью земельного владения; земля перестает олицетворять собою семью, род, поскольку, неизбежно подвергаясь разделу через одно или два поколения, она, естественно, должна уменьшиться в размерах и в конце концов совершенно исчезнуть. Сыновья крупного землевладельца, если их число невелико или если им сопутствует удача, конечно, могут еще сохранить надежду стать не менее богатыми, нежели их родители, однако, они не смогут обладать той же собственностью, которой владели их предки: их богатство непременно будет состоять из других элементов, нежели состояние родителей.

Таким образом, как только вы лишите землевладельцев их громадной заинтересованности в сохранении земли, что обусловлено их чувствами, воспоминаниями, гордостью и честолюбием, можно быть совершенно уверенными в том, что рано или поздно они продадут свои владения; их будет толкать к продаже земли немалая финансовая заинтересованность, так как движимое имущество обеспечивает своему владельцу большие проценты, нежели любое другое, и тем самым в большей степени способствует удовлетворению повседневных потребностей и желаний

человека.

Оказавшись хотя бы единожды поделены, крупные землевладения уже не воссоздаются вновь в своем первоначальном виде, так как мелкий землевладелец получает, если соотнести размеры земли и его доходы, большую прибыль от своего надела⁶⁶, нежели крупный собственник от своих владений, поэтому-то он и продает свой участок значительно выгоднее, чем последний. Таким образом, экономические расчеты, побудившие богатого человека продать свои обширные земельные владения, тем более не позволяют ему приобретать маленькие участки земли с целью впоследствии воссоздать из них большие.

То, что называется чувством рода, на самом деле не что иное, как тщеславие. Каждый стремится продлить свой род, дабы достичь в некотором смысле бессмертия, воплотившись в своих потомках. Когда чувство рода пропадает, с особенной силой проявляется эгоизм человека. Род воспринимается как нечто весьма размытое, неопределенное и неясное, каждый человек думает лишь о собственном благополучии в повседневной жизни и о том, чтобы просто обзавестись потомством.

Таким образом, никто не заботится об увековечении своего рода, а если и заботится, то чаще всего другими средствами, нежели сохранение земельной собственности.

Итак, закон о наследовании не только делает трудным сохранение в целостности родовых земельных владений, но и лишает собственников даже желания это делать; он в известной степени заставляет их содействовать своему же собственному разорению.

Закон о равном разделе имущества действует двояким образом — влияя на собственность, он оказывает воздействие и на человека; оказывая воздействие на человека, он не может не затронуть и собственность.

Своим двойным воздействием закон наносит огромный ущерб институту земельной собственности и приводит к быстрому уничтожению как самих родов, так и их состояний⁶⁷.

Нам, французам XIX века, постоянным свидетелям политических и социальных перемен, происходящих в результате действия закона о наследовании, не подобает ставить под сомнение его значение.

66 Я не хочу сказать, что мелкий землевладелец качественнее возделывает почву, но он делает это старательнее и с большим усердием, компенсируя своим трудом нехватку умения в обработке земли.

67 В силу того, что земля является самой надежной формой собственности, время от времени появляются богатые люди, которые охотно готовы потерять значительную часть своих доходов с тем, чтобы быть уверенными в оставшихся. Однако подобные случаи являются исключением. Любовь к недвижимости обыкновенно встречается у людей бедных. Мелкие земельные собственники, у которых меньше знаний, меньше фантазии и меньше пристрастий по сравнению с богатыми владельцами, обыкновенно заботятся лишь о том, чтобы расширить свои владения, и, таким образом, зачастую случается, что наследство, брак или же удача в коммерции постепенно открывает перед ними возможность добиться цели.

Наряду с тенденцией, ведущей к тому, что люди дробят свои землевладения, существует и другая тенденция, которая ведет к накоплению земли. Данная тенденция, будучи достаточной для того, чтобы воспрепятствовать дроблению земельных владений до бесконечности, тем не менее не является настолько сильной, чтобы способствовать возникновению крупных состояний и тем более сохранению таких земельных состояний в руках одного рода.

Ежедневно мы видим, как этот закон то тут, то там проявляется на нашей земле, разрушая стены наших домов и уничтожая ограждения вокруг наших полей. Вместе с тем если по закону о наследовании и совершено немало дел в нашей стране, то впереди таких дел еще больше. Действию этого закона во многом препятствуют наши воспоминания, наши убеждения и наши привычки.

В Соединенных Штатах его разрушительная сила уже почти достигла своих пределов. И именно в этой стране и следует изучать основные результаты применения этого закона.

Английское законодательство о передаче имущества по наследству было ликвидировано в эпоху революции практически во всех североамериканских штатах.

Закон о субституциях был изменен таким образом, чтобы практически никак не стеснять свободное обращение имущества⁶⁸.

Ушло первое поколение, начался раздел земель. С течением времени данный процесс развивался все быстрее и быстрее. Сегодня, по прошествии всего лишь шестидесяти лет, общество стало уже совершенно неузнаваемым; почти все семьи крупных землевладельцев растворились в общей массе населения. В штате Нью-Йорк, где в свое время насчитывалось довольно большое количество крупных землевладельцев, лишь двое умудрились уцелеть в готовом поглотить их водовороте. Дети богатых граждан стали сегодня коммерсантами, адвокатами, врачами. Многие из них канули в полную безвестность. Последние следы высокого общественного положения и знатности, унаследованных от предков, были уничтожены; закон о наследовании свел всех к единому уровню.

Это вовсе не означает, что в Соединенных Штатах, да и в других местах нельзя встретить богатых современников. Напротив, я, пожалуй, даже не знаю другой такой страны, где бы любовь к деньгам занимала столь прочное место в сердцах людей и где бы открыто высказывалось столь глубокое презрение к теории о неизменном имущественном равенстве. Однако состояния обращаются в этой стране с невероятной быстротой, а опыт свидетельствует о том, насколько редко случается, чтобы два поколения подряд пользовались привилегией быть богатыми.

Эта картина, какой бы красочной она ни была, тем не менее дает лишь самое приблизительное представление о том, что происходит в новых штатах Запада и Юго-Запада Америки.

К концу прошлого столетия предприимчивые искатели приключений начали проникать в долину Миссисипи. Это стало как бы новым открытием Америки, и вскоре туда хлынуло большое число эмигрантов; из пустынных необжитых мест стали вдруг доходить вести, что там появились какие-то неизвестные общины. Штаты, которых не было и в помине всего несколько лет тому назад, прочно заняли свое место в американском Союзе. Именно в западных территориях развитие демократии достигло своего наивысшего уровня. В этих штатах, возникших в какой-то степени по воле случая, люди расселились на занятых ими землях совсем недавно. Они были едва знакомы друг с другом, и никто не знал прошлого своего ближайшего соседа. Население этой части Американского континента, таким образом, избежало влияния не только знати или крупных богачей, но и так называемой аристократии

68 Звездочками в тексте помечены примечания автора (см. в конце публикации).

от природы, то есть людей, своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью. Здесь никто не пользовался тем большим уважением, которое вызывается памятью людей о прошедшей перед их глазами жизни, отданной на благо других. В новых штатах Запада есть просто жители, но общество как таковое здесь пока еще не сложилось.

Однако в Америке люди имеют не только одинаковые состояния; они до известной степени равны и в своем интеллектуальном развитии.

Я не думаю, что где-либо в мире существуют государства, где пропорционально численности населения встречалось бы столь мало полных невежд и столь же мало ученых, как на Североамериканском континенте.

Начальное образование в этой стране доступно всем и каждому. Высшее образование не доступно практически никому.

Данную ситуацию легко понять: она явилась неизбежным результатом всего того, о чем говорилось выше.

Почти все американцы довольно-таки зажиточны, поэтому они легко могут приобрести начальные элементы человеческих знаний.

Однако в Америке мало богатых людей, в силу чего практически все американцы вынуждены заниматься какой-либо профессиональной деятельностью. Между тем любая профессия требует предварительного обучения. Таким образом, приобретению общеобразовательных знаний американцы могут посвящать лишь первые несколько лет своей жизни — уже в пятнадцать лет они начинают свою профессиональную деятельность, и, как следствие, получение ими образования завершается чаще всего именно в ту пору жизни, когда у нас оно лишь только начинается. Если же американец продолжает учиться и дальше, то чаще всего он сосредоточивается лишь на предметах конкретных, от которых впоследствии может получить выгоду. Он рассматривает науку с сугубо деловой точки зрения, извлекая из нее только то, что может принести непосредственную пользу в настоящий момент.

В Америке большинство ныне богатых людей были когда-то бедными; практически все, кто сейчас бездельничает, в юности трудились не покладая рук. Поэтому если у человека и могла быть когда-то тяга к знанию, то у него не было времени заниматься своим образованием, а когда у него наконец появилось свободное время, то исчезло само желание.

В Америке вообще нет такого слоя людей, которые могли бы вместе с состоянием и возможностью иметь свободное время передать в наследство потомкам свою любовь к знаниям и которые почитали бы за честь заниматься умственным трудом.

Стало быть, американцы и не хотят посвящать себя этому труду, и не имеют возможности им заниматься.

В этих условиях в Соединенных Штатах установился некий средний уровень знаний, к которому все как-то приблизились: одни — поднимаясь до него, другие — опускаясь.

В результате здесь можно встретить огромную массу людей, у которых сложилось почти одинаковое понимание религии, истории, наук, политической экономии, законодательства, государственного устройства и управления.

Разум дается человеку Богом — один получает больше, другой — меньше, и человек не в силах противодействовать такому неравенству; это

было и будет всегда.

Однако как по крайней мере видно из сказанного выше, хотя умственные способности людей по воле Создателя и остаются неодинаковыми, люди вместе с тем получают равные возможности для своего развития.

Итак, в Америке аристократическая элита, будучи весьма слабой уже в момент своего зарождения, в настоящее время если до конца еще и не уничтожена, то по меньшей мере ослаблена до такой степени, что вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на развитие событий в стране.

Напротив, время, события и законы создали такие условия, в которых демократический элемент оказался не только преобладающим, то и, так сказать, единственным. В американском обществе не заметно ни фамильного, ни сословного влияния, здесь даже очень редко случается, чтобы какая-то отдельная личность имела вес в обществе долгое время.

Американский общественный строй, таким образом, представляет собой чрезвычайно странное, явление. Ни в одной стране мира и никогда на протяжении веков, память о которых хранит история человечества, не существовало людей, более равных между собой по своему имущественному положению и по уровню интеллектуального развития, другими словами — более твердо стоящих на этой земле.

ВЛИЯНИЕ АНГЛОАМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

Совсем нетрудно предположить, каким образом общественный строй может повлиять на политическую жизнь страны.

Было бы совершенно непонятно, если бы равенство, характерное для различных сфер человеческой жизни, не коснулось бы в конце концов и мира политики. Невозможно представить себе, чтобы люди, равные между собой во многих отношениях, в одной какой-то области оставались навечно неравными, поэтому, естественно, со временем они должны добиться равенства во всем.

Между тем мне известны всего два способа, которыми можно достичь равенства в политической сфере — нужно или дать все права каждому гражданину страны, или же не давать их никому.

Тем из народов, которые пришли к такому же общественному строю, какой существует у англоамериканцев, оказывается чрезвычайно сложно заметить некую границу между верховной властью, принадлежащей всему населению, и единоличной абсолютистской властью.

Вряд ли стоит отрицать, что при описанном мною выше общественном строе может с одинаковой легкостью быть как первый, так и второй результат.

И действительно, существует некое настойчивое и закономерное стремление человека к такому равенству, которое пробуждает в людях желание стать сильными и уважаемыми в обществе. Это страстное желание служит тому, что незначительные люди поднимаются до уровня великих. Однако в человеческих душах живет иногда и некое извращенное отношение к равенству, когда слабые желают низвести сильных до собственного уровня, и люди скорее готовы согласиться на равенство в рабстве, чем на неравенство в свободе. Это вовсе не означает, что люди, живущие при демократическом общественном строе, с легкостью пренебрегают свободой; напротив, им свойственна

инстинктивная склонность к ней. Однако обретение свободы отнюдь не является главной и постоянной целью их жизни. Единственное, что они любят безгранично, — так это равенство; эти люди как-то внезапно, под влиянием сиюминутных импульсов, устремляются к свободе, и если они все же не достигают своей цели, то безропотно покоряются судьбе; им ничего не нужно, кроме равенства, и они скорее согласились бы погибнуть, чем лишиться его.

С другой стороны, когда все граждане более или менее равны между собой, им становится сложно защищать свою независимость от нажима властей. Никто из них не оказывается достаточно сильным, чтобы успешно сопротивляться поодиночке, поэтому, лишь объединяя свои усилия, сообща, люди способны гарантировать себе сохранение свободы. Однако подобное объединение сил достижимо далеко не всегда.

Таким образом, на основе одного и того же общественного строя народы могут добиться двух основных результатов: эти результаты кардинально разнятся между собой, но источник у них один.

Первыми столкнулись с этой описанной мною опасной альтернативой англоамериканцы; они были вполне счастливы, избежав неограниченной, абсолютистской власти. Обстоятельства, происхождение, образование и в особенности нравы позволили им ввести у себя и сохранить верховную власть всего народа.

Глава IV

О ПРИНЦИПЕ НАРОДОВЛАСТИЯ В АМЕРИКЕ

Всеобъемлющее господство принципа народовластия в американском обществе. — Применение американцами данного принципа до революции. — Влияние революции на развитие принципа народовластия. — Постепенное и неуклонное снижение ценза.

Говоря о политических законах Соединенных Штатов, следует непременно начать с концепции народовластия.

Принцип народовластия, который в той или иной степени всегда заложен в основу любых общественных институтов, обычно почти невидим. Ему подчиняются, хотя его и не признают, а если все же иногда случается извлечь его на свет божий, то тотчас же люди торопятся вновь скрыть его во мраке святилища.

Воля народа — есть, пожалуй, один из тех лозунгов, которыми интриганы и деспоты всех времен и народов наиболее злоупотребляли. Одни считали, что эта воля выражается одобрением, исходящим от отдельных продажных приспешников власти; другие видели его в голосах заинтересованного или боязливого меньшинства; некоторые даже находили, что воля народа наиболее полно проявляется в его молчании и что из самого факта его повиновения рождается их право повелевать.

В Америке, в отличие от других стран, принцип народовластия претворяется в жизнь открыто и плодотворно. Он признается обычаями страны, провозглашается в ее законах, он свободно эволюционирует и беспрепятственно достигает своих конечных целей.

Если на свете существует такая страна, в которой можно по достоинству оценить принцип народовластия, где можно изучить его в применении к общественной деятельности и судить как о его преимуществах, так и о его недостатках, то этой страной, бесспорно, является Америка.

Как я уже говорил ранее, многие колонии Новой Англии с момента их появления руководствовались принципом народовластия. Меж тем в то время было еще очень далеко до того, чтобы этот принцип стал столь доминирующим в управлении страной, как это имеет место сейчас.

Два препятствия — одно из них внешнее, другое внутреннее — сдерживали его всеохватывающее поступательное развитие.

Принцип народовластия не мог открыто появиться в законах, так как колонии еще продолжали формально подчиняться метрополии, и его были вынуждены скрывать, провозглашая лишь на провинциальных собраниях и главным образом в общинах, где он тайно таким путем развивался.

Американское общество того времени еще не было достаточно подготовлено к тому, чтобы принять этот принцип со всеми вытекающими последствиями. Просвещенные люди в Новой Англии и богатые граждане в штатах, расположенных к югу от Гудзона, в течение длительного времени оказывали, как это уже было описано мною в предыдущей главе, своего рода аристократическое влияние на общество, направленное на сосредоточение всей власти в руках единиц. Еще далеко было то время, когда все общественные должностные лица стали выбираться, а все граждане считались избирателями. Избирательное право было повсеместно ограничено определенными рамками и конкретным избирательным цензом. Данный ценз весьма мало применялся на Севере и гораздо больше — на Юге.

Вспыхнула Американская революция. Принцип народовластия вышел за пределы общины и распространился на сферу деятельности правительства; все классы пошли на уступки ради торжества этого принципа; во имя него сражались и побеждали; он стал наконец законом законов.

Внутри американского общества произошли столь же быстрые изменения. Закон о наследовании завершил уничтожение местного влияния.

К тому времени, когда воздействие законов и результаты революции стали мало-помалу очевидными для всего общества, демократия уже одержала безоговорочную победу. Демократия восторжествовала на деле, захватив власть в свои руки. Против нее не дозволялось даже вести борьбу. Высшие сословия подчинились ей безропотно и без сопротивления, как злу, сделавшемуся отныне неизбежным. С ними произошло то, что случается обычно с теми, кто теряет свое могущество: на первый план выходят чисто эгоистические интересы каждого в отдельности, а поскольку власть уже невозможно вырвать из рук народа и поскольку массы не вызывают у них столь глубокой ненависти, чтобы не подчиняться им, постольку они решают добиваться во что бы то ни стало благосклонности народа. В результате самые демократические законы один за другим были поставлены на голосование и одобрены теми самыми людьми, чьи интересы страдали от этих законов в наибольшей степени. Действуя таким образом, высшие сословия не возбудили против себя народного гнева; напротив, они сами ускорили торжество нового строя. И — странное дело! — демократический порыв всего неудержимее проявляется в тех штатах, где аристократия пустила наиболее глубокие корни.

Штат Мэриленд, основанный в свое время знатными дворянами,

первый провозгласил всеобщее избирательное право⁶⁹ и ввел в систему управления штатом демократические формы.

Когда какой-то народ пытается изменить действующий в стране избирательный ценз, можно предположить, что рано или поздно он отменит его полностью. Таково одно из неизменных правил жизни любого общества. Чем больше расширяются избирательные права граждан, тем больше потребность в их дальнейшем расширении, поскольку после каждой новой уступки силы демократии нарастают и одновременно с упрочением новой власти возрастают и ее требования. Чем больше людей получают право избирать, тем сильнее становится желание тех, кто еще ограничен избирательным цензом, получить это право. Исключение становится, наконец, правилом, уступки следуют одна за другой, и процесс развивается до тех пор, пока не вводится всеобщее избирательное право.

В наши дни принцип народовластия настолько полно воплощается в жизнь в Соединенных Штатах, насколько это только можно себе представить. Он был очищен от всевозможных вымыслов, которые старались создать вокруг него в других странах; постепенно, в зависимости от обстоятельств, он начинает проявляться в самых разнообразных формах; то народ в полном составе, как это было в Афинах, сам устанавливает законы; то депутаты, избранные на основе всеобщего избирательного права, представляют этот народ и действуют от его имени и под его непосредственным контролем.

Существуют такие страны, в которых власть, находясь как бы вне общественного организма, воздействует на него и вынуждает его следовать по тому или иному пути развития.

Существуют также и другие страны, где власть поделена и находится частично в руках общества, а частично — вне его. Ничего похожего в Соединенных Штатах вы не увидите; общество здесь действует вполне самостоятельно, управляя собой само. Власть исходит исключительно от него; практически невозможно встретить человека, который осмелился бы вообразить и в особенности высказать соображение о том, чтобы искать ее в ином месте. Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует он и в претворении этих законов в жизнь — путем избрания представителей исполнительной власти. Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены; правительство постоянно чувствует свою изначальную связь с народом и повинуетя той силе, которая создала его. Народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он — начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему.

Примечания автора

С. 257

В «Воспоминаниях» Джефферсона написано следующее: «В ранний колониальный период, когда англичане начали обосновываться в Виргинии и когда землю можно было приобретать за самую малость или вообще даром, некоторые предусмотрительные личности приобрели

69 Поправки к конституции штата Мэриленд, сделанные в 1801 и в 1809 годах.

огромные наделы и, желая поддержать материальное благополучие семейства, завещали свои состояния своим потомкам. Переход этой земельной собственности из поколения в поколение, при том, что хозяевами всегда оставались люди, носившие одну и ту же фамилию, привел к выделению из среды колонистов определенного крута семейств, которые благодаря закону сумели сохранить свои богатства и образовали, таким образом, некоторое подобие класса патрициев, отмеченных великолепием и роскошью своего образа жизни. Из этого класса, по обыкновению, король подбирал себе государственных деятелей колонии».

В Соединенных Штатах основные положения английских законов о наследовании были повсеместно отвергнуты.

«Основное правило, которому мы подчиняемся в вопросе об имущественном наследовании по закону, — утверждает господин Кент, — заключается в следующем: если какой-нибудь человек умирает, не оставив завещания, его имущество переходит к его наследникам по прямой линии. Если имеется единственный наследник или наследница, он (или она) получает все имущество полностью. Если же покойный оставил несколько наследников, пользующихся равными правами, то в этом случае имущество разделяется между ними на равные доли вне зависимости от пола наследующего».

Это правило было впервые введено в штате Нью-Йорк в постановлении от 23 февраля 1786 года (см.: Законодательные поправки и постановления, т. III; Приложения, с. 48). С тех пор оно было включено в основной текст законов и поправок данного штата. К настоящему времени действие этой нормы вошло в силу на территории почти всех Соединенных Штатов с тем единственным исключением, которое являет собой законодательство штата Вермонт, где наследнику-мужчине выделяется двойная доля наследуемого имущества. Кент. Комментарии, т. IV, с. 370.

В этой же работе господин Кент (т. IV, с. 1 — 22) дает исторический очерк американского законодательства по вопросу майоратного наследования. Автор приходит к выводу, что вплоть до Американской революции в колониях в качестве юридической нормы функционировали английские законы майоратного наследования. Собственно говоря, впервые майорат был отменен в Виргинии в 1776 году (движение за эту отмену возглавлял Томас Джефферсон; см. его «Воспоминания»); а в 1786-м — в штате Нью-Йорк. Затем отмена была объявлена в штатах Северная Каролина, Кентукки, Теннесси, Джорджия и Миссури. В Вермонте, Индиане, Иллинойсе, Южной Каролине и Луизиане закон майората никогда не применялся на практике. В тех штатах, законодатели которых считали, что им следует сохранить английские нормы, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения, они модифицировали их таким образом, что нормы лишились своих основных аристократических черт. «Главные принципы нашего общественного устройства и правления, — утверждает господин Кент, — благоприятствуют свободной циркуляции собственности».

Французский читатель, изучающий раздел американского законодательства, посвященный вопросам наследования, будет особо потрясен, обнаружив, что наши законы в этой области бесконечно более демократичны, чем их.

По американским законам имущество родителя разделяется между наследниками лишь в том случае, если его воля неизвестна. «Ибо каждый

человек в штате Нью-Йорк, — гласит закон (Законодательные поправки и постановления, т. III; Приложение, с. 51), — имеет полную и ничем не ограниченную свободу, право и полномочия передавать, распоряжаться, даровать или завещать свое имущество любому лицу или любым лицам, если данное лицо или группа лиц не представляют никаких политических или общественных организаций».

По французскому закону деление имущества на равные или почти равные доли обязательно для завещающего.

Большинство американских штатов все еще допускают майоратное наследование земли, ограничиваясь лишь сдерживающими его мероприятиями.

Французские законы ни в коем случае майората не допускают.

Если у американцев общественное устройство все еще более демократично, чем наше, то у нас зато более демократичны законы. Вопреки возможным предположениям, это объясняется без особого труда: во Франции демократия все еще занята делом разрушения; в Америке она безмятежно царствует на руинах прошлого.

С. 265

Краткое изложение вопроса об избирательном цензе в Соединенных Штатах

Все штаты представляют своим гражданам удовольствие участвовать в выборах, начиная с 21-летнего возраста. Во всех штатах необходимо постоянно проживать в течение определенного времени в том округе, в котором избиратель голосует. Данный срок колеблется от трех месяцев до двух лет.

Что касается имущественного положения, то в штате Массачусетс для того, чтобы стать избирателем, человеку необходимо иметь доход в 3 фунта стерлингов в год или же капитал в 60 фунтов стерлингов.

В штате Род-Айленд для этого необходимо обладать земельной собственностью стоимостью не менее 133 долларов (704 франка).

В Коннектикуте надо иметь собственность, приносящую годовую прибыль в 17 долларов (около 90 франков). Год службы в милиции также дает избирательное право.

В Нью-Джерси избиратель должен иметь собственность, оцениваемую в 50 фунтов стерлингов.

В Южной Каролине и в Мэриленде избиратель должен иметь 50 акров земли.

В штате Теннесси достаточно иметь хоть какую-то собственность вообще.

В штатах Миссисипи, Огайо, Джорджия, Виргиния, Пенсильвания, Делавэр и Нью-Йорк для получения права голоса достаточно платить хоть какие-то налоги; в большинстве этих штатов служба в милиции эквивалентна уплате налогов.

В Мэне и Нью-Гэмпшире достаточно не значиться в списках нуждающихся в помощи.

И наконец, в штатах Миссури, Алабама, Иллинойс, Луизиана, Индиана, Кентукки и Вермонт для избирателей не установлено никакого имущественного ценза.

Полагаю, что только в Северной Каролине к избирателям предъявляются различные требования: те, кто участвуют в выборах сенаторов, должны иметь земельный надел не менее 50 акров. Для

участия в выборах членов палаты представителей достаточно платить какой-либо налог.